«ЗЕЛЕНЫЙ» ЭКСТРЕМИЗМ: ЖЕЛЕЗНОЙ РУКОЙ ЗАГОНИМ ЧЕЛОВЕКА В ПРИРОДУ Стр.56

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

3 ИЮНЯ 1997

Итоги

ВМЕСТЕ С Newsweek

РОССИЯ – НАТО.

Развязка в первом Акте

Стр.12-21

№22 (55)

9 771027 396001

Подписка на журнал **«Итоги»** принимается без ограничений по всей территории РФ. В розницу журнал распространяется в Москве и Московской обл., Санкт-Петербурге, Архангельске, Астрахани, Барнауле, Брянске, Владивостоке, Волгограде, Вологде, Воронеже, Выборге, Екатеринбурге, Златоусте, Иванове, Ижевске, Иркутске, Казани, Калуге, Кинешме, Кирове, Краснодаре, Красноярске, Мурманске, Н.Новгороде, Н.Тагиле, Новгороде, Новокузнецке, Новосибирске, Омске, Оренбурге, Орле, Пензе, Петрозаводске, Перми, Пскове, Ростове-на-Дону, Рыбинске, Рязани, Самаре, Саратове, Смоленске, Сочи, Ставрополе, Тамбове, Твери, Томске, Тюмени, Ухте, Хабаровске, Челябинске, Шуе, Элисте, Ярославле; в столицах государств СНГ Баку **(Азербайджан)**, Ереване **(Армения)**, Минске **(Белоруссия)**, Тбилиси **(Грузия)**, Алма-Ате **(Казахстан)**, Бишкеке **(Киргизия)**, Кишиневе **(Молдавия)**. Журнал можно приобрести также в **Австрии, Великобритании, Германии, Италии, США, Финляндии, Швейцарии.**

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Непредсказуемый в Париже. При подписании «Основополагающего акта» между Россией и НАТО у Бориса Ельцина были все основания чувствовать себя победителем. Московской команде, может быть впервые, удалось выработать четкую линию поведения и выступить против Североатлантического альянса единым фронтом. Стр.12–21

Боги Эвереста разгневаны: альпинизм, похоже, превращается в развлечение для богатых бездельников. Почетный клуб покорителей самой высокой вершины мира пора переименовывать в клуб самоубийц. Из трехсот человек, что приехали штурмовать Джомолунгму в этом году, пятнадцать уже погибли Стр.62

Exegi monumentum. «Рабочий и Колхозница» – это больше, чем просто скульптура. Пора извлечь монумент с задворок бывшей ВДНХ, перенести его в соразмерное ему пространство и окружить его всенародным вниманием. Таким местом должна стать стрелка Кремлевского острова, где стоит ненавистный многим церетелиевский Петр. Стр.74

На обложке фото **AFP**

Свой круг, телеграф, междометия, разговоры запросто 4–11
Те, которые 32
Профиль: Директор республики 33
Save as: Слушайтесь штурмана! 52
Персонажи 70

ГЛАВНАЯ ТЕМА
Дмитрий Пинскер
Непредсказуемый в Париже 12
Александр Гольц
Не так страшна НАТО, как ее малюют 15
Андрей Стахов
Праздник без праздника 17
Владимир Тодрес
Словацкая карусель 18

В РОССИИ
Александр Акулов
Ловушки для министра 22
Никита Соколов
Прихлопнуть говорильню 24
Петр Журавлев
Апофеоз безопасности 26
Григорий Воскобойников
Судейские страсти 28
Владимир Зорич
Брат по расчету 30

ВОКРУГ РОССИИ
АФГАНИСТАН
Евгений Пахомов
Афганские скачки 37
Александр Барни
Афганистан после сдачи Ферзя 38
ФРАНЦИЯ
Дмитрий Сабов
Миноритарная система 40
ГЕРМАНИЯ
Дмитрий Погоржельский
Испытание свободой 42
Эндрю Нагорски
Немецкий «плавильный котел» 44

ДЕЛО
Андрей Серов
Пятый фактор производства 46
Ирина Розенберг
«Живая» вода 49

ОБЩЕСТВО
Денис Драгунский
Укол свободы 54
Сергей Иванов
Сползание в диссидентство 55

ЭКОЛОГИЯ
Борис Жуков
Зеленый шум 56
Алексей Смирнов
Желудок как центр социальных битв XXI века 59

СПОРТ
Род Нордлэнд
Боги Эвереста разгневаны 62

ВЫБРАННЫЕ МЕСТА
Никита Хрущев
Наиболее скользкий участок 66

ИСКУССТВО
Лев Рубинштейн
Белый, «белая» и другие 71
Кира Верникова, Анна Петрова
Женщина-дирижер: рыжая, что ли? 72
Лев Смирнов
Exegi monumentum 74
Телевидение 77

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДНЕВНИК
Книги. Премии. Музыка. Кино. Выставки. Театр 78–81
Игры 82

Итоги

Еженедельный журнал
№ 22 (55), 3 июня 1997 года
Издатель ЗАО «Журнал «Итоги»
Генеральный директор Дмитрий Бирюков

Главный редактор Сергей Пархоменко
Заместитель главного редактора Маша Липман
Арт-директор Аркадий Троянкер
Консультанты (Newsweek) Рон Джаверз, Майкл Джоунз, Лиза Мичурски, Доринда Эллиотт
Секретариат Андрей Збарский **(ответственный секретарь),** Виталий Колбасюк **(первый заместитель ответственного секретаря),** Владимир Орлов **(заместитель ответственного секретаря),** Ирина Фрейдлин **(выпускающий редактор)**
Отдел дизайна Алексей Афанасьев, Ирина Борисова, Галина Грозная **(ведущий дизайнер),** Максим Любановский, Федор Радлов
Фотослужба Олег Иванов **(директор),** Галина Величко, Владимир Иванов, Дмитрий Иванов, Ирина Ирхина, Галина Киселева, Алиса Петрова
Отдел политики («В России») Сергей Авдеенко **(зав. отделом),** Александр Гольц, Петр Журавлев, Галина Ковальская, Дмитрий Пинскер, Александр Рыклин, Никита Соколов **(редактор),** Владимир Тодрес, Дмитрий Хитаров, Александр Щербаков **(редактор)**
Отдел международной жизни («Вокруг России») Дмитрий Сабов **(зав. отделом),** Екатерина Лазарева **(редактор),** Евгений Пахомов, Сергей Строкань
Отдел экономики («Дело») Ирина Розенберг **(зав. отделом),** Алексей Каменский, Андрей Серов, Светлана Солодовник **(редактор)**
Отдел общества («Общество», «Экология», «Спорт») Елена Каменская **(зав. отделом),** Татьяна Аскери **(редактор),** Маша Гессен, Денис Драгунский, Борис Жуков, Борис Старцев
Отдел искусства («Искусство», «Художественный дневник») Дина Годер **(зав. отделом),** Юрий Гладильщиков, Марианна Голубовская **(редактор),** Лев Рубинштейн, Ярослав Седов, Ольга Солнцева **(редактор)**
Отдел информационного обеспечения и досье Егор Быковский **(зав. отделом),** Наталья Косарева
Переводы с английского Александр Богдановский
Служба проверки Лидия Верина, Татьяна Воронина
Корректура Наталья Александрова, Белла Бурт, Лариса Долбина, Ирина Комарова, Лия Кройтман, Александра Пряжникова
Бухгалтерия Елена Пальчевская, Светлана Родионова, Оксана Ростокина
Референты Оксана Артюкова, Ирина Карасева, Ирина Костылева, Анна Лощихина, Ольга Никушкина, Елена Репина, Елена Черкасова
Водители Михаил Егоров, Александр Жафяров

Автор дизайн-проекта Аркадий Троянкер

Отдельные редакционные материалы публикуются на основании лицензии, выданной **Newsweek, Inc.**

Постоянный представитель в редакции Newsweek Екатерина Корсунская

Адрес редакции: 125871, Москва, Ленинградское шоссе, дом 5а
E-mail ITOGI@TOD.NEWSBOX.MSK.SU
Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ
Регистрационное удостоверение № 014592 от 14.03.96
ISSN 1027-3964
Подписной индекс 75587
Учредитель ЗАО «Издательство «Семь дней»
Исполнительный директор Артур Селищев
Финансовый директор Сергей Крупенков
Управляющий делами ЗАО «Издательство «Семь дней» Мария Дмитриева
Служба рекламы ЗАО «Издательство «Семь дней»: Нана Цобехия **(директор),** телефоны (095) 753.4145, 753.4146, факс 753.4148
Служба маркетинга ЗАО «Издательство «Семь дней»: Мария Кисельникова **(директор),** Ирина Келина, Ольга Лытаева, телефон (095) 195.9236
Служба распространения ЗАО «Издательство «Семь дней» Александр Магатаев **(директор),** телефон/факс (095) 753.4104
Подписка вне территории Российской Федерации осуществляется:
АО «Международная книга», тел. (095) 238.4967; факс (095) 238.4634;
фирмой East View Publications , тел. в США (612) 550.0961; факс (612) 559.2931
Верстка, цветоделение и компьютерное обеспечение — компьютерный центр ЗАО «Издательство «Семь дней»: Василий Черный **(директор),** Анатолий Капчинский (технолог), Павел Балаченков, Роман Балашов, Ирина Бархатова, Лев Галустов, Олег Детинин, Ольга Донецкова, Илья Дьяков, Елена Зайцева, Андрей Корзун, Александр Мелешкин, Саша Милоградова, Владимир Остапцев, Валентин Писаревский, Владимир Скок, Алексей Чарский, Валерий Чиж, Ирина Чудецкая, Артемий Юркевич
Номер подписан в печать 29 мая 1997 года
Отпечатано в типографии **Algraphics** (Финляндия). Тираж 65 000 экз.

О коммунальной реформе

Рубрику «Оптимизм» к статье про жилищно-коммунальную реформу в номере за 6 мая вы удачно поставили. Тем более нам известно, что у московских-то властей все на учете, и цены коммунальные они берут не с потолка. А платить за хорошую услугу нам, москвичам, всегда удовольствие.

Но Москва, конечно, город сложный. Совершенно за всем не углядишь. В вашем журнале однажды фото видел — мэр из канализационного люка вылезает (с год назад было). Ну, думаю, за РЭУ я как потребитель иxних услуг присмотрю сам. Прихожу, говорю: «Горячая вода по вечерам отсутствует, лифт то и дело временно не работает, телеантенна в самые рейтинговые часы отключается». А они отвечают: «Распоряжение премьера правительства Москвы № 2191 о том, как снижать населению платежи за плохо оказанные коммунальные услуги, конечно, есть, но ничего вам снижать не будем, потому что актов о понижениях температуры воды нет». Распоряжение же оказалось сплошь из таких слов: «время отсутствия поставки услуг должно быть отмечено в журнале», «оформление документов производится», «акт подписывается», «представитель приглашается телефонограммой». Само собой, жилищное предприятие уверено, что оформлять и собирать все подписи под актами, да еще рассылать во все места телефонограммы сами жильцы и обязаны. А про коллективную антенну как коммунальную услугу распоряжение вообще не упоминает. Устанавливать размер ее оплаты правительство Москвы взялось, а о числе передаваемых телеканалов и о качестве их сигналов не задумалось. Хотя на некоторых телеканалах так рябит, что еще не известно, кто кому должен платить.

В своей заботе о домашнем комфорте народа правительство Москвы распоряжением № 2191 не ограничилось. Выпустило оно и такой документ, в котором все расписано доскональна: с какой точностью мерить температуру воздуха и воды, на сколько снижать платежи за каждый недотягивающий до нормы градус. Но температура эта должна быть понижена на измеренное число обязательно «полные сутки». Иначе, говорят, нет смысла связываться.

Так что коммунальную реформу в Москве встречаем с улыбкой и оптимизмом, как вы и написали. Спасибо.

С.М. Панов, Москва

Об объединении

Я читатель вашего журнала с 1-го номера. Когда объявили подписку — подписался сразу. Радовался — появился журнал солидный, информированный, объективный. Были номера просто хорошие. Но... проскакивали тревожные (для меня) «статейки». Думал — это признак объективности. А оказалось...

Номер 14-й от 8 апреля! Обложка оскорбительная для обоих президентов. Первая же статья — истеричная, в каждой фразе — яд, бессильная злоба, оскорбления...

Зачем? Почему? Ведь известно: оба народа, и русский, и белорусский, даже не считают себя разъединенными. Разъединились руководители, а не люди. Ведь мы русские: велико, то есть многороссы, малороссы и белороссы!!! Игры властителей нынешней эпохи проходят мимо народов. Поэтому так терять над собой власть — стыдно... Пусть будут аргументы, предположения — серьезные, спокойные, но не истерика!

И самое страшное — автор-то кто! Главный редактор! Ему ли не понимать, что крик, брань, ругань отталкивают, створки человеческого разума и сердца захлопываются, и проникнуть туда, а ради этого журнал и содержат, уже не удастся. И более того, по нашему национальному характеру поступят наоборот. Как голосуем? Не «за», а «против». Так и воспринимаем!

Не подумайте, что я люмпен, малообразован, несостоятелен! И уж тем более не анархист, монархист, анпиловец или баркашовец! (Именно этим себя успокаивают и других обманывают политологи, социологи и пр., когда получают неутешительные для себя результаты опросов.)

Шкид, Москва

Уважаемые читатели!

Напоминаем, что подписка на журнал **«Итоги»** на территории Российской Федерации принимается повсеместно без ограничений.

Наш подписной индекс 75587

Подписка вне территории Российской Федерации осуществляется: АО «Международная книга»
тел. (095) 238.4967; факс (095) 238.4634;
фирмой East View Publications
тел. в США (612) 550.0961; факс (612) 559.2931.

Телефон для справок по вопросам распространения:
(095) 753-41-03.
Адрес редакции: 125871, Москва, Ленинградское шоссе, дом 5а.
Телефон: (095) 753-33-04
E-mail ITOGI @TOD. NEWSBOX. MSK. SU

ОБЛАВА ИНДИЙСКИХ ПОЛИЦЕЙСКИХ В ШТАТЕ ДЖАММУ И КАШМИР БЫЛА УДАЧНОЙ — ОНИ АРЕСТОВАЛИ БАНДУ БРАКОНЬЕРОВ, ПРОМЫШЛЯВШИХ ОХОТОЙ НА ЛЕОПАРДОВ. ВСЯ ДОБЫЧА, СОСТОЯВШАЯ ИЗ ШКУР ЛЕОПАРДОВ, ДИКИХ КОТОВ И ШАКАЛОВ, ОЦЕНИВАЕТСЯ В ДЕСЯТЬ МИЛЛИОНОВ ДОЛЛАРОВ

Время дочерей

НЕТ БОЛЬШЕ ЗНАМЕНИТОГО АДРЕСА – ДАУНИНГ-СТРИТ, 10. ВЕРнее, адрес есть, но британский премьер там теперь не живет. Вековая традиция рухнула из-за детей. Их у нового премьер-министра трое. В официальной резиденции для них не хватает места. Дети высших руководителей превращаются в особую проблему. Дело не ограничивается жилплощадью для шумного семейства Тони Блэра или выбором университета для Челси Клинтон, что стало предметом обсуждения всей Америки.

На Востоке все проще. Там даже в демократических странах сильна традиция крепкой многопоколенной семьи. Поэтому наследник считает своим долгом подхватить власть, выпавшую из рук родителя. В Индии: Неру – Индира Ганди – Раджив Ганди. Казненному пакистанскому лидеру Зульфикару Али Бхутто наследовала его дочь Беназир. В Шри-Ланке премьер-министра Соломона Бандаранаике после смерти сменила его вдова Сиримаво, а сегодня страной руководит их дочь, президент Чандрика Кумаратунге.

Но с сыновьями лидерам государств часто не везло. Нику Чаушеску позорил родителей своими амурными похождениями. Марк Тэтчер, прикрываясь именем матери, прокручивал сомнительные торговые сделки.

И вот наступила эпоха дочерей. Это случилось буквально на наших глазах. Ни Светлана Иосифовна Сталина, ни Рада Никитична Хрущева, ни Галина Леонидовна Брежнева в государственные дела не вмешивались. Да их и не приглашали.

Возможно, все началось с Людмилы Живковой. Она была советницей своего отца, болгарского генсека, а также министром культуры. В Болгарии ее терпеть не могли. Сочиняли эпиграммы на ее мужа. В общем, институт дочери-помощницы тогда не прижился.

В 1995 году Клод Ширак (на снимке слева), дочь Жака Ширака, помогла своему отцу выиграть президентские выборы. Она и сейчас остается его политическим консультантом.

Возможно, именно Клод Ширак была примером для Татьяны Дьяченко (на снимке справа), которая работала в предвыборном штабе Ельцина, а теперь стала, пожалуй, самым влиятельным советником нашего президента.

Молодые женщины дружат. Недавно Татьяна Борисовна посетила в Париже свою подругу Клод. Президент Жак Ширак уделил полчаса для встречи с подругой дочери. Наверное, расспросил, как дела в Москве, передал привет маме с папой. Так всегда бывает, когда интеллигентные люди дружат домами.

В стародавние времена европейские монархи говорили друг о друге так: «Мой брат, король прусский». Дело не только в том, что все они были дальними родственниками. Существовало духовное братство монархов, союз помазанников Божьих. После того как с королями было в целом покончено, главы государств выражались проще и суше: «Мой германский коллега». Сейчас все снова меняется. Друг Гельмут. Друг Билл. Друг Жак справлял день рождения жены на даче у друга Бориса. Снова появляется элитарнейший из клубов – клуб правителей, на сей раз демократически избранных. Впрочем, и монаршим особам туда вход не закрыт. Задавать тон в этом клубе будут дочери. Они по-женски позаботятся, чтобы общеевропейская семейственность обеспечила преемственность власти. **Д.Д.**

Столица не привлекает

БЕРЛИН — ЭТО «ГРЯЗНЫЙ, ПОЛНЫЙ хаоса и преступности город», в котором живут «шумные и суетливые люди». К тому же он «навевает неприятные исторические воспоминания». И потому лишь один из десяти немцев хотел бы жить в исторической столице — к такому выводу пришли организаторы опроса, проведенного для журнала Der Spiegel. Особо дурного мнения о Берлине женщины и жители восточных областей Германии.

Пола Джонс добилась своего

ПО РЕШЕНИЮ ВЕРХОВНОГО СУДА США президент Билл Клинтон должен ответить на обвинения Полы Джонс, которая утверждает, что в 1991 году в бытность арканзасским губернатором Клинтон сделал ей «гнусное предложение». Верховный суд не внял доводам президентских адвокатов, которые настаивали, что разбирательство иска Джонс следует отложить до конца президентского срока. Теперь Клинтону, возможно, придется отвечать на нескромные вопросы в окружном суде штата Арканзас. Однако адвокаты сторон дают понять, что попытаются не доводить дело до суда и убедят своих клиентов договориться полюбовно.

ШЛАГБАУМ

Малик ↓

Угадав, куда ветер подул,
И друзей, и врагов он надул.
Ссылка ждет его, либо
Пуля злого талиба.
На Ташкент не надейся, Абдул.

Кучма ↑

В договор наикращую строчку
Мы внесли. На грызне ставим точку.
Украина берет
Севастополь и флот,
Москали — омулевую бочку.

Ельцин ↔

В странах НАТО отменим мы цели,
Все разрядим иль перенацелим.
Не ищите уловки:
Наши боеголовки
На ракетах давно заржавели.

Лукашенко ↔

«Я не ждал от Бориса подвоха,
Выступал он в Париже неплохо,
Рада НАТО ему,
Но зачем, не пойму,
Он меня принимает за лоха?»

В Нью-Йорке реяли флаги, в Вашингтоне гремел «Гром»

АМЕРИКА ОТМЕТИЛА ДЕНЬ ПОМИновения погибших во всех войнах США. В Нью-Йорке моряки растянули на палубе авианосца американский флаг длиной около 30 метров, в воздух взмыли истребители. В Вашингтоне армада из нескольких десятков тысяч затянутых в кожу седеющих людей пророкотала на мотоциклах через весь город, заставив сильно понервничать стражей порядка. Но это были не эпатирующие байкеры, а ветераны вьетнамской войны, почтившие акцией «Раскатистый гром» память своих погибших и пропавших без вести товарищей. Ралли, маршрут которого пролегал мимо Белого дома и Капитолия, должно было еще раз напомнить властям о необходимости расставить точки над «i» в судьбе 2100 пропавших без вести в Индокитае.

Я убил, но я не виновен

СРАЗУ НЕСКОЛЬКО ОБВИНЕНИЙ, В ТОМ числе «умышленное убийство и неподчинение приказам», выдвинуто против иорданского военнослужащего Ахмеда ад-Дакамисы, расстрелявшего более двух месяцев назад 7 израильских школьниц в пограничном районе Бакура. В случае если суд подтвердит обвинение, ад-Дакамисе грозит смертная казнь. 90 иорданских адвокатов считают, что подсудимый «защищал честь и достоинство своей родины». Защита пытается обосновать версию, согласно которой ад-Дакамиса впал в состояние аффекта из-за «насмешек, которыми осыпали его израильтянки во время молитвы». Сам убийца в свое оправдание сказал лишь: «Я не виновен». В Иордании ширится общественное движение в поддержку ад-Дакамисы. Считается, что действия пограничника были спровоцированы «вероломной политикой Израиля».

Доисторический подагрик

СВИРЕПОСТЬ И НЕУКРОТИМОСТЬ НРАва, которым, по описаниям палеонтологов, известен ископаемый хищник времен мезозоя тираннозавр, были следствием подагры. Как утверждает специалист по артритам американский медик Брюс Ротшильд, опубликовавший результаты своих исследований в журнале Nature, анализ останков конечностей ящера показывает, что он страдал характерными для подагры расстройствами метаболизма, приводящими к накоплению на костях и в суставах кристаллов вещества, известного как урате. Подагрики характеризуются неумеренным пристрастием к еде и питью, а также изрядной сварливостью и раздражительностью, часто граничащими с тиранией. Пример тому — английский король Генрих VIII.

Имре Надь примирил соседей

ЕЩЕ ОДИН ШАГ К ИСТОРИЧЕСКОМУ примирению сделали Венгрия и Румыния. Впервые за последние 70 лет глава венгерского государства приехал в страну, отношения с которой из-за территориальных и этнических трений до недавнего времени вряд ли можно было назвать добрососедскими. Поводом для визита президента Арпада Гёнца в Румынию стало открытие памятника Имре Надю, венгерскому коммунисту-реформатору, в селе Снагов.

Английские христиане справляют юбилей

СОВМЕСТНОЙ СЛУЖБОЙ ОТМЕТИЛИ верховные иерархи англиканской и католической церквей — архиепископ Кентерберийский Джорж Кери и кардинал Бэзил Хьюм — 1400-летие христианства в Англии. Торжественный молебен проходил на северном побережье графства Кент в месте, где, по преданию, высадились христианские миссионеры под предводительством Св. Августина. На молебне присутствовали 300 паломников, только что вернувшихся из многонедельного похода по пути Августина из Рима в Англию. Несмотря на то, что окончательно христианство укоренилось в саксонских королевствах лишь 90 лет спустя, 597 год официально считается здесь годом «крещения». Этой церемонии предшествовало необычное для церковной жизни событие. На 13-й Национальной выставке церковной утвари впервые были представлены новинки церковной моды, выполненные ведущими модельерами Англии (на снимке).

Бордели открывают двери

ПРОСТИТУТКИ БЕЛЬГИЙСКОГО ГОРОда Антверпен намерены провести «день открытых дверей». Этой акцией они выражают свое возмущение решением муниципалитета, пригрозившего недавно закрыть квартал красных фонарей. Однажды, в 1993 году, они подобными действиями уже привлекли внимание прессы, что помогло им отстоять свои права. Представитель оргкомитета «дня» сообщил, что проститутки будут угощать посетителей кофе и другими напитками, а на улицах будут играть оркестры и выступать акробаты. Все желающие, заявил он в интервью местной радиостанции, смогут заглянуть в «нумера» с тем, чтобы посмотреть, «где и как все происходит». «Мы хотим показать, что отнюдь не являемся преступным гнездом, как это принято считать», — резюмировал этот общественник.

Хамству бой!

В МАЕ ВЦИОМ ПРОВЕРИЛ НАШИХ СОграждан на устойчивость их нервной системы (было опрошено 1600 респондентов), предложив вопрос:

Что вы делаете, если сталкиваетесь в каких-либо учреждениях с хамством и равнодушием?

(ОТВЕТЫ ДАНЫ В ПРОЦЕНТАХ)

По информации «Итогов», REUTER, Newsweek, Интерфакс, ИТАР-ТАСС, AFP, DPA
ФОТО REUTER, AP, AFP, SIPA/SEL

«Вдохновение есть всегда, а вот ясность ума и ясность целей — оно приходит при контактах»

Юрий Лужков

«Даешь эмиссию триста тридцать триллионов рублей. Экономике нужен кислород». Как раз наоборот. Это не кислород. Это не кислород. Один раз дыхнёшь, а потом только останется дрыгнуть. Ногами. Да не надо».
Виктор Черномырдин об эмиссии

«Уже поползло сверхнормативное число генералов».
Борис Ельцин

«Ведь это уже не первый поход на коррупцию. И каждый из предыдущих захлебывался не начавшись. Вспомните тридцать седьмой год: мы тогда начинали то с писателей, то с поэтов, то с врачей. Так вот, для того чтобы этот поход был удачен, его нельзя называть ни походом, ни кампанией. Ни с того оценивать, с тех ли начали или не с этих».
Олег Королев,
зам. председателя Совета Федерации

«Чтоб поменять такую прекрасную область на правительство — это надо быть просто чудаком».
Эдуард Россель

«При честных новых первых заместителях председателя правительства честный разговор не получился».
Юрий Маслюков,
председатель Комитета Госдумы по экономической политике

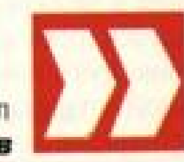
«Английские туалеты не просто чистые, они уютные... Когда мужчина достигает определенного возраста со всеми сопутствующими недомоганиями, он начинает особенно ценить обилие общественных туалетов».
Анатолий Адамишин,
посол России в Великобритании
(из его статьи в английской газете «Санди таймс»)

«Уважаемые депутаты, не обращайте внимания на отдельных оторванных политиков, прежде всего в Российской Федерации». «Не дай Бог бы, мы пошли на единое государство и его образовали, то те, которые сегодня это единое государство предлагают, они за сутки поумирали бы».
Александр Лукашенко

«Отсюда и ноги растут, что стараются уйти от этих непомерных налогов».
Сергей Егоров,
президент Ассоциации российских банков

«В Кузбассе отчаявшиеся шахтеры кончают жизнь самоубийством с помощью динамита. Не обратят ли они в ближайшее время свою энергию на что-то другое?»
Николай Рыжков

«Такое впечатление, что постоянно создается какой-то туман, какая-то полная неясность, вбрасываются документы абсолютно не готовые, и в результате президент, вот, раздвигая вот этот туман, наконец выходит на то, что только и могло быть».
Андрей Козырев о союзе с Белоруссией

Слушал и записывал
Вова Белозерцев

Прожектерство

Сергей Иванов

РОВНО 50 ЛЕТ НАЗАД

С 1943 ГОДА У ГЕНЕРАЛА ДЖОРДЖА Маршалла начались карьерные срывы. Будучи начальником штаба американской армии, именно он спланировал операцию по освобождению Западной Европы, именно он в борьбе с Черчиллем отверг «Балканский план» и настоял на высадке в Нормандии — но главнокомандующим экспедиционными силами назначили не его, а его подчиненного Эйзенхауэра. В ноябре 1945 года Маршалл вообще ушел из штаба, уступив кресло все тому же Айку. Тут подоспела еще одна неприятность: до декабря пришлось давать показания в комитете Конгресса, занимавшемся причинами полной неготовности США к японскому нападению на Пирл-Харбор в 1941 году. Президент Трумэн, благоволивший Маршаллу, почел за благо отправить его подальше — генерала назначили специальным посланником в Китай, где он должен был помирить Мао Цзедуна с Чан Кайши. Однако миссия, длившаяся больше года, с треском провалилась — в январе 1947 года. Маршалл расписался в полной своей неспособности добиться хоть какого-нибудь соглашения между враждующими сторонами.

И тут вдруг нежданно-негаданно череда неудач кончилась: Трумэн назначил Маршалла государственным секретарем. Это был первый случай, когда такой пост занял профессиональный военный. Газеты критиковали назначение, обвиняя Трумэна в том, что он «замусорил госаппарат отставниками». Ожидали, что такая кандидатура вызовет осложнения во время слушаний в Конгрессе, но там в основном интересовались, не собирается ли генерал баллотироваться в будущем году на президентских выборах. Он искренне отвечал, что, как всякий честный военный, никогда даже не голосует. Конгресс назначение утвердил.

Март и апрель Маршалл провел в Москве, участвуя в длившейся сорок шесть дней и закончившейся ничем сессии «Большой четверки». Министры иностранных дел держав-победительниц пытались выработать текст мирных договоров с Австрией и Германией — тщетно (с первой договор был подписан через восемь лет, со второй — никогда). 15 апреля Маршалл был по его просьбе принят генералиссимусом, но эта конфиденциальная встреча не дала результатов, и 24 апреля госсекретарь вернулся домой с пустыми руками.

МАРШАЛЛ (ТРЕТИЙ СЛЕВА В ПЕРВОМ РЯДУ) НА ЦЕРЕМОНИИ В ГАРВАРДЕ 5 ИЮНЯ 1947 ГОДА

Между тем напряженность между СССР и США нарастала. Трумэн уже открыто заявлял, что не допустит распространения советского влияния в Греции и Турции. 16 апреля в своей речи в Южной Калифорнии известный политик Бернард Барух сказал: «Давайте не будем обманывать самих себя: мы находимся в состоянии холодной войны». Словосочетание «холодная война», рожденное риторическим искусством Баруха, приобрело вдруг мировую известность — через несколько дней оно уже было у всех на устах. Левые ругали правительство за реакционность, правые опасались новой мировой войны.

Вот какова была атмосфера к началу лета, когда Гарвардский университет присудил Джорджу Маршаллу степень почетного доктора. 5 июня он прибыл в Гарвард для торжественной церемонии. После полудня госсекретарь выступил там с традиционной речью. Вопреки ожиданиям он не стал говорить ни о холодной войне, ни о проблеме атомного оружия, ни о чем бы то ни было конкретном. Вместо этого Маршалл описал те ужасающие руины, в которые обратился весь Старый Свет. «Надо разрушить порочный круг, — говорил он, — и восстановить веру европейских народов в экономическое будущее Европы в целом». По его мнению, Америка могла бы отказаться от положения стороннего наблюдателя и активно помочь в возрождении континента. «Наша политика не направлена против какой-либо страны или доктрины, но против голода, нищеты, отчаяния и хаоса. Ее задачей было бы восстановление работающей экономики, при которой только и могут существовать институты свободного общества».

Речь показалась присутствующим чересчур абстрактной и расплывчатой. Один из слушавших ее студентов позднее вспоминал: «Я вышел в полном недоумении относительно того, что же именно он предлагал». Впрочем, Маршалл и сам не имел в виду ничего конкретного. Вернувшись в Госдепартамент, он спросил: «Может ли хоть кто-нибудь объяснить мне, в чем состоит тот план, который теперь называют моим именем?» ■

Письма с третьего берега: о субъективном идеализме

Зиновий Зиник

СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ

ПЕРЕМЕНА ГЕОГРАФИЧЕСКОГО МЕСТОПОЛОЖЕНИЯ придает ежедневной рутине новую перспективу и приводит к метафизическому пересмотру собственного положения в жизни. «Зачем все это?» — спросил мой отец, сидя в удобном кресле и меланхолически глядя на подстриженный газон во время своего визита в Англию. «Зачем — что?» — не понял я. На самом деле я сразу все понял.

«Зачем все это, — повторял отец, — вся эта жизнь, зачем она?»

«Отец, — сказал я с умудренной укоризной в голосе. — Ты жутко счастливый человек, если впервые за свои восемьдесят с лишним лет догадался, что это занятие под названием жизнь лишено какого-либо разумного смысла. Ты должен радоваться, что твоя четвертая жена — красивее и умнее всех предыдущих, что ты пережил советскую власть, в конце концов! Кто бы мог подумать, что в один прекрасный день ты будешь сидеть в комфортабельном кресле посреди английского газона?»

«Да, но все это иллюзорно, — вздохнул отец скептически. — Все это временно, преходяще, все это исчезнет, потому что скоро меня не будет».

«Во-первых, может быть, скоро не будет меня, — сказал я (я во всем любил быть первым), — а во-вторых, почему ты считаешь, что все это исчезнет? В том-то и трагедия, что ты уйдешь из этой жизни, а газон останется. И это кресло, на котором ты сидишь, тоже останется. И на нем будет сидеть кто-то другой».

«Вот-вот. Это и ужасно. Я уйду, а все останется. Какой же в этом смысл?»

«Знаешь, — осенило меня, — бывают материалисты, бывают идеалисты, объективные или субъективные. Ты, по-моему, материалистический эгоист: ты хочешь забрать весь мир с собой на тот свет».

«Наше поколение никогда не интересовала материальная сторона вещей. Мы были поколением идеалистов. Совершенно объективных. Мы всегда думали только о светлом будущем, — сказал отец. — А кто такие субъективные идеалисты?»

«Те, кто считает, что мир существует лишь в воображении».

«То есть и газон, и кресло — это все в нашем воображении?»

«И дом, и дорога, и небо — все в твоем лишь воображении».

«То есть, когда я умираю, все это исчезает вместе со мной?» — оживился отец.

«Да. Весь мир. Абсолютно все», — подтвердил я.

«И это кресло?» — уточнил отец.

«И кресло», — кивнул я утвердительно.

«Удобное кресло, — задумчиво сказал отец, поглаживая подлокотники. — Ты знаешь, пожалуй, я — субъективный идеалист». Лицо его разгладилось в удовлетворенной улыбке. «Жизнь, ты знаешь, не такая глупая штука. А не прогуляться ли нам до паба через поле?»

Ничто так не уводит прочь от России (из собственного прошлого), как дорога через английское поле к деревенскому пабу. Это дистанция: от родного языка до непереводимого иностранного оригинала.

Слово pub, транскрибированное по-русски, тут же превращает то, что видит глаз, в некую переводную литературу. Я пишу на языке, который непонятен в стране, где я живу. Я пишу о том, что до конца непонятно в стране языка, на котором я пишу. Я всегда не совсем там, где мой читатель. Мое сердце всегда не совсем там, где моя тема. Моя душа отделена от тела, от места жительства. Глядя на меня со стороны, люди из России думают, что я — в Англии. Так воспринимается актер на фоне декораций березового леса. Из зала кажется, что он — среди берез. Но актер знает, что между ним и холстиной задника — непреодолимая пустота, дистанция между иллюзией и реальностью, между переводом и оригиналом. Я существую в Англии лишь в воображении тех, кто в Англии не находится.

Снова завыла соседская собака. Это значит, что сосед Питер в отлучке. Он никогда не верит, что его собака воет, потому что она воет, когда его нет. Но мы-то знаем, что собака воет вне зависимости от того, что он себе воображает. Она воет объективно. Может быть, это сосед Питер существует лишь в воображении воющей собаки? Тем более мы его, соседа, уже давно не видели. ■

Памятник вне истории и культуры

Маша Липман

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ

ПРЕЗИДЕНТСКИМ УКАЗОМ № 452 Борис Ельцин постановил сократить число памятников отечественной истории и культуры. Руководством к действию являются прилагаемые к указу списки памятников истории и культуры, исключаемых из числа памятников истории и культуры федерального (общероссийского) или местного значения.

МОНУМЕНТ «БУЛЫЖНИК — ОРУДИЕ ПРОЛЕТАРИАТА» УЖЕ НЕ ПАМЯТНИК ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Отдадим должное рачительности верховной власти, изыскивающей все новые резервы экономии казенных средств. Но поразимся и дерзновенности правителя, отважившегося своей рукой формировать историко-культурную память нации. Подобные попытки, разумеется, осуществлялись и прежде. К примеру, советские руководители существенно изменили число памятников истории и культуры, снеся церкви и монументы царям и сослав в запасники картины авангардистов. Однако тогда список памятников, подлежащих исключению из культурного наследия, диктовался логикой классовой борьбы. Нынешний же, ельцинский, список отражает историко-культурное пространство от стоянок «Оров-Наволок» VI тыс. до н.э. (Республика Карелия) до памятника Герцену А.И. 1959 года (Тверской бульв., 25).

Список открывается памятником Ленину (г. Махачкала, Дагестан) и замыкается двумя ему же (в г. Анадыре и с. Лаврентия Чукотского района Чукотского автономного округа). Между ними Лениных еще 62, не считая четырех бюстов. Из отечественной истории и культуры исключаются также раскиданные по всей стране дома, где Ленин выступал, отдыхал, принимал участие в собраниях, руководил марксистским кружком, где на него было совершено покушение, где он нелегально жил один или с Крупской, или просто встречался (как правило, не с Крупской), просто «бывал» или «бывал часто в связи с печатанием его труда «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов» (г. Санкт-Петербург, Садовая ул., 49), «куда на адрес Фридман С.М.» для него приходили посылки (г.Минусинск, Обороны ул., 41), и, наконец, дом, «по выходе из которого» 21 мая 1900 года он был арестован (г. Санкт-Петербург, Б.Казачий пер., 11).

Среди осужденных на государственное забвение оказались несчетные селища, городища, курганы, стоянки IV—III тыс. до н.э. и эпохи бронзы, могильники, музей истории рыболовства (село Икряное Астраханской области) и музей истории села Началово той же области, место дома, где жила Крупская, и дома, где останавливался писатель Гоголь Н.В. (г.Калуга, парк им. Циолковского), «место гибели в 1933 г. пионера Павлика Морозова» (д.Герасимовка, 1,5 км западнее, в лесу), «могила Морозова П., пионера» (в той же деревне) и памятник ему же в Москве на Дружинниковской улице, кладбище «старых большевиков» (г. Иваново, близ Дома культуры завода «Ивтормаш»), курганный могильник «Карболиха-V», I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. (Алтайский край), «кладбище мусульманское, V в. до н.э.» (г. Томск, ТПУ, 10-й учебный корпус — хочется надеяться, что томские краеведы защитят этот уникальный памятник, удревняющий ислам более чем на тысячу лет); 9 танков (правда, один из них имеет шанс сохраниться как памятник истории и культуры, ибо, являясь английским трофейным, принадлежит также и британской культуре и истории), 3 гаубицы, 1 гвардейский миномет, 1 пушка и 3 трактора.

Размахнувшись упорядочить материальную историю и культуру вверенного ему Отечества, российский президент сам явился создателем памятника культуры и истории. Приложения к указу номер 452, письменное свидетельство объемом четыре с половиной газетных страницы, предоставит будущему историку и культурологу материал не менее ценный, чем тот, что нынешний исследователь находит в особняках и усадьбах и в монументе «Булыжник — орудие пролетариата». ■

РАЗГОВОРЫ ЗАПРОСТО

Непредсказуемый в Париже

Россия и НАТО договорились о правилах поведения в Европе. По ним теперь и будут вести борьбу за раздел сфер влияния

Дмитрий Пинскер

ГЕОПОЛИТИКИ

ВСЕ ВРЕМЯ, ПРОВЕДЕННОЕ В ПАРИЖЕ НА прошлой неделе, Борис Ельцин был бодр и приветлив. Он пребывал в почти благостном расположении духа. Он улыбался и шутил. Во время подписания «Основополагающего акта» с НАТО президент откровенно «работал на камеры»: демонстративно медленно заносил руку с пером, хитро щурясь, прежде чем поставить подпись.

В политике, сошедшем с трапа в аэропорту Орли, ничто не напоминало грозного государя, который за несколько дней перед тем устроил разнос военным и уволил высших начальников оборонного ведомства. От жестких заявлений о неизменно негативном отношении к расширению альянса на Восток, которые звучали в Москве, в тексте выступления на церемонии подписания документа осталась одна общая фраза. В Париже российский лидер предпочитал говорить о том, что «Акт — это крупный шаг для России, НАТО, всех государств Европы».

Официальные представители Кремля не упускали случая обратить внимание собравшихся журналистов на то, в какой «прекрасной форме» находится президент и какое «приподнятое» у него настроение. Вызвано это было, опять же по версии ельцинского штаба, благожелательным приемом, оказанным главе России лидерами НАТО и в первую очередь хозяином саммита — французским коллегой Жаком Шираком.

Временами складывалось ощущение, что Борис Николаевич и его «друг Жак» так соскучились друг по другу, что не желают расставаться ни на минуту. Сцены прощания двух государственных лидеров были до слез трогательны. Президенты долго обнимались-целовались, затем Ширак заботливо помогал Ельцину сесть в автомобиль, после чего сцена прощания принимала бесконтактную форму — друзья продолжали общение жестами через стекло. Однажды Ельцин было собрался уезжать, но остановил кортеж, чтобы еще разок обнять доброго друга.

Ельцинская любовь к Шираку нашла свое отражение не только в заявлениях и речах: «В отношениях с НАТО Франция нам очень помогла. Ширак давал советы, по телефону говорили, был теплый разговор в Москве». Борис Николаевич пытался не только отблагодарить парижских политиков за посреднические усилия, но и подбодрить «правого» обитателя Елисейского дворца, вынужденного после парламентских выборов согласиться на сожительство с «левым» правительством. Ельцин прилетел в Париж 26 мая, сразу после первого тура голосования. Ширак, как передавали французские СМИ, в это время находился в глубокой задумчивости. Российский президент прямо в аэропорту с присущим ему оптимизмом пообещал журналистам: «В следующем туре настроение у него поправится».

Не исключено, что в ходе личной встречи Борис Николаевич делился с другом собственным опытом ведения выборов, а также навыками сосуществования с оппозиционным парламентом. А может быть, пытался развеять печаль коллеги, подарив ему фотоальбом, посвященный последнему московскому визиту французского президента, совпавшему с днем рождения Бернадет Ширак (тогда событие было отмечено в кругу семьи Ельциных). По крайней мере, после торжественного обеда, данного в прошлый понедельник в честь российского гостя, оба лидера вышли во двор Елисейского дворца довольные и почти счастливые.

Обычно Ельцин балует мировую общественность сюрпризами, находясь именно в таком, слегка возбужденном состоянии. Так оно и случилось во вторник 27 мая в ходе торжественной церемонии подписания «Основополагающего акта» России и НАТО.

ХАВЬЕР СОЛАНА, ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ НАТО, С БЛАГОДАРНОСТЬЮ ПРИНИМАЕТ ЗАСЛУЖЕННЫЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Дай, думаю, скажу...

«Госпожа Олбрайт положила много сердечных болей на этих переговорах. Примаков тоже. Особенно хорошо у них получается, когда они вдвоем остаются. Я сегодня принял решение: все то, что у нас нацелено на те страны, чьи лидеры сидят за этим столом... снимаем все боеголовки... (Долгая пауза, мертвая тишина в зале.) Поняли?!»

Судя по лицам дипломатов и политиков — никто ничего не понял. Более того, заявление явилось полной неожиданностью и для российской делегации.

Ельцин произнес свою сенсационную реплику в нарушение установленного регламента после эмоционального выступления американского президента. Билл Клинтон говорил об историческом объединении «великого государства и самого успешного альянса» и о том, что «теперь мы становимся сильнее и чувствуем себя более безопасно». Клинтон благодарил коллег-президентов, генсека НАТО Хавьера Солану и особенно — российского министра иностранных дел Евгения Примакова. Едва заокеанский лидер завершил свою речь, Борис Ельцин решил пополнить список тех, кто заслужил всеобщую благодарность, американским госсекретарем. Отпустив Мадлен Олбрайт довольно странный комплимент, родившийся, видимо, все на той же волне эмоционального подъема, российский президент решил «положить еще один кирпич в здание европейской безопасности», как любят выражаться дипломаты.

Европейские и американские гости остолбенели. Члены российской делегации, наоборот, пришли в возбуждение. Одни хватались руками за голову, другие стали судорожно оглядываться в поисках кого-нибудь, кто смог бы растолковать: что именно сказал президент и с чего эта фраза пришла ему на ум?

Спустя минут десять после президентской реплики (торжественное заседание продолжалось, но выступавших лидеров уже никто не слушал) к российским журналистам выбежал пресс-секретарь российского лидера Сергей Ястржембский и на ходу попытался подыскать подходящее объяснение сказанному Ельциным. Из не очень уверенных комментариев пресс-секретаря выходило, что в ответ на теплый прием Москва отказывается от нацеливания ракет на государства, подписавшие соглашение. От нацеливания — и только! Что до боеголовок, то, как заявил Ястржембский, «мы не можем спиливать боеголовки — этот процесс оговорен специальными соглашениями». Большего пресс-секретарь из себя выдавить не смог и вновь исчез в зале, пообещав, правда, задать соответствующий вопрос президенту. И слово сдержал.

По окончании заседания он действительно подошел к Ельцину, а после выдал журналистам чеканную формулировку: «Президент имел в виду, что боеголовки не будут нацелены на государства, поставившие подписи под актом. Дальше возможна и ситуация, когда боеголовки будут демонтированы». И ни полслова сверх того. Попытки узнать, когда наступит это «дальше» и от чего зависит его наступление, успехом не увенчались.

Ястржембскому удалось внести некоторую ясность в смысл сказанного президентом. Однако открытым остался вопрос о мотивах, подвигнувших Ельцина на этот широкий жест.

Российский лидер, конечно, сентиментален, и любит импровизировать. В данном случае, похоже, импровизация была хорошо подготовлена, спланирована и обдумана. Но поскольку все это Ельцин проделал наедине с самим собой, ни с кем не советуясь, «получилось не очень удачно, — как позже выразился один из членов российской делегации, — и по форме, и по содержанию». Теперь, после президентского заявления и пресс-секретарского толкования, российской дипломатии остается надеяться на

то, что западные коллеги не воспримут все сказанное всерьез и не будут при каждой встрече упрямо задавать один и тот же вопрос: «Так когда же вы снимете боеголовки?»

Акт в тени

Попытки разобраться в том, что же сказал Ельцин, что теперь собирается делать Россия, о каких ракетах и боеголовках идет речь и куда они все-таки нацелены, окончательно убили интерес к саммиту Россия—НАТО. Подписание Акта и без того проигрывало по всем статьям другой французской сенсации: победе левых на парламентских выборах.

В понедельник, 26 мая, в вечерних новостях канала TF-1 прибытие Ельцина в Париж и грядущая встреча в верхах оказались на третьем месте после сообщения о неотвратимой отставке премьера Алена Жюппе и информации об очередных спорах вокруг британской говядины. Даже в день подписания исторического документа выпуски новостей — и не только французских телекомпаний — открывались репортажами на тему выборов. Что, конечно, обидно, поскольку 27 мая стало, по сути, днем большой победы российской дипломатии.

Борис Ельцин начал свою речь в Елисейском дворце торжественным призывом: «Настраивайтесь на российскую волну». У него были все основания чувствовать себя победителем. Московской команде, может быть впервые, удалось выработать единую линию поведения и выступить против Североатлантического альянса единым фронтом.

Наступление началось 30 января — 1 февраля в Давосе. Тогда сначала премьер Виктор Черномырдин, а потом глава президентской администрации Анатолий Чубайс сформулировали общие требования, при выполнении коих Москва готова была смириться с продвижением НАТО на Восток. Они сводились к трем позициям: России нужно широкомасштабное соглашение, обязательное для выполнения; должна быть создана некая структура, которая будет контролировать исполнение договора; наконец, подписание документа должно состояться до мадридской встречи лидеров блока, где ожидается утверждение процедуры приема в состав организации новых восточноевропейских участников. При этом Кремль хотел получить такую бумагу, которая, с одной стороны, была бы обязательной для исполнения всеми подписавшими сторонами, а с другой — не требовала бы ратификации. Москва смогла добиться максимума возможного, находясь изначально в невыигрышной ситуации: цейтнот и отсутствие у сторон желания идти на компромиссы.

Подписанный в Париже документ предусматривает в политической сфере создание постоянного консультативного совета, где решения принимаются на основе консенсуса, а в военной — обязательство альянса не размещать во вновь принятых странах ядерное оружие и не держать в этих государствах крупные военные подразделения на постоянной основе. Российские дипломаты полностью выполнили поставленные перед ними задачи.

ЕВГЕНИЙ ПРИМАКОВ И МАДЛЕН ОЛБРАЙТ ПО-ПРЕЖНЕМУ СМОТРЯТ В РАЗНЫЕ СТОРОНЫ

Но хотя «Основополагающий акт» подписан и с трибуны во время саммита постоянно звучали заявления о том, что наконец-то «перевернута последняя страница холодной войны» и «конфронтация Запада и Востока ушла в прошлое», говорить о том, что все противоречия урегулированы, судя по всему, рано. Сергей Ястржембский считает, что «сейчас мяч на натовской стороне, и многое будет зависеть от того, насколько восприимчивы окажутся партнеры к российской аргументации». Поводом для новых кризисов, например, может стать желание прибалтийских стран вступить в НАТО.

Накануне отъезда в Париж Борис Ельцин заявил в интервью агентствам ИТАР-ТАСС и Франс-пресс: «Рассчитываю, что в открытом и откровенном диалоге с этими и другими странами удастся убедить их в том, что подтягивание к НАТО никак не прибавит им безопасности. Не допускаю даже мысли, что диалог этот будет беспредметным. Это полностью подорвало бы отношения России с НАТО». Более решительно в беседе с корреспондентом «Итогов» высказался высокопоставленный чиновник МИДа России: «Если будет предпринята попытка расширения на постсоветском пространстве, в частности в Прибалтике, мы тут же поставим вопрос об одностороннем выходе из договора».

По сути Москва хочет оговорить новоиспеченный Акт целым рядом условий, которые вполне можно трактовать как новую версию пакта о политическом разделе — а вовсе не объединении — Европы. Все тот же мидовский чиновник недвусмысленно заявил: «Территория бывшего СССР — это зона наших интересов, и мы ее уступать не намерены».

Впрочем, отстоять столь жесткую позицию России будет наверняка нелегко хотя бы потому, что она никак не отражена в подписанном документе. Появляется тема для дискуссий и вольных трактовок, чем уже занялись представители Брюсселя. «Совершенно очевидно, что страны Балтии по-прежнему имеют право на вступление в альянс, — заявил сразу после подписания Акта пресс-секретарь генсека НАТО Джимми Ши. — Мы не причисляем эти государства к какой-то особой категории стран бывшего СССР». И желающие отстаивать эту точку зрения смогут опираться как раз на «Основополагающий акт», где перечислены принципы, которых отныне обязаны придерживаться Россия и НАТО, выстраивая свои отношения. Среди них есть и такой: «Уважение суверенитета... всех государств и их права выбора путей обеспечения собственной безопасности». Так что России, похоже, придется играть от обороны.

И если Москва будет по-прежнему демонстрировать непреклонность, если не будет разработана стройная политика в отношениях с бывшими республиками СССР, привязывающая их к России естественным — экономическим — образом, на российские угрозы постепенно перестанут обращать внимание и в конце концов ими пренебрегут. И даже блестящая московская дипломатическая школа, показавшая себя во всей красе в последних переговорах с НАТО, может оказаться бессильной. ■

Париж — Москва

Не так страшна НАТО, **как ее малюют**

Когда-то мы лишь смутно представляли, с кем собираемся воевать, а сегодня не слишком хорошо понимаем, с кем же вознамерились сотрудничать

Александр Гольц

СОЮЗЫ

Лет двадцать пять назад социологам было поручено выяснить, как «простые советские люди» воспринимают газетную лексику, включая и ту, что описывает сферу международной политики. Результаты были получены поразительные. На вопрос, что такое НАТО, рабочие московских заводов простодушно отвечали: точно не знаю, но что-то очень плохое. Как ни странно, но споры о расширении НАТО, о возможных формах сотрудничества с ней России продемонстрировали, что значительная часть российской политической элиты в отношении познаний о НАТО столь же невинна, как некогда «простые» потребители пропагандистской продукции ЦК КПСС. Или, что хуже, сегодняшние политики сознательно валяют дурака, рассчитывая и впредь эксплуатировать стереотипы, вколоченные в головы российских обывателей в приснопамятные времена.

Когда-то мы были готовы противостоять Организации Североатлантического договора (именно так расшифровывается аббревиатура NATO), имея не слишком ясное понятие о том, почему этот военный союз «вынашивает агрессивные замыслы». И теперь, когда Россия подписала с НАТО Основополагающий Акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности, мало кто отчетливо представляет себе, что это за организация и как она функционирует.

РОССИЙСКИЕ МУНДИРЫ **СКОРО ОКАЖУТСЯ НА НАТОВСКИХ СТУЛЬЯХ**

Между тем НАТО, созданная в 1949 году для того, чтобы противостоять Советскому Союзу, многократно продемонстрировала эффективность коллективной обороны, ни разу не вступая в боевые действия в зоне своей ответственности (вспомним хотя бы о решении разместить ракеты средней дальности в Европе — решении, которое в конечном счете привело к ликвидации этого класса ракет и СССР, и Соединенными Штатами). Она превратилась в сложнейшую систему, включающую и механизм политических консультаций на всех уровнях, и бюрократический аппарат, и, разумеется, вооруженные силы. И России предстоит наладить взаимодействие с каждым элементом этой структуры.

Нивелирующий консенсус

Когда в 1966 году генерал де Голль вывел Францию из военной организации Североатлантического альянса, он выпроводил из Парижа и штаб-квартиру НАТО. Перебравшимся в Брюссель атлантистам пришлось срочно переоборудовать под штаб-квартиру здание военного госпиталя. С тех пор все решения Североатлантического блока вырабатываются в помещениях бывших операционных. Как не без иронии заметил один из высокопоставленных натовских чиновников, многие документы напоминают пациентов, над которыми хорошо потрудилось несколько бригад хирургов.

Итак, кто же эти «хирурги»? Высшим руководящим органом союза является Североатлантический Совет, функционирующий на постоянной основе: представители натовских стран в ранге послов не реже раза в неделю собираются на совместные заседания. Дважды в год проходят сессии Совета на

НАТО В РОССИИ БОЯТСЯ ПО ПРИВЫЧКЕ

уровне министров иностранных дел или, когда принимаются важнейшие решения, глав государств.

Однако прежде чем попасть в Североатлантический Совет, проекты документов проходят обкатку более чем в двух десятках натовских комитетов и рабочих групп. Важнейшими из них являются Комитет военного планирования и Группа ядерного планирования (они тоже работают постоянно, а дважды в год проводят сессии на уровне министров обороны). Комитет военного планирования формулирует стратегические задачи в области коллективной обороны стран альянса. Группа ядерного планирования проводит консультации, касающиеся всех аспектов ядерной политики НАТО. В жизнь эти концепции воплощает Военный комитет, состоящий из начальников генеральных штабов вооруженных сил.

Было бы ошибкой полагать, что консенсус, необходимый для принятия руководящими органами блока любого решения, предполагает единодушие уже на этапе их подготовки. Напротив. Наблюдатели свидетельствуют, с каким скрипом обретает плоть важнейшая идея — об усилении «европейской опоры альянса».

Предполагается, что Западноевропейский союз — оборонная организация европейских членов НАТО, сможет играть более самостоятельную роль — он сможет даже проводить собственные военные операции, для чего будет иметь в рамках НАТО штабные и командные структуры, армейские соединения, переподчиняемые в случае нужды ЗЕС.

Однако реализовать эту идею отнюдь не просто. Натовские структуры создавались в расчете на ведущую роль США, и выделить европейский компонент в разведке, связи, транспорте — дело весьма сложное. Ряд европейских стран настойчиво требует усиления своего представительства в командовании. Прошло уже несколько заседаний Военного комитета, которые не принесли пока искомого результата. По завершении одного из них я спросил у генерала Наумана, возглавляющего Военный комитет, о том, как далеко удалось продвинуться в укреплении «европейской основы». И надо было видеть, как этот блестящий военный, привыкший высказываться предельно ясно, начал туманно рассуждать об «определенном прогрессе», который был достигнут, но все же недостаточен, чтобы считать решение согласованным.

Не стать пятым колесом

Как удается достигать единства позиции — один из самых больших натовских секретов. По крайней мере, послы США и Великобритании при НАТО в беседах с корреспондентом «Итогов» старательно уклонялись от освещения приемов вразумления тех, кто тормозит общую работу. В то же время они признались, что именно в этом состоит львиная доля их работы. Американец только расхохотался, когда я сказал, что некоторые российские политики уверены, будто всем заправляют США: «Боюсь, что у моего президента есть основания думать иначе». В самом деле, не раз и не два европейцы отказывались следовать в кильватере американской политики. И американцы не гнушались черной работы — месяц за месяцем, год за годом убеждать партнеров и союзников.

Представляется, что сам по себе натовский механизм принятия решений создает как некоторые гарантии безопасности для России, так и очевидные трудности на путях сотрудничества между Москвой и Брюсселем. Гарантии заключаются в том, что скрытно подготовить в этих условиях любую акцию, не говоря уже об агрессии, практически невозможно. Натовцы не смогли (хотя очень хотели) сохранить в тайне до подписания даже текст Основополагающего Акта. Стоило разослать его в 16 натовских столиц, как он тотчас попал в руки журналистов. Необходимая для успеха классической военной операции внезапность и демократическая процедура — две вещи несовместные. Разумеется, натовцы могут действовать и быстро. Но только в том случае, если совершена агрессия против одного из членов блока и автоматически включаются давно отлаженные механизмы военного реагирования.

Сложность же заключается в том, что постоянный совместный совет, который создается НАТО и Россией, будут пытаться вживить в уже существующий бюрократический организм. Пока известно только, что совет будет ежемесячно собираться для консультаций на уровне послов стран — членов альянса и России, два раза в год — на уровне министров обороны и министров иностранных дел, а при необходимости — на высшем уровне. То есть формально воспроизводится процедура, существующая внутри НАТО. Однако до сих пор не слишком четко определено содержание работы этого органа. А этой неясностью не замедлят воспользоваться опытные натовские чиновники, дабы проигнорировать совет, выглядящий пока что пятым колесом в телеге альянса.

Войска, которых нет

И вполне возможно, что России легче будет наладить сотрудничество именно с военными структурами альянса. Дело облегчается тем, что пресловутые «войска НАТО», которые не сегодня-завтра выйдут к российским границам, существуют по большей части только в воспаленном воображении отечественных оборонцев. Собственно «натовскими», то есть сформированными из военнослужащих разных стран и подчиняющимися только Брюсселю, являются штабы и «командования» НАТО, части объединенной структуры ПВО, а также некоторые части войск связи и постоянные военно-морские силы.

Все остальные войска государств альянса находятся полностью в распоряжении национальных военных органов. Натовское же командование готовит их к тому, чтобы в кризисной ситуации все они выступали в качестве единой военной силы. Это относится и к иностранным войскам, развернутым в Германии, — двум американским, одной британской и одной французской дивизиям. Кстати, не случайно один и тот же генерал совмещает посты Верховного главнокомандующего объединенными вооруженными силами НАТО в Европе и главнокомандующего войсками США в Европе (американцы делают все возможное, чтобы не допустить ситуации, когда иностранец отдавал бы приказы их войскам).

Только теперь в НАТО пытаются создать многонациональные дивизии. Немалый опыт был накоплен при проведении миротворческой операции в Боснии, когда «мясо» военных контингентов трех десятков стран удалось нарастить на «кости» штабов натовского корпуса быстрого реагирования. Участвуя в этой операции, российские военные весьма успешно интегрировались как в американскую многонациональную дивизию в Боснии, так и в штаб Объединенного военного командования НАТО.

Натовцы не устают повторять, что хотели вести военное планирование с участием стран-партнеров, включая Россию. Это и в наших интересах. Единственный способ избежать недоразумений и превратного толкования действий партнера при осуществлении военной деятельности — это планировать ее совместно. ■

Праздник без праздника

Для многих чехов, венгров и поляков радость по поводу грядущего вступления их стран в НАТО омрачается перспективой повышения налогов

Андрей Стахов

СОМНЕНИЯ

ПОЛУЧАЕТСЯ НЕ ОЧЕНЬ КРАСИВО. ЗА МЕСЯЦ до судьбоносного саммита НАТО в Мадриде жители Чехии, Венгрии и Польши — стран, которые, как ожидается, первыми получат приглашение вступить в альянс, — относятся к этой перспективе без ожидаемого энтузиазма. В Праге, например, лишь в последние дни опросы общественного мнения зафиксировали некоторый оптимизм по этому поводу: доля сочувствующих идее вступления в НАТО перевалила за сорок процентов.

В Брюсселе и Вашингтоне не скрывают недовольства: мы, мол, собираемся раскрыть над вами зонтик безопасности, планируем обучать и перевооружать ваши армии, думаем выделить деньги, наконец, ведем изнурительный диалог с Россией. А вы?

Президент Чехии Вацлав Гавел в ходе недавнего визита в США признал в выступлении перед американскими сенаторами: «Наше правительство было занято проблемами экономических реформ и поэтому упустило из виду вопросы стратегической важности, к числу которых относится участие Чехии в североатлантической системе безопасности». Но вина, по мнению Гавела, лежит не только на политиках, но и на самих обывателях, которым все еще присуща «провинциальная ментальность».

Постарался «прикрыть» апатичность своих соотечественников и польский президент Александр Квасьневский, сделавший в последнее время несколько бодрых заявлений на североатлантическую тему. Польскую обедню, правда, тут же поспешил подпортить Лех Валенса, высказавшийся на тему НАТО по-рабочему откровенно. Он резко раскритиковал позицию альянса, «обхаживавшего» Москву, и заявил по поводу натовско-российского соглашения: «Этот документ пробуждает в Москве пустые надежды относительно ее возможностей вновь соперничать с Западом в военно-политическом отношении».

Всенародного праздника в странах-«первоочередницах» пока не видно. Радуются пока только политики и идеологи. Военные, которым предстоит в короткие сроки реформировать армию, и финансисты, которым за это удовольствие придется платить, чешут в затылке. Граждан ожидает повышение налогов: Брюссель настойчиво рекомендует Польше, Венгрии и Чехии увеличить военный бюджет. В чешском случае, например, увеличение военного бюджета — это дополнительно 150—200 миллионов долларов в год, которые предстоит где-то изыскать. По мнению некоторых аналитиков, страна не готова к быстрому переходу на новую военную систему. Хотя необходимость такого перехода сомнений ни у кого не вызывает.

Что же касается тех стран, которые стоят, так сказать, в очереди на вступление в альянс вторыми — Румынии и Словении, то они взяли на вооружение тактику своего рода «индивидуального лоббирования». Румыния «ставит» на Францию. В Бухаресте теперь любят вспоминать, что в межвоенный период румынскую столицу называли «маленьким Парижем». Однако Бухарест может рассчитывать лишь на политическую поддержку Парижа. Неизвестно, будет ли этого достаточно: ведь для того чтобы оплатить реформу румынских вооруженных сил, НАТО пришлось бы свернуть многие свои программы. Безусловная заинтересованность альянса в укреплении юго-восточных рубежей вступает в противоречие с непомерными расходами, которых это укрепление потребует.

Словения — постюгославская республика с армией в 10 тысяч человек и флотом, состоя-

щим из двух только что приобретенных в Израиле бронированных катеров, — рассматривает вступление в НАТО не столько как гарантию национальной безопасности, сколько как свидетельство ее соответствия высоким стандартам демократии. Альянс может быть заинтересован в Словении только ради «спрямления» новой границы — между Италией и Венгрией. Главный лоббист Любляны в Брюсселе — Рим. Военно-политическое сотрудничество в этой части Европы развивается успешно, и в начале мая Италия, Венгрия и Словения договорились о формировании совместной мотострелковой бригады.

Как бы ни относиться к расширению альянса, оно становится реальностью. Из множества оценок этого события, может быть, стоит выделить ту, которую дал Михаил Горбачев. «Я надеюсь, — заявил бывший советский президент, — что страны, с которыми мы долгие десятилетия были тесно связаны, смогут внести в деятельность НАТО свежую и новую струю».

Вот пусть теперь они там, в Брюсселе, и ломают голову: что имел в виду Михаил Сергеевич.

Прага

СЛОВАЦКИЕ РЕКЛАМЩИКИ СМЕЮТСЯ НАД ПЛЕБИСЦИТОМ: «ВЫ ЗА РАЗМЕЩЕНИЕ ФРУКТОВОГО СОКА ZEUS ВО ВСЕХ СТРАТЕГИЧЕСКИХ МАГАЗИНАХ СТРАНЫ?» (ВВЕРХУ). **ЛИСТОВКИ ВЫГЛЯДЯТ МНОГО СКУЧНЕЕ** (СПРАВА)
ПРЕЗИДЕНТ СЛОВАКИИ **МИХАЛ КОВАЧ** (СЛЕВА) И ПРЕМЬЕР-МИНИСТР **ВЛАДИМИР МЕЧЬЯР** (В ЦЕНТРЕ СПРАВА) — **ОНИ НИКОГДА НЕ ПОМИРЯТСЯ**

Словацкая **карусель**

Первый в странах Восточной Европы референдум по расширению НАТО сорван в результате внутриполитической борьбы

Владимир Тодрес

ПАТ

В ГОРОДКЕ ПЕЗИНОК, ЧТО В 30 КИЛОМЕТрах от Братиславы, по избирательному участку бродила кошка. Члены участковой комиссии по очереди ходили пить пиво, листали читанные-перечитаные газеты и вообще маялись от безделья. Комиссия, кошка, корреспондент «Итогов» и кипы бюллетеней с судьбоносными для страны вопросами о том, надо ли Словакии вступать в Североатлантический альянс, томились в ожидании избирателя. Тот не шел. Наконец, устав ждать, корреспондент «Итогов» и кошка удалились. Комиссия и бюллетени остались.

Первой из бывших советских сателлитов Словакия решилась провести референдум о присоединении к НАТО. К гражданам обратились с вопросами: согласны ли они, во-первых, вообще на вступление в блок, во-вторых, на размещение в стране ядерного оружия, а в-третьих, на развертывание иностранных военных баз. По опросам, участвовать в плебисците собирались около 70 процентов избирателей.

Не явилось и десятой части. Анализировать результаты бессмысленно: что с того, что за НАТО высказались четыре с половиной процента граждан страны, если против — пять? За ракеты и базы соответственно процент и полтора процента, а против — восемь и семь с половиной?

Пассивность населения здесь совершенно ни при чем. Наоборот: провалился референдум вовсе не из-за безразличия граждан. Он пал жертвой ожесточенной политической борьбы сторонников правительства с оппозицией — борьбы, расколовшей словацкое общество практически пополам.

Три-четыре

Из трех вопросов плебисцита важнейшим оказался четвертый, не имевший к НАТО никакого отношения: о прямых выборах президента.

В Словакии главу государства (с весьма ограниченной властью) выбирает парламент. Полномочия нынешнего президента Михала Ковача — личного врага премьера Владимира Мечьяра — истекают в марте следующего года, и нет никаких шансов, что Ковач (или другой представитель оппозиции) пройдет сито парламента, где доминируют мечьяровцы. Опасаясь, что вся власть окажется в руках известного своими авторитарными замашками премьера, оппозиция собрала 550 тысяч подписей под требованием вынести на референдум вопрос о всенародных выборах президента.

Ковач объединил два референдума в один. Мечьяр, которого всенародные президентские выборы никак не устраивают, организовал обращение в Конституционный суд — сначала от правительства, затем от депутатов. Суд, оказавшись меж двух огней, тянул до последнего момента, и за два дня до референдума вынес соломоново решение: сам «президентский вопрос» конституционен, но юридически некорректна его формулировка, так что спросить граждан можно, но их ответ будет иметь лишь политический, но никак не юридический вес.

Министр внутренних дел Густав Крайчи распорядился напечатать новые бюллетени — с тремя вопросами. Центральная комиссия по проведению референдума (ЦКР), сформированная при МВД из представителей политических партий, отказалась визировать их своей печатью и оставила в силе старые бюллетени — с четырьмя вопросами. Но уже через несколько часов ошарашенный зампредседателя комиссии Йозеф Крумполец сообщил «Итогам», что министр «счел проблему с печатью чисто технической и решил ее». По некоторым сведениям, министр попросту стер в компьютерном файле бюллетеня (с уже отсканированной печатью) четвертый вопрос.

Стало ясно, что референдум сорван. МВД развезло по участкам новые бюллетени. ЦКР их не признала. Оппозиция отказалась соблюдать двухдневный мораторий на агитацию перед голосованием: партийные лидеры призвали своих сторонников бойкотировать плебисцит. Поддерживающие оппозицию мэры и избирательные комиссии ряда городов и поселков отказались проводить референдум по «фальшивым бумагам».

В братиславском районе новостроек Петржалка (где живет треть населения словацкой столицы) участки по распоряжению мэра вообще не открылись. 32-летний Александр Яч залег с женой и ребенком в поставленную у дверей своего участка «палатку протеста». Протеста против чего? «Да что вы, конечно, не против мэра! Жду бюллетеней с четырьмя вопросами». На другом берегу Дуная, в старой Братиславе, участки открыты. На одном группа женщин составляет протест в МВД: «Хотим голосовать по четырем вопросам!» На соседнем — супружеская пара пенсионного возраста тоже пишет, и тоже в МВД: «Хотим три вопроса — а комиссия не дает бюллетень: говорит, недействителен». Ящик с бюллетенями стоит посреди участка опечатанный.

В трамвае случайный собеседник машет рукой: «Они наверху нас всю жизнь за ослов держат. Какое НАТО?! Смотрите, что творится!»

Витязь на распутье

А зачем Словакии вообще был нужен референдум по НАТО? Ведь всем известно, что страна выпала из лидирующей группы стран-абитуриентов и в Мадриде в ряды блока призовут лишь «великолепную тройку» — Польшу, Венгрию и Чехию. Между тем ни одно из этих государств плебисцита по НАТО не объявило.

«Нашей власти нужно не вступление в НАТО, ее нынешняя цель — переложить на кого-то вину за свой неуспех, — настаивает Бригита Шмегнерова, одна из лидеров оппозиционного Союза демократических левых. — Они обещали интеграцию в европейские структуры, но не смогли этого добиться».

Именно мечьяровская фракция в феврале внесла в парламент проект референдума с тремя «натовскими» пунктами. Противники премьера обвиняют его в том, что сами формулировки вопросов провоцируют избирателя на отрицательные ответы. Кто же захочет увидеть в своем палисаднике чужую ядерную ракету? А иностранную военную базу? Тогда власть сохранила бы лицо: «Ах, НАТО нас к себе не зовет? Не больно и хотелось!»

«На самом деле Мечьяр в НАТО не хочет, но не может этого сказать». Оппозиция указывает, что партия Мечьяра Движение за демо-

кратическую Словакию (ДЗДС) правит страной в сомнительной компании «славянских националистов» из Словацкой народной партии и неокоммунистов из Содружества рабочих Словакии. И те, и другие по идейным соображениям против расширения НАТО.

Обвинение премьеру брошено тяжкое: в условиях Центральной Европы, едва освободившейся от советской оккупации, лидер просто обязан быть «стратегическим западником». Официальная позиция словацкого правительства тверда как скала: «Мы видим свое будущее в атлантических структурах — НАТО и ЕС». — «Все разговоры о вопросах, провоцирующих на отрицательный ответ, — спекуляция, — возмущается пресс-секретарь МИДа Иван Корчок. — Смысл нашего референдума прост — дать гражданам возможность высказаться по основополагающей проблеме». Возразить тяжело: правда, честнее открыто задать согражданам трудные вопросы, чем решать судьбу страны за их спиной. «Что до ракет, то эта проблема реально существует. По результатам референдума мы могли бы — в случае вступления в блок — закрепить за собой безъядерный статус, которого добились Дания и Норвегия». А мнение партнеров по коалиции? «Несмотря на свою партийную позицию, они придерживаются общей линии правительства», — утверждает г-н Корчок.

Странная кампания

По словацкой конституции результаты референдума сохраняют силу как минимум три го-

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КОМИССИЯ ЖДЕТ ИЗБИРАТЕЛЕЙ. НЕ ДОЖДЕТСЯ

да. Это обстоятельство, как и «основополагающий» характер вопросов, заставляли ожидать нешуточного накала публичных страстей вокруг натовской темы.

Однако следы предплебисцитной наглядной агитации на братиславских улицах приходилось выискивать днем с огнем. Листовка «народников» с антинатовским лозунгом едва заметна в подземном переходе на площади Словацкого народного восстания. Плакатик оппозиции рядом, но приляпан так высоко, что не прочесть. Это — центр столицы. Ближе к окраинам и вовсе нет ничего.

Впрочем, тему референдума на улицах обыгрывали, но не политики, а торговцы. На тротуарах и обочинах — громадные рекламные щиты в форме бюллетеней: «Вы за вступление фруктового сока «Зевс» в ваш холодильник?» Или еще: «Вы за размещение фруктового сока «Зевс» во всех стратегических магазинах на территории Словацкой Республики?» Галочка, конечно, в квадратике «да».

Зато в прессе страсти бушевали — и в правительственной, и в оппозиционной. Оба лагеря сосредоточились не на НАТО, а на том, что несут стране прямые выборы президента. А партия Мечьяра удивила всех: отказалась от телевизионного времени, полагающегося ей на агитацию, и отдала его «народникам».

«Я очень рад, что ДЗДС сделала нам такой подарок, — усмехается в бороду активист-«народник», зампред парламентского комитета по внешней политике Йозеф Прокеш. — Конечно, мы использовали это время для пропаганды нашей позиции: расширение НАТО — это не европейская стабильность, а разделение славянства и американский экспансионизм». — «Ну а кому его было передавать — оппозиции? — восклицает журналист проправительственной газеты «Словенска република». — Они, конечно, агитировали против НАТО, но еще больше — против прямых выборов президента...»

Самый зрелый плод пропаганды свалился на корреспондента «Итогов» в городке Сенец, где четверть населения — венгры и (наверное, потому) среди словацкого большинства сильны националистические настроения. «Какое НАТО? Какие четыре вопроса? — вытаращился 70-летний дедушка по имени Людовит, с которым мы разговорились по дороге на избирательный участок. — Там же один вопрос должен быть — чтобы президента только в парламенте выбирали! Так наши по радио говорят!»

Руки Москвы

Еще в 1991 году Владимир Мечьяр, вернувшись из поездки в СССР, обронил: «Если нас не примут на Западе, обернемся к Востоку». С этого момента, задолго до провала референдума, у Владимира Мечьяра начала складываться репутация «троянского коня Кремля» в регионе.

По многим свидетельствам, Владимира Мечьяра и Виктора Черномырдина связывает личная дружба. Ее укреплению немало содействовал Сергей Ястржембский, который перед тем как сделаться «президентскими устами», весьма плодотворно поработал российским послом в Братиславе. Словакию и Россию связывают многочисленные соглашения. Особенно «стратегическими» связи двух государств оказались в энергетике: Словакия получает из России сто процентов необходимых ей энергоносителей, включая не только газ и нефть, но и топливо для АЭС. «Тесное партнерство» в других сферах пока не дотягивает до уровня российско-польского или российско-венгерского. Официально российские инвестиции в Словакию незначительны, крупных только две: в «Девин-банк» и в СП «Газпром»—«Словацкое газовое предприятие». Но сколько российских денег пришло тайно через подставных лиц — никто точно не знает: кабинет Мечьяра предпочитает вести приватизацию методом «непрозрачных» прямых продаж, не утруждая себя организацией конкурсов. О суммах, «отмытых» через Словакию, ходят легенды.

В этой ситуации не могут не возникнуть подозрения, что референдум о вступлении в НАТО сорван коварной Москвой, использовавшей свой вес, чтобы надавить на премьера. В Польше или Чехии такая версия прошла бы «на ура». В Словакии ее отметают не только официальные круги (что естественно), но и лидеры оппозиции.

«Никакого особого давления со стороны России я не вижу. И я его не чувствовал, пока был главой правительства. Кроме той прес-

ЭТИМ СЛОВАЦКИМ СОЛДАТАМ НАТОВСКИМИ УЖЕ НЕ БЫВАТЬ

синговой риторики, которая обращена ко всем странам—кандидатам в НАТО», — утверждает один из лидеров нынешней оппозиции Йозеф Моравчик. «Никто пана Мечьяра не принуждает. Он ведет двойную игру, неискреннюю по отношению к обеим сторонам — и к Западу, и к России», — вторит Моравчику Бригита Шмегнерова.

Оппозиция понимает: даже если в битве за власть удастся победить противника, с «большим соседом» иметь дело придется все равно.

Народ осип

Так хотят ли словаки в НАТО? Картина туманная. Согласно местным опросам, число противников и сторонников вступления в блок примерно одинаково. Последнее международное исследование в рамках программы «Евробарометр» дало такие цифры: «натовцев» — 27 процентов, «антинатовцев» — 19, сомневающихся — 30.

После сорванного референдума смятение в умах, кажется, только увеличилось. Из бесед с гражданами не возникает ничего, даже отдаленно напоминающего общее мнение. «Сорок лет здесь русские были, теперь попробуем, как с другими». — «Как хотите, а война сюда обычно с запада приходила, а не с востока... Но у вас в России ведь сейчас хаос полный, да?» — «Русские танки мы уже видели, так что теперь, на американские смотреть?»

«Да о чем вы вообще говорите?! Кто нас куда пригласит с таким начальством?! — машет рукой человек у газетного киоска. — Я на этот референдум пришел, посмотрел, развернулся и ушел: мне не НАТО важно, а принцип — дурят нас, как хотят!» Помолчав, добавляет: «Оно, может, и к лучшему — проще: с этими, наверху, все ясно. А вот с ракетами — черт знает, куда повернулось бы».

О возможности референдума по НАТО в свое время поговаривали в Венгрии. На плебисците настаивали многие влиятельные политики Чехии. Но теперь — после словацкой карусели — вряд ли у избирателей «великолепной тройки» будут о чем-то спрашивать. Во всяком случае, есть замечательный довод, чтоб не спросить.

Ловушки для министра

Игорь Сергеев, безусловно, способен провести реформу армии. Вопрос в том, дадут ли ему это сделать

Александр Акулов

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Итак, Игорь Родионов, который оказался не способен провести реформу Вооруженных Сил, отправлен президентом в отставку. Его место занял всеми уважаемый генерал, крупный военный администратор Игорь Сергеев, командовавший Ракетными войсками стратегического назначения. У него вроде бы есть все необходимые качества, чтобы хотя бы начать реформирование армии.

Рвущийся наружу восторг сдерживает только одно обстоятельство: точно такую репутацию имел и его предшественник Игорь Родионов, который, заняв кресло министра, кардинально поменял свои взгляды на военную рефому. Видимо, одних только знаний и воли недостаточно, чтобы реформировать сегодняшнюю армию. Более того, знания-то как раз могут и помешать. Ибо в нынешних условиях это сверхтрудное дело требует отказа от ряда классических аксиом традиционного военного строительства. Нечего и говорить, что те, чьи интересы реформа задевает, будут делать все возможное, дабы такой отказ обернулся ловушкой для нового министра. Как это и случилось с прежним главой военного ведомства.

Страсти по концепции

Уволив Родионова, Борис Ельцин повелел специально созданной комиссии во главе с Виктором Черномырдиным в месячный срок (к 25 июня) разработать концепцию военного строительства. В прошлый раз в своем ноябрьском указе он ставил задачу подготовить тот же документ за неполные три месяца, к 1 февраля. Результаты известны. Концепции как не было, так и нет. И все потому, что до сих пор не решен главный вопрос: какова ее отправная точка. По всем правилам исходить надо из оценки потенциальных угроз безопасности. Устоявшийся у нас подход к военному планированию однозначно требует рассматривать как угрозу даже потенциальную возможность любого государства развязать военный конфликт с Россией. При таком подходе мощь нашей армии должна быть сопоставима с совокупной военной мощью армий США, европейских стран НАТО, Китая и т.д.

Министру-реформатору предстоит принять революционное, особенно для российского генерала, решение (западные военные по другому и не мыслят): «Я строю такую оборону, на какую мне выделяют деньги». При этом военный бюджет определяется исполнительной и законодательной властями, а значит, на них ложится и вся политическая ответственность.

Еще одна аксиома, от которой придется отказаться министру: сокращение Вооруженных Сил должно быть компенсировано улучшением их качественных характеристик — технической оснащенности, мобильности. Отказаться несмотря на то, что Борис Ельцин поставил перед ним задачу сократить военные расходы и одновременно создать современную армию. Сергееву придется объяснить Верховному главнокомандующему, что переоснащение армии — дело чрезвычайно дорогостоящее и нужно выбрать что-то одно. И заставить его отдать себе отчет в том, что в нынешних условиях программа-максимум в военном строительстве — это сокращение плюс структурная перестройка Вооруженных Сил и выполнение обязательств государства перед увольняемыми в отставку и в запас военнослужащими. О серьезном переоснащении пока не может быть и речи. А раз так, то стоит ли тратить время и силы на выработку очередной высоконаучной концепции, если нужен вполне конкретный план — что сокращать, когда, где и на какие средства строить жилье увольняемым офицерам. Ведь не секрет, что до сего времени «работа над концепцией» была не более чем ширмой, за которой скрывалось элементарное желание протянуть время.

Реорганизация ВДВ как зеркало наших реформ

Противники реформы будут активно жать на патриотическую и романтическую педали, чтобы затормозить ее ход. Бесконечная волынка с реорганизацией воздушно-десантных войск — яркий тому пример. То, что с этими войсками нужно разбираться, военное руководство страны осознало давно. ВДВ были созданы для уничтожения стратегических объектов противника (ракетных баз, командных центров) в ходе глобального конфликта. Соответственно время для переброски десантников «в любую точку земного шара» с боезапасом и техникой, достаточными для выполнения данной конкретной задачи, должно измеряться часами.

Но Россия в отличие от СССР не собирается вести глобальную войну. Чечня же показала: даже в условиях локального конфликта десантникам, при всей их замечательной выучке, трудно воевать без тяжелого вооружения, прежде всего артиллерии. А с ее переброской, да и вообще с мобильностью, у десантных войск серьезные проблемы. Сегодня вся военно-транспортная авиация ВВС способна поднять не более одного парашютно-десантного полка. То, что в такой ситуации содержать пять дивизий ВДВ и несколько отдельных бригад — непозволительная роскошь, было ясно даже Павлу Грачеву, который сам был родом из десанта и искренне его любил. Именно он сделал первый шаг в реформировании ВДВ, переподчинив командующим округами ряд бригад. Родионов с Самсоновым пошли дальше, попытались передать ВДВ в состав Сухопутных войск. Оба министра столкнулись с резким протестом десантников, никак не желавших переходить в «пехоту». Много слов было сказано о славных традициях, о системе боевой подготовки, которая-де неизбежно будет утрачена в случае переподчинения. Что касается главной причины переполоха — планирущегося упразднения штаба ВДВ и, как следствие, ликвидации генеральских и полковничьих должностей,— то о ней предпочитали не распространяться. И хотя соображения, по которым Борис Ельцин приостановил реорганизацию, связаны, будем надеяться, исключительно с отсутствием у военного ведомства ясных планов реформирования, его решение было воспринято как уступка нажиму.

Можно не сомневаться, что теперь в ответ на реформаторские шаги Сергеева любое военное училище, любая военная контора, не говоря уже об армейских соединениях или родах войск, сразу же поднимут крик о своих славных боевых традициях и неоценимом вкладе в обеспечение обороноспобности страны. И у министра нет никаких гарантий, что президент вновь не отменит директивы военного ведомства.

ВОПРЕКИ УТВЕРЖДЕНИЯМ ПРЕЗИДЕНТА **С ЭТОГО «ТОПОЛЯ» НИКТО НЕ СОБИРАЕТСЯ СНИМАТЬ БОЕГОЛОВКУ**

Верховный главнокомандующий как фактор нестабильности

С тем что Борис Ельцин может быть источником всяческих неожиданностей, Игорь Сергеев столкнулся в первую же неделю своего пребывания на министерском посту. Как известно, российский президент объявил в Париже, что с ракет, нацеленных на страны НАТО, «снимаются все боеголовки». Что вызвало у западных лидеров скорее недоумение, чем восторг. Если понимать Верховного главнокомандующего буквально, то его заявление означает, что Россия отказывается от своего ядерного потенциала. И это после того, как мы не единожды заявляли на весь мир, что значительное ослабление обычных сил заставляет Россию большую роль отводить ядерным средствам сдерживания агрессии.

Военное ведомство оказалось в положении прапорщика из известного анекдота, который не смеет опровергнуть утверждение майора, что крокодилы летают — да, летают, «тильки низэнько, низэнько». В заявлении пресс-службы Минобороны сказано, что президент, делая свое заявление, фактически имел в виду «обеспечение различными способами и методами снятия с боевого дежурства любых видов ракетно-ядерных средств, которые могли бы быть нацелены на государства — члены НАТО». Мол, не думайте что речь идет о «снятии всех боеголовок». «Такие способы и методы включают в себя как мероприятия по ненацеливанию, так и отстыковку головных частей».

Однако перенос акцента со снятия на перенацеливание не проясняет сути дела окончательно. Если иметь в виду, что с 1994 года действует договоренность между Москвой, Вашингтоном и Лондоном о «взаимном ненацеливании» ракет, то получается, что президент сделал жест исключительно в сторону Франции, а также тех натовских государств, в которых размещены американские самолеты, способные нести ядерное оружие. В противном случае слова президента могут означать только одно — российские ракеты нацелены и на неядерные натовские государства.

Вероятнее всего, Ельцин имел в виду тактическое ядерное оружие, ликвидировать которое натовцы давно призывают Россию, но это ведь только догадки. Определенно утверждать можно лишь то, что мы являемся свидетелями не последней импровизации президента. Тем труднее будет новому министру проводить военную реформу, которой всякие импровизации противопоказаны. ■

Прихлопнуть говорильню

Навстречу 90-й годовщине роспуска II Государственной думы

Никита Соколов

ПРЕЦЕДЕНТ

Третьего июня 1907 года депутаты, стекавшиеся к Таврическому дворцу, обнаружили на запертых дверях вместилища российского парламентаризма манифест «О роспуске Государственной думы». «Всем верным подданным» подробно исчислялись прегрешения распущенного законодательного собрания:

«...Не с чистым сердцем, не с желанием укрепить Россию и улучшить ее строй приступили многие из присланных от населения лиц к работе, а с явным стремлением увеличить смуту и способствовать разложению государства...

По этой причине выработанные Правительством Нашим обширные мероприятия Государственная дума или не подвергала вовсе рассмотрению, или замедляла обсуждением, или отвергала... Государственная дума не оказала в деле водворения порядка нравственного содействия правительству, и Россия продолжает переживать позор преступного лихолетия.

Медлительное рассмотрение Государственною думою росписи государственной вызвало затруднение в своевременном удовлетворении многих насущных потребностей народных.

Право запросов правительству значительная часть Думы превратила в способ борьбы с правительством и возбуждения недоверия к нему в широких слоях населения».

Краснобаи и бузотеры

Впрочем, подобные упреки любая исполнительная власть могла бы адресовать своему законодательному компаньону. Для разгона негодной Думы требовались все-таки более веские аргументы, и в том же манифесте сообщалось: «Наконец, свершилось деяние, неслыханное в летописях истории. Судебной властью был раскрыт заговор целой части Государственной думы против государства и царской власти».

Если переложить «высокий штиль» царского манифеста на язык политической повседневности, поводом для разгона Думы послужила устроенная полицией инсценировка антиправительственного заговора левых депутатов. Агент департамента полиции, некая г-жа Шорникова, передала с депутацией солдат в квартиру, где собирались депутаты-социалисты, «наказ» «возмутительного содержания» (в делах департамента была предусмотрительно оставлена машинописная копия). Через несколько минут после ухода солдат в квартиру нагрянула полиция, но «наказ» — главную улику обвинения — так и не нашли. Пришлось «шить» к делу копию. Белые нитки торчали совершенно явственно.

«СТОЛЫПИНСКАЯ МЕЛЬНИЦА» — МЕХАНИЗМ «СОГЛАСОВАНИЯ» НАРОДНОГО ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ С «ВИДАМИ ПРАВИТЕЛЬСТВА»

Тем не менее 1 июня по требованию правительства состоялось закрытое заседание парламента, в котором прокурор Петербургской судебной палаты предъявил 55 депутатам обвинение в заговоре, направленном «к ниспровержению государственного строя», и потребовал немедленного лишения 16 членов Думы депутатской неприкосновенности. Дума без проверки основательности выдвинутых обвинений не пожелала удовлетворить эти требования, была создана комиссия под председательством историка Александра Кизеветтера. Она должна была доложить результаты своей работы в понедельник, 4 июня, но ее выводов власти не стали дожидаться.

Дума, конечно, бузила изрядно, почище нынешних. Тем не менее у правоохранительных органов были в тот момент и более срочные задачи. В стране бушевала «первая русская революция», то есть царила анархия, сопровождаемая разгулом насилия вообще и бандитизма под политическими лозунгами в частности. Так что прокуратура обнаружила из ряда вон выходящее рвение в отношении думцев, разумеется, не по собственному почину.

За спиной окружного прокурора маячила внушительная фигура председателя Совета министров Петра Столыпина, чье влияние на государя достигло в то время апогея.

Собственно, подготовка к роспуску началась, как только стали известны результаты выборов во II Думу, большинство мест в которой вновь заняли левые, и прежде всего «трудовики» (парламентский штамм эсеров) и кадеты. Состав Думы первых двух созывов предопределялся «виттевским» избирательным законом от 11 декабря 1905 года, предоставлявшим крестьянству в губернских собраниях, куда сходились для окончательного избрания депутатов выборщики от всех сословий и курий, решающую роль. Власти верили, что «серый мужичок», хранящий верность самодержавию, будет надежной опорой власти. Дворянство — главный поставщик шибко грамотных либеральных оппозиционеров — лишилось доверия монарха.

Между тем купить лояльность крестьянина мог только земельный закон, урезавший помещичье землевладение. Справедливо решить наиболее острый тогда для страны аграрный вопрос, по мысли крестьянства, значило отобрать помещичьи земли, данные некогда за военную службу и удерживаемые дворянством безо всякого на то морального права.

Такой закон и разрабатывал главноуправляющий землеустройством и земледелием Николай Кутлер. В преамбуле указывалось, что «слишком упорное отстаивание принципа неприкосновенности частной собственности и свободы распоряжения ею может привести при современных условиях к тому, что владельцы лишатся всего, и притом на самых разорительных для себя и для всей страны условиях». Предусматривалось принудительное отчуждение части помещичьих земель в пользу крестьянства. Против проекта поднялась волна дворянских протестов, Кутлер был с позором отставлен и с горя «пошел в кадеты», которые и явились в Думу с кутлеровскими разработками.

Честолюбивый провинциал

В стране, где крестьянство, смотревшее на дворянские земли как на свои, составляло девять десятых населения, реализация земельной реформы, не затрагивающей «священного права» помещиков, требовала особой виртуозности. Эту правительственную программу «умиротворения» и был призван провести энергичный саратовский губернатор Петр Столыпин, назначенный за день до открытия занятий I Думы 26 апреля 1906 года министром внутренних дел и сделавшийся председателем Совета министров в день ее роспуска — 8 июля. Причины быстрого взлета рядового губернатора, не имевшего протекции при дворе, до сих пор остаются загадкой, возможно, что решающую роль сыграли как раз внешне эффектные действия Столыпина во время «аграрных беспорядков» в Саратовской губернии, считавшейся тогда «весьма красной». Собственной аграрной программы бойкий провинциал, по утверждениям лиц, близко стоявших к делу, не имел и только после назначения позаимствовал ее у своего «товарища» Владимира Гурко, занимавшегося подготовкой земельной реформы еще при Плеве.

Столыпинская программа «умиротворения страны», опубликованная 24 августа 1906 года, состояла из двух частей: репрессивной и реформаторской. Правительство провозгласило, что «не колеблясь противопоставит насилию силу». В местностях, объявленных на чрезвычайном положении, вводились военно-полевые суды, благодаря «скорорешительности» которых за виселицей вскоре утвердилось наименование «столыпинского галстука».

ДЕПУТАТЫ-СОЦИАЛИСТЫ В ЗАЛЕ ЗАСЕДАНИЙ И У ВХОДА В ДУМУ

Целью реформаторских усилий правительства должна была стать «Великая Россия», которая прежде всего мыслилась как «русское государство», освобожденное от пагубного воздействия «инородцев». Опорой власти и основой государственной мощи должен был стать «сильный и крепкий» крестьянин, освобожденный от пут «социалистической» общины.

Важнейшей частью программы становилась аграрная реформа, начатая указом 9 ноября 1906 года. Провести закон, оставляющий в полной неприкосновенности «частновладельческие» земли, через крестьянскую Думу было решительно невозможно, а потому Столыпину пришлось не только распустить Думу, но и изменить закон о выборах. Автор избирательного закона Сергей Крыжановский в пояснительной записке с подкупающей откровенностью подчеркивал, что проектируемая им система дает возможность предопределить число представителей от каждого класса населения, установив таким образом состав Думы в соответствии с видами правительственной власти».

«Виды» были недвусмысленно обозначены в упоминавшемся уже манифесте: «созданная для укрепления государства Российского Государственная дума должна быть русскою и по духу. Иные народности, входящие в состав Державы Нашей, должны иметь в Государственной думе представителей нужд своих, но не должны и не будут являться в числе, дающем возможность быть вершителями вопросов чисто русских».

Главная же перемена в манифесте не афишировалась и состояла в том, что Дума переставала быть крестьянской. Хитрый куриальный механизм был на сей раз устроен в пользу дворянина-землевладельца. Один выборщик по землевладельческой курии избирался от 230 человек населения, по крестьянской — от 60 тысяч, а по рабочей — от 125 тысяч. В губернских собраниях обязательный депутат от крестьян избирался теперь всем составом выборщиков. Грубо говоря, крестьянский представитель избирался поместным дворянством. В Совете министров этот вариант избирательного закона был назван «бесстыжим». Государь император, утверждая закон, изволил с удовлетворением вымолвить: «Я за бесстыжий».

У холопов чубы трещат

Премьер, разделавшись с докучливым оппонентом, получил полную свободу рук. Избранная по новому закону III Государственная дума стала послушным орудием в руках Столыпина и единственная проработала весь положенный срок.

Ни один здравомыслящий человек, разумеется, не похвалил бы Государственную думу первых двух созывов. Бестолковая, истеричная, подчас хамоватая «говорильня» раздражала всех. Но как ни прискорбно это сознавать, она вполне выражала «чаяния» страны. В праве III Думы говорить от лица нации сомневался даже ее председатель Михаил Родзянко. Столыпинские законопроекты утверждало грубо фальсифицированное народное представительство. Действия правительства оказывались тем самым вполне законными, но сами эти законы не признавались страной справедливыми. Постепенно премьер, некогда скромный провинциал, не встречая прежнего противодействия, утратил чувство реальности, всерьез возомнил себя спасителем России, поверив вездесущим холуям и шептунам, уверявшим его превосходительство, что он второй Петр Великий. Результаты оказались плачевными.

Земельная реформа была встречена большинством крестьян в штыки и проводилась насильственно. Земельный голод крестьянства не мог быть утолен в европейской части страны. Срыв бюрократически организованной переселенческой программы привел к тому, что на старые пепелища возвратилось до половины выселявшихся в Сибирь и Казахстан. Возвращались без денег, без прав и без уважения к обманувшей их власти. Уже в 1910 году от «крепкого» крестьянина можно было услышать: «Ждем войны. Война беспременно будет, тогда конец вам... Потому что воевать мы не пойдем, воюйте сами. Сложим ружья в козлы, и шабаш. Которые дымократы, мужички, значит, начнем бить белократов — вас, господ. Всю землю начисто отберем и платить ничего не будем». Умиротворение не состоялось.

Объявив продолжение «патриотического курса» Александра III «Россия для русских», столыпинское правительство повело весьма решительную атаку на «автономистов» (поляков, финляндцев и др.), а заодно и на всех прочих «инородцев», в то время и не помышлявших о «самоопределении до отделения». Самые смелые мечтания большинства тогдашних «националов» не простирались далее «культурной автономии». Ужесточение русификации и отсутствие легальных способов защиты своих интересов (думское представительство «инородцев» стало бутафорией) повело к бурному росту националистических центробежных сил, разорвавших в конце концов империю.

Так стоит ли «прихлопывать говорильню», а говорильне нарываться на роспуск? ■

В РОССИИ

Итоги 3 июня 1997

Апофеоз безопасности

Коллектив Балаковской атомной станции свято верит в ФСБ и аварийную автоматику

ВОДОРОД, ОХЛАЖДАЮЩИЙ ГЕНЕРАТОР ПЕРВОГО ЭНЕРГОБЛОКА БАЛАКОВСКОЙ СТАНЦИИ, БЕЗУСЛОВНО, СЕРЬЕЗНАЯ ШТУКА... НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ **ВСЕХ ПОСЕТИТЕЛЕЙ АЭС СНАБЖАЮТ КАСКАМИ** (СЛЕВА)

«Посещение гражданами Российской Федерации объектов использования атомной энергии осуществляется в ознакомительных целях и в целях получения информации ... о технической безопасности функционирования объекта...»

Из постановления Правительства РФ №1516 от 18 декабря 1996 года

Петр Журавлев

СПОКОЙСТВИЕ!

НЕНАСТНАЯ СЕНТЯБРЬСКАЯ НОЧЬ. ДОЖДЬ, прекратившийся было час назад, припустил с новой силой. Монотонный шорох капель почти полностью заглушает и без того тихий звук шагов человека в черном комбинезоне и маске, медленно подбирающегося к высокому глухому забору. Забросив на трехметровую высоту тросик с «кошкой», незнакомец преодолевает первое препятствие, после чего, воспользовавшись длинным складным шестом, легко справляется и со вторым — контрольно-следовой полосой. Еще один забор с колючей проволокой наверху, и он уже почти у цели.

Укрывшись от дождя под навесом у главного корпуса, человек аккуратно достает из рюкзака детальный план объекта, а также штрих-кодовую карточку, открывающую доступ в необходимую ему комнату. (Карточку вместе с планом он купил в соседнем городке за 2 тысячи долларов у подвыпившего работника объекта. Тот получает 1 миллион 200 тысяч рублей, да еще с трехмесячным опозданием, отчего совсем недавно его бросила жена.) Позади остаются два длинных пустых коридора, несколько гулких лестничных пролетов, машинный зал. Вот и заветная дверь. Тихо щелкает замок, и незнакомец в черном, держа на изготовку малогабаритный пистолет-пулемет, врывается в помещение пульта управления...

Так или примерно так могло бы быть описано нападение террориста на атомную электростанцию в каком-нибудь современном триллере. Однако работники по крайней мере одной АЭС — Балаковской — скорее всего бросили бы вздорную «страшилку», не дочитав. Директор станции Павел Ипатов и его подчиненные уверены, что у них ничего подобного случиться не может. Надо признать, именно такой вывод вытекает из всего того, что довелось увидеть и услышать на станции московским журналистам, посетившим в мае 1997 года Саратовскую область. Впрочем, посети журналисты Чернобыль 25 апреля 1986 года — накануне катастрофы, они бы, наверное, услышали и увидели примерно то же самое.

Как за каменной стеной

Вокруг атомной станции, расположенной на левом берегу Саратовского водохранилища, в десяти километрах от волжского города Балаково, создана строго охраняемая зона, доступ в которую посторонним лицам запрещен. «Неподготовленному человеку проникнуть на территорию атомной станции, скажем, из хулиганских побуждений, невозможно», — заявил г-н Ипатов, заметив, что система безопасности в первую очередь рассчитана как раз на подготовленных и действующих отнюдь не из «хулиганских побуждений».

По словам директора, в ходе прошедших в прошлом году учений «Атом-96» специалист из антитеррористической группы «Вымпел» ФСБ РФ форсировал ограду АЭС с помощью шеста. Однако к тому времени, когда он перебрался через два глухих забора с колючей проволокой и КСП между ними, на другой стороне его уже ждала группа захвата: сработала сигнализация. Программа подготовки сотрудников службы режима АЭС включает также противодействие террористам, которые предпочтут «сухопутному» способу проникновения дельтаплан, парашют или акваланг.

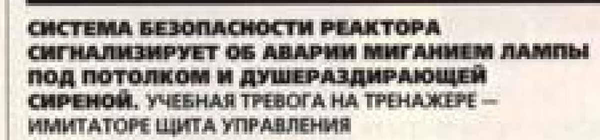
Второй рубеж «обороны» станции — зоны безопасности внутри энергоблоков. Доступ в целый ряд помещений индивидуальный, так сказать, именной, и постоянно контролируется с помощью электроники и систем наблюдения. Потенциально самое опасное место — реакторная установка — имеет два дополнительных рубежа защиты. Впрочем, по свидетельству некоторых ответственных работников АЭС, попытка пробиться к самому реактору — затея вообще безнадежная. В соответствии с проектом реактор ВВЭР-1000 заключен в своеобразный термос — герметичную оболочку с толщиной стенок 1,2 метра, внутри которой поддерживается сильно разреженная атмосфера. Шлюзы, через которые только и можно попасть к реактору, в нормальной ситуации заблокированы — от них отведено все электропитание. Кроме того, даже с подключенным питанием шлюз невозможно открыть в одиночку.

Что же касается другого «слабого места» — щита управления энергоблоком, то директор станции признает: полностью исключить вероятность проникновения туда нельзя. Однако на этот случай предусмотрена специальная система автоматики, которая блокирует «неправильные действия», к выполнению которых террористы могут принудить персонал.

Один из атомщиков в беседе с корреспондентом «Итогов» заметил: максимум, чего могут добиться террористы на щите управления, это отключение реактора. Тем не менее антитеррористическое подразделение, «прикрывающее» Балаковскую АЭС, отрабатывает вариант с освобождением взятой «на щите» в заложники дежурной смены.

Задачам обеспечения безопасности, по словам руководителей БАЭС, отвечает и методика работы с персоналом. Человек, в перспективе рассчитывающий трудиться на щите управления блоком, должен прежде всего иметь высшее образование по специальности «энергетика». Попадая на станцию, он начинает, как правило, с должности обходчика реакторного или турбинного отделения, затем становится старшим обходчиком, инженером по эксплуатации реакторного отделения и обычно только спустя 4—5 лет может быть допущен к дежурству «на щите».

СИСТЕМА БЕЗОПАСНОСТИ РЕАКТОРА СИГНАЛИЗИРУЕТ ОБ АВАРИИ МИГАНИЕМ ЛАМПЫ ПОД ПОТОЛКОМ И ДУШЕРАЗДИРАЮЩЕЙ СИРЕНОЙ. УЧЕБНАЯ ТРЕВОГА НА ТРЕНАЖЕРЕ — ИМИТАТОРЕ ЩИТА УПРАВЛЕНИЯ

СТАЛЬНАЯ ДВЕРЬ В КОРИДОР, ВЕДУЩИЙ К НАСТОЯЩЕМУ ЩИТУ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРВЫМ ЭНЕРГОБЛОКОМ БАЭС (СПРАВА)

При поступлении на работу, а затем ежегодно любой работник станции проходит психофизиологическое тестирование. Как сообщил директор Павел Ипатов, с начала эксплуатации БАЭС в 1985 году было два случая, когда сотрудников по результатам тестов отстраняли от «оперативной» работы. Оба раза виной тому были проблемы в семье.

Остается добавить, что, как и было сказано выше, оклад дежурного на щите управления составляет сейчас 1,2 миллиона рублей плюс 75-процентная премия. Зарплату на станции платят хоть и с опозданием, но более или менее регулярно. Задолженность — всего два месяца. «Морально-психологическое состояние персонала сложное, но без экстремизма», — резюмировал г-н Ипатов.

анАТОМия

Работающие на Балаковской АЭС реакторы типа ВВЭР (водо-водяной энергетический реактор), как не устают повторять атомщики, принципиально отличаются от печально знаменитого чернобыльского РБМК (реактор большой мощности канальный) и во сто крат надежнее. Достигается это прежде всего благодаря тому, что радиоактивный первый контур, то есть тот самый котел, где и происходит управляемая цепная реакция, полностью изолирован от внешней среды. Герметичный кожух (о нем уже шла речь выше) рассчитан на удержание всех радиоактивных веществ, которые могут образоваться в результате серьезной аварии. Кроме того, проектом предусмотрена способность реактора к саморегуляции: если температура в активной зоне начинает повышаться, происходит самопроизвольное снижение интенсивности цепной реакции.

Охлаждает активную зону обычная вода с добавлением бора. Нагреваясь от реактора, она отдает тепло уже нерадиоактивной воде второго контура (поэтому-то реактор и называют водо-водяным). Образующийся во втором контуре насыщенный пар (его температура почти 280 градусов по Цельсию) вращает турбину, а та, в свою очередь, — электрогенератор переменного тока мощностью 1 миллион киловатт и напряжением 24 тысячи вольт.

Авария, которая в соответствии с проектом считается самой страшной, — это разрыв трубопровода первого контура. В этот момент активная зона, как говорят атомщики, «оголяется»: вода, которая была в контуре, уходит, зона остается без охладителя, что может привести к расплавлению реактора, а заодно и всего, что под ним и вокруг. В этом случае установка автоматически отключается (как, впрочем, и при любой другой, пусть и менее серьезной аварии), а затем в реактор по двум независимым каналам закачивается около тысячи тонн воды с высоким содержанием бора — активная зона буквально затопляется. При этом специальный насос обеспечивает непрерывную циркуляцию налитой в реактор воды для ее постоянного охлаждения.

Вообще на БАЭС очень гордятся системой безопасности реактора. Собственно, это не одна, а три независимые и автономные системы, причем каждая построена по трехканальному принципу получения и передачи сигнала об опасности. Все оборудование этих систем для верности разнесено по разным помещениям и действует вне зависимости от того, начали ли работать «соседи».

Характерно, что в случае аварии на первом или втором контуре дежурный персонал станции на 30 минут лишается всякой возможности вмешиваться в работу механизмов реактора — система безопасности блокирует все рычаги и кнопки на щите управления. Это делается для того, чтобы дежурные в горячке неосмотрительными действиями не усугубили положение, а спокойно разобрались в том, что же на самом деле произошло. Кроме того, начальнику дежурной смены блока необходимо время, чтобы поставить в известность об аварии инспекцию Госатомнадзора, руководство станции, а в чрезвычайной ситуации — местный штаб гражданской обороны и ФСБ. Запрашивается также информация гидрометеослужбы.

Штатная система безопасности позволяет полностью локализовать какие-либо выбросы внутри атомной станции, заверили московских журналистов чины БАЭС. За 12 лет работы, утверждают они, каких-либо инцидентов, связанных с радиационным загрязнением, на станции не было.

P. S. Мэр города Балаково Алексей Саурин на прямой вопрос корреспондента «Итогов» ответил просто: «Конечно, страшно. Не страшно было до тех пор, пока не тонули атомные подводные лодки, пока мы не знали Чернобыля. Люди постоянно находятся в напряжении. Мы же прекрасно понимаем, что авария на БАЭС может стать для города роковой». ■

Фото автора

ТАМАРА МОРЩАКОВА (СЛЕВА) СЧИТАЕТ, ЧТО ПОПРАВКИ ДЕПУТАТА МИЗУЛИНОЙ СПОСОБНЫ ПАРАЛИЗОВАТЬ КС

Судейские страсти

Государственная дума собирается отрегулировать работу Конституционного суда вплоть до полной ее остановки

Григорий Воскобойников

АМБИЦИИ

Елена Борисовна Мизулина, депутат Государственной думы, в прошлом профессор кафедры уголовного права Ярославского университета, не любит Конституционный суд. Одни считают, что все дело в ревности: ей самой очень хочется облачиться в мантию, но сколько ни открывается вакансий, никак не догадаются предложить ее кандидатуру. По другой версии, нелюбовь вызвана не слишком удачными выступлениями депутата в КС.

Мизулина проиграла два процесса. Первый раз это случилось летом 1995 года, когда суд рассматривал так называемое чеченское дело. Тогда группа членов Совета Федерации пыталась оспорить законность секретного указа президента о наведении конституционного порядка в Чечне.

Второй раз, в декабре все того же 1995 года, Елена Борисовна пыталась добиться отмены закона о формировании Совета Федерации и опять потерпела поражение. Ее доводы о необходимости пересмотреть трактовку положений Конституции, данную в законе, были слабо аргументированы, и суд нашел их неубедительными.

Теперь Мизулина называет все случившееся с ней судейским произволом, и пытается изменить сам закон о КС.

Обезглавить

«У меня было желание поправить закон еще на стадии его принятия. Я всегда считала, что этот закон скорее способен защитить Конституционный суд от прав граждан, а не наоборот», — заявила Елена Мизулина в интервью «Итогам».

И желание депутата может исполниться: Дума с удовольствием проголосует за любые предложения по ограничению прав суда, а Совет Федерации поддержит законопроект хотя бы потому, что именно верхней палате предлагается передать право выбора не только судей, но также председателя КС, его заместителя и секретаря суда.

По словам автора поправок, она стремилась деполитизировать суд: «Когда пришло время выбирать председателя — развернулась политическая борьба. Судьи по очереди всюду бегали и рассказывали про внутренние склоки. При нынешней практике выборов главы суда желающий занять этот пост должен заигрывать со своими коллегами. А где же тогда независимость?» Во избежание раздора в судейском стане Мизулина предлагает «перенести политическую борьбу в Совет Федерации», которому кандидатуры на председательский пост представляет президент, но по рекомендации самого суда. При этом парламентарий апеллирует к закону о судебной системе, по которому именно верхняя палата утверждает председателей Верховного и Высшего Арбитражного судов.

«Страшно неискренний аргумент, если не применить более суровый термин — спекулятивный или мошеннический, — такова была реакция Тамары Морщаковой, зампреда Конституционного суда на просьбу «Итогов» прокомментировать последний довод Мизулиной. — В других судах судьи назначаются пожизненно, в том числе и председатель. А здесь назначать председателя предлагается каждые три года. О какой независимости тогда можно будет говорить!»

Впрочем, если подобный механизм все-таки будет утвержден, то можно быть абсолютно уверенным, что КС вообще лишится своих руководителей: сенаторы рядовых-то судей утверждают со страшным скрипом (на освобождающееся место Владимира Туманова президенту приходится подыскивать уже третью кандидатуру). «Три института: суд, президент и Совет Федерации — никогда не договорятся о приемлемой кандидатуре», — считает Морщакова. Конечно, когда-нибудь председатель, возможно, и будет утвержден, однако для этого должен отыскаться абсолютно беспринципный судья, готовый одновременно лебезить и перед коллегами, и перед президентом, и перед сенаторами. Пока в кабинетах здания на Ильинке человека с такими характеристиками, к счастью, нет.

Парализовать

Елена Борисовна обижается на тех, кто интересуется в первую очередь организационными поправками: «Там есть и другие важные предложения». В законопроекте предусмотрена возможность продолжать судебное разбирательство по уже отмененному законодательному акту или, например, допускается возврат к уже закрытому делу «при наличии вновь открывшихся или новых обстоятельств».

Эти поправки вызвали в Конституционном суде шок. «Такой практики нет нигде в мире. Она же вроде грамотный юрист?!» — удивленно воскликнул один из сотрудников аппарата, прочитав предложения Мизулиной.

По мнению Тамары Морщаковой, эти предложения сразу же превращают суд в инструмент политической борьбы, поскольку «может сложиться ситуация, когда акта уже нет, он отменен, но Дума настаивает на том, чтобы суд фактически заклеймил тех, кого депутаты считают своими противниками». Но куда хуже другое: суд, вынуждаемый рассматривать уже отмененные документы или по многу раз из-за «вновь вскрывшихся обстоятельств» возвращаться к одному и тому же делу, перестанет функционировать. «Он просто будет парализован, и тогда совершенно логично будет поставить вопрос: а нужен ли вообще такой суд», — предрекает заместитель председателя КС.

Впрочем, судейские нашли в законопроекте одну полезную статью. Она значится под номером шестнадцать и предписывает пронумеровать части статей закона о Конституционном суде. «Это очень хорошо. Подобную инициативу надо распространить на все наше законодательство. Юристы только спасибо скажут», — без тени иронии заметил в беседе с корреспондентом «Итогов» один из сотрудников аппарата КС. ■

Брат по расчету

Владимир Зорич

СОСЕДИ

«Договор между Россией и Украиной — это кровеносная система, которую президенты Ельцин и Кучма наполняют кровью», — такую малопонятную, но красочную метафору использовал помощник Бориса Ельцина Сергей Приходько, давая характеристику прорыву в отношениях между Россией и Украиной, случившемуся на прошлой неделе.

Суть его проста: Россия одумалась. Отечественные политики несколько лет подряд устраивали ритуальные пляски вокруг Черноморского флота и крымского вопроса, а Борис Ельцин вновь и вновь отменял свой визит в сопредельную страну: дескать, все равно никуда от нас не денутся, кому они нужны с черепашьими темпами реформ, разваливающейся промышленностью и отсутствием источников энергии?

А Украина тем временем искала и находила новых друзей. Пятидесятимиллионная страна, не став союзником России, становилась в глазах Запада ее естественным противовесом. В Москве встрепенулись лишь тогда, когда поняли: расширение НАТО на Восток — не риторика, а реальность. Такая же, как и сближение Украины с западными странами, прежде всего с Соединенными Штатами. «Во всей истории с расширением альянса самое важное для России — будет ли НАТО распространять свое влияние на Украину. Уже сейчас ясно, что будет», — заявила недавно в интервью «Итогам» эксперт фонда Карнеги Ирина Кобринская.

Яблоком раздора для двух держав стал «зависший» между ними Черноморский флот. Еще три года назад никакого стратегического значения он вообще не имел. Теперь обстановка изменилась: судьба проектов транспортировки нефти из России впрямую зависит от поведения Турции, контролирующей выход из Черного моря в Средиземное, так что необходимость иметь инструмент давления на нее ясна. Таким образом, перед Москвой стоял выбор: флот или Украина. В Кремле решили, что Украина важнее.

ОТНЫНЕ ТОЛЬКО **УКРАИНСКИЕ МОРЯКИ** (ВВЕРХУ) **В СЕВАСТОПОЛЕ ДОМА**. РОССИЙСКИЕ — **ЛИШЬ В ГОСТЯХ**

Впрочем, и в том, что касается флота, Россия — вопреки всенародному мнению — скорее выиграла, чем проиграла.

Что почем?

До сих пор весь Черноморский флот финансировался Россией, но оставался непонятно чьим — и по этой причине ничего делать с ним было нельзя. Теперь ситуация в корне изменилась. Что же Россия потеряла, а что приобрела?

Украинский государственный долг России сегодня равен 3 миллиардам долларов. Значительная часть этой суммы теперь будет списана. Во-первых, из той половины кораблей ЧФ, которые отошли при разделе флота Украине, две трети вновь станут российскими — в обмен на аннулирование 526 млн. долларов долга. Во-вторых, около 98 млн. долларов в год будет списываться с украинской задолженности как арендная плата за военно-морскую базу в Севастополе. В-третьих, еще 200 млн. долларов будет зачтено Украине за вывезенное в Россию тактическое ядерное оружие. Это госдолг. Плюс к тому Газпром реструктурировал (то есть попросту отложил сроки выплат) 1,4 млрд. долларов украинской задолженности на 12 лет.

Россия расщедрилась? «Совершенно ясно, что эти миллиарды Украина бы и не вернула», — считает первый замминистра иностранных дел России Борис Пастухов. Теперь, когда долг уменьшен до обозримых цифр, Россия может рассчитывать получить хоть что-то (тем более что задолженность Украины за энергоносители все равно ежедневно возрастает).

К тому же, купив Севастополь на 20 лет за фактически несуществующие деньги, Москва может заработать вполне реальные. Инфраструктура флота — это, кроме всего прочего, два важнейших объекта: система контроля движения кораблей и база горюче-смазочных материалов (где может храниться не только флотское, но и вполне коммерческое горючее). Чьи они теперь? Официального ответа пока получить не удалось. Но Борис Пастухов, вернувшись из Киева, заявил буквально следующее: «Вся инфраструктура Севастополя — на 20 лет наша...»

Любовь не купишь

Впрочем, повторим: заключая сделку по флоту, Москва в первую очередь стремилась не к сиюминутной выгоде, а к стратегическому прорыву.

Но «любовь не купишь», пели Beatles еще тридцать лет назад. Проблемы в отношениях Москвы с Киевом далеко не решены. Президент Леонид Кучма ясно дал это понять, отправившись ровно в день визита Ельцина в Париж (и накануне его поездки в Киев) в Таллин на встречу с президентами Польши, Эстонии, Латвии и Литвы. В отличие от этих стран Украине вступление в НАТО не светит ни в первую, ни во вторую очередь: не в том страна состоянии. Смысл знака, поданного Кучмой: несмотря на долгожданный российско-украинский компромисс, Киев не намерен отказываться от нынешней политической линии. Россия — не единственный донор Украины: курс «стратегического противовеса» до сих пор обеспечивал Киеву устойчивое поступление американской помощи.

Так что, если одумавшаяся Москва теперь и вправду попытается поймать Киев за хвост, ей придется побегать. ■

Новый курс старой крыши

ЕЩЕ НЕ ЯСНО БЫЛО, как ЭТО будет называться — то ли СПРС («Союз прогрессивных реформаторских сил»), то ли СПСР («Союз прогрессивных сил России»), то ли ОПРС («Объединение прогрессивных и реформаторских сил»), — а лидер «Всероссийского союза народных домов» (ВСНД) Сергей Филатов уже «дал согласие» на вступление в новое нечто.

Попытки объединить демократические силы предпринимаются давно, но ни одна из них не увенчалась успехом. Даже накануне выборов (парламентских и президентских), когда угроза возвращения к власти коммунистов была более чем реальной, демократы не смогли справиться с собственными амбициями и разногласиями. Месяц назад, на съезде движения «Наш дом — Россия», лидер движения «Реформы — новый курс» (РНК) Владимир Шумейко вновь заявил о необходимости создания правоцентристской коалиции, способной противостоять «кликушам в декоративных лаптях» из коммуно-патриотического лагеря и «ультрадемократам» последнего правительственного призыва.

Позднее Владимир Филиппович объявил, что черномырдинский НДР и его РНК готовы стать костяком новообразования, основной задачей которого будет «выдвижение, поддержка и победа единых кандидатов в новый состав Госдумы и единого кандидата на президентских выборах».

Бывший же секретарь Политбюро ЦК КПСС Егор Лигачев убежден, что объединение создается «исключительно в противовес коммунистической и народно-патриотической оппозиции». «Демократам не стоит надеяться на то, что у них получится сильный и жизнеспособный блок, так как серьезные вещи на скорую руку не делаются», — предрек старый функционер.

Насчет жизнеспособности Егор Кузьмич, пожалуй, прав. Ни «Демвыбор» Гайдара, ни «Яблоко» Явлинского не изъявили желания шагать «новым курсом» под крышу «нашего дома».

Так что СПРС — СПСР — ОПРС остается надеяться лишь на рекрутский набор политических лилипутов вроде «народных домов» Филатова. А Сергею Александровичу просто некуда деваться — возможно, это последний шанс избавиться от роли ильфо-петровской «ничьей бабушки», сидящей на политических антресолях.

Дмитрий Хитаров

Охота на учительницу

ВЕЧЕРОМ 26 МАЯ председатель московского Комитета образования Любовь Кезина возвращалась с работы домой на служебной «Волге». На Рублевском шоссе с «Волгой» поравнялись «Жигули», сидевший в них неизвестный дважды выстрелил в Кезину из охотничьего ружья и ранил ее в голову. Шофер повез чиновницу в ближайшее отделение милиции, откуда на «скорой помощи» она была доставлена в 1-ю Градскую больницу. Злоумышленники, как водится, пойманы не были.

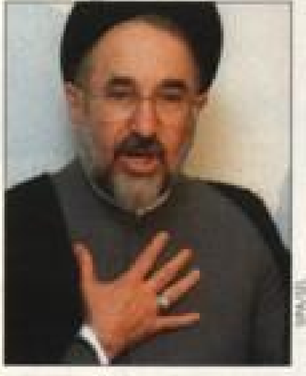
«Главная учительница Москвы» с 1987 года, Любовь Кезина начинала преподавателем начальных классов в средней школе. Потом работала секретарем исполкома, вторым секретарем Первомайского райкома КПСС. Во вверенном ей хозяйстве (городские детсады, школы, техникумы и так далее) Кезина обладает огромной властью. В правительстве Москвы и Министерстве образования РФ ее имя произносят с почтением, в московском Комитете образования — со страхом.

Вполне возможно, что злоумышленники не хотели убивать пожилую женщину, а намеревались лишь вывести ее из строя на длительный срок. Версий у следствия более чем достаточно — Кезина могла перейти дорогу очень многим. Так, она запретила директорам школ сдавать помещения коммерческим структурам, выступила с инициативой передачи ведомственных детсадов в подчинение своему комитету. Покушение совпало с концом учебного года, когда распределяются бюджетные деньги на издание школьных учебников и раздаются подряды на ремонт школьных зданий. Не исключено, что причины более прозаичны: Кезина отказала в лицензии директору какой-нибудь частной школы — тот вытащил из сундука берданку и поехал мстить.

Покушение на образовательного чиновника столь высокого ранга совершается впервые. Тем не менее особого удивления оно не вызывает. С одной стороны, немалые средства, поступающие из бюджета и из карманов богатых учеников, а с другой — мизерные зарплаты чиновников давно уже превратили российскую систему образования в благодатное поле для коррупционеров всех мастей. А киллеры, как правило, возникают там, где замешаны большие деньги и безграничная власть.

Евгений Скворцов

Сенсационный избранник

САМАЯ БОЛЬШАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ сенсация в Иране со времен свержения шаха Мохаммада Реза Пехлеви в 1979 году — так многие мировые информационные агентства расценили победу на президентских выборах в Иране экс-министра культуры и исламской ориентации Мохаммада Хатеми. Возможно, подчеркивая сенсационность этой победы, обозреватели пытаются загладить неловкость от того, что их прогнозы не сбылись: почти все предрекали победу другому кандидату — фавориту правящего режима спикеру иранского парламента Али Акбару Натек-Нури. Однако вопреки всем прогнозам Хатеми набрал 69 процентов голосов почти тридцати миллионов иранских избирателей.

От Хатеми ждут многого. Он имеет репутацию либерала, при котором Иран сможет вырваться из политической изоляции и улучшить отношения со странами Запада, прежде всего с США. Отношения между двумя странами остаются натянутыми после того, как в 1979 году исламисты захватили американское посольство в Тегеране и более года держали в заложниках его сотрудников. Иранская интеллигенция связывает с новым президентом и надежды на бóльшую политическую свободу. Эти ожидания и обусловили огромный интерес к первой пресс-конференции Хатеми по итогам выборов. Во многих странах мира ее смотрели в прямом эфире.

Однако второй сенсации не произошло. Новый иранский президент не сказал ничего такого, что сильно отличалось бы от заявлений его предшественника — президента Рафсанджани. Хатеми сказал, что диалог с Вашингтоном невозможен, «пока тот не прекратит проводить антииранскую политику», что новый иранский кабинет по-прежнему не намерен устанавливать контакты с «сионистским режимом Израиля» и будет твердо продолжать дело исламской революции.

Впрочем, вряд ли от новоизбранного президента можно было ожидать призывов к радикальным переменам уже через несколько часов после победы. В конце концов заявление, которое хоть с натяжкой, но можно назвать сенсационным, Хатеми сделал. Он сообщил, что, возможно, в самое ближайшее время в иранское правительство войдет женщина, поскольку конституция страны гарантирует равные политические права для обоих полов.

Очевидно, новых сенсаций придется подождать хотя бы до августа, когда Хатеми официально займет свой пост.

Евгений Пахомов

Директор республики

Судя по всему, с подписания договора о дружбе с Россией президент Леонид Кучма начинает свою новую президентскую кампанию

Александр Милкус

В 1994 ГОДУ, ПОСЛЕ ПОБЕДЫ ЛЕОНИДА КУЧМЫ на президентских выборах, одесские кавээновские джентльмены пошутили: «Раньше наш президент выглядел хорошо, а страна – плохо. Теперь и президент, и страна выглядят одинаково».

Восхождение на самую вершину украинской политической пирамиды простоватого мужичка с носом-туфелькой и безмятежным взглядом васильковых глаз – не слишком яркого политика и не очень выдающегося экономиста – можно объяснить лишь сумбурной логикой переходного времени. Сельский парень, выбившийся в инженеры, а потом и в директора, оказался нужной картой в политическом пасьянсе, который с самого начала раскладывал не он.

В прежние советские времена потолком карьеры Кучмы стало бы место директора КБ или завода средней руки, где он трудился над добросовестным выполнением указаний вышестоящего начальства. И, собственно, до начала перестройки все так и шло. Генеральным директором днепропетровского ПО «Южный машиностроительный завод» (производившего знаменитые ракеты SS-20) Кучма был назначен в 1986-м, когда наверх стали пробиваться хозяйственники «горбачевского призыва» – те, кто не прошел цековских или, на худой конец, обкомовских университетов неизбежных для руководителей такого уровня. Само собой, в нелояльности к режиму Леонид Данилович тоже замечен не был: по ходу предвыборной кампании 1994 года украинская пресса много писала о том, что Кучме довелось поработать и на посту секретаря парткома «Южмаша». Левому электорату это наверняка пришлось по душе. Однако в теперешней биографии президента Украины этот факт, надо сказать, упущен.

Впрочем, не место красит человека. И напоминать факты трудовой биографии президента 50-миллионной страны имеет смысл лишь для того, чтобы попытаться понять закономерности его судьбы и поступков. Внезапный его взлет по служебной лестнице пришелся уже на новые времена: в октябре 1992-го Кучма стал премьер-министром Украины.

Этот прорыв директора от ВПК, которому по прежней табели о рангах полагалось быть, максимум, депутатом республиканского Верховного совета, в большую политику состоялся при самом активном участии его нового покровителя и будущего соперника на выборах – Леонида Макаровича Кравчука. Выводя страну в самостоятельное плавание, первый президент республики уверенно дистанцировался от Кремля, от России и потому заложил штурвал вправо – в сторону самостийствующей Западной Украины. Политически это было понятно. Не рассчитывать же в деле «обустройства независимости» на столь близкий к России украинский Восток, который никак не может привыкнуть то к новой валюте – «кравчучкам», то к исчезновению «Маяка» из эфира, то к таможням на границе с соседней страной? Или на Крым, где сами слова «незалежність» и «самостійність» требуют еще долгого и обстоятельного перевода? Другое дело, что и в опоре только на правобережье Днепра для президента Кравчука был немалый риск – нажить себе опасных врагов в промышленно развитых, а потому и политически влиятельных районах Юга и Востока страны.

Три источника и три составные части украинского электората

Нынешняя Украина исторически скроена из трех разномастных регионов. Один – сельскохозяйственный Запад: тут особый этнический состав населения, язык и культура крепко связаны с историей Галиции в составе бывшей Австро-Венгерской империи, затем Польши. Западная, или правобережная, Украина вошла в состав СССР лишь в 1939 году, среди населения господствует греко-католическое вероисповедание, что стало итогом многовековой экспансии Ватикана на Восток. Другой регион – русскоязычные Восток и Юг, исповедующие православие. Историческое самосознание здешнего населения связано с 300-летней историей пребывания Украины в составе Российского государства. Третий – Крым, пока что настроенный пророссийски, но постепенно, хотя и незаметно, меняющийся под влиянием все более активных крымских татар. По сути, вся семилетняя история «обустройства» новой украинской государственности состоит из попыток «сшить» эти три лоскута.

Чем более первый «закройщик» – президент Кравчук – склонялся к западноукраинским фасонам, тем важнее было ему внести в отделку платья восточные и крымские мотивы. Короче, требовалась фигура, способная представлять в высших эшелонах власти левобережье Днепра.

Державшийся в тени депутат ВС Украины Кучма на эту роль подходил идеально. Приученный к субординации, как и положено номенклатуре ВПК. Директор крупного завода, значит, вроде бы сведущий в экономике человек. И говорит только по-русски. К тому же в Крыму у него – влиятельный родственник Анатолий Франчук (и правда, впоследствии ставший крымским премьером). Было ясно, что про такого донецкие угольщики, запорожские сталевары, днепропетровские и харьковские оборонщики хором скажут: «Ну, этот наш!»

Появление Кучмы в премьерском кресле было вдобавок преподнесено как знамение времени: он пришел «на реформы», которые в России уже начал Гайдар. Именно для «реформ» и выпрашивал себе Леонид Данилович у тогдашнего украинского ВС такие суперполномочия, которыми не мог похвастать ни один украинский премьер – ни до, ни после него. Чего стоит, например, одно только право принимать кардинальные экономические решения без согласования их с парламентом.

Однако почти за год премьерства Кучмы «прорыва к рынку» так и не произошло. Уже через пару месяцев инфляция в стране подскочила в три раза. Рванули ввысь цены на энергоносители. Стали останавливаться заводы. А он все метался по ковровой дорожке между президентом и Верховным советом, пока не только лимит суперполномочий, но и лимит доверия не оказался полностью исчерпан.

Хитрый Кравчук все рассчитал правильно: Кучма никогда не решится на серьезные перемены. Какой рыночник из человека, который всю жизнь был уверен, что экономика – это и есть «госзаказ»? К тому же очень удобно ответственность за неизбежное ухудшение положения в стране спихнуть на уже «отыгранную» фигуру.

Тогда никто не мог себе представить, что эта самая фигура уже через год переиграет самого Кравчука.

Знамена Кучмы развевал восточный ветер

Залогом будущего политического реванша Кучмы стал уход в сентябре 1993-го с премьерского поста, обставленный со слезой, почти по-рыжковски: «Я так много хотел сделать...»

Спущенных с лестницы руководителей на Украине, как и в России, всегда жалели. Но если бы не его бывший пресс-секретарь Дмитрий Табачник (прозванный в журналистских кругах Профессором), сам Кучма, возможно, не задумал бы использовать этот эмоциональный козырь для штурма политических высот. После отставки с поста премьера он руководил Союзом промышленников и предпринимателей Украины, совершенствовал сборку троллейбусов в бывших ракетных цехах на родном «Южмаше». Однако с ним был Табачник, предложивший «отыгранному премьеру» в 1994-м году стартовую программу для предстоящей президентской кампании. Расчет был именно на электорат Востока и Крыма: избиратели этих регионов явно «объелись» навязчивой кравчуковской украинизации и интриг вокруг автономии полуострова на фоне постоянно растущей безработицы. Самый популярный плакат того времени – Кучма в свитере и внизу подпись: «Я наведу порядок».

В отличие от Кравчука, перехитрившего самого себя, Леонид Данилович оказался для избирателя простым и понятным. И труд в поле знает, и в общежитиях тараканов кормил, и песни под гитару поет, и жену без надобности в «телевизор» не запихивает. К тому же, на фоне финансово-криминальных скандалов, в которых по уши увязла тогдашняя киевская элита, «хотевший много сделать» провинциал с русской речью и внешностью выглядел чище предметного стекла под микроскопом.

Поддержку Востока ему окончательно гарантировало обещание первым указом придать русскому языку статус официального. Под его обещания, как писала потом «Комсомольская правда», большую часть денег на кучмовскую предвыборную кампанию переправили из России.

РОДИЛСЯ В ДЕРЕВНЕ ЧАЙКИНО НА ЧЕРНИГОВЩИНЕ
9 АВГУСТА 1938 ГОДА.
ОТЕЦ ПОГИБ НА ФРОНТЕ.
МАТЬ ВСЮ ЖИЗНЬ ПРОРАБОТАЛА В КОЛХОЗЕ, СТАРШИЕ БРАТ И СЕСТРА – НА ШАХТАХ
В 1955 ГОДУ ПОСТУПИЛ В ДНЕПРОПЕТРОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
С 1960 ГОДА РАБОТАЛ В КОНСТРУКТОРСКОМ БЮРО «ЮЖНЫЙ»
В 1966 ГОДУ СТАЛ ТЕХНИЧЕСКИМ РУКОВОДИТЕЛЕМ ИСПЫТАНИЙ НА КОСМОДРОМЕ БАЙКОНУР
С 1982 ГОДА – ПЕРВЫЙ ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЕНЕРАЛЬНОГО КОНСТРУКТОРА,
А **С 1986-ГО** – ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР ПО «ЮЖНЫЙ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ЗАВОД»
С ОКТЯБРЯ 1992 ГОДА ПО **СЕНТЯБРЬ 1993** ГОДА – ПРЕМЬЕР-МИНИСТР УКРАИНЫ

В ДЕКАБРЕ 1993 ГОДА ИЗБРАН ПРЕЗИДЕНТОМ УКРАИНСКОГО СОЮЗА ПРОМЫШЛЕННИКОВ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ
10 ИЮЛЯ 1994 ГОДА ИЗБРАН ПРЕЗИДЕНТОМ УКРАИНЫ

Уроки суржика

Первый нокаут избиратели Кучмы получили уже в день инаугурации, когда Леонид Данилович на плохом украинском, который здесь называют «суржиком», огласил свой первый указ «О борьбе с коррупцией» – дежурный указ всех новых правителей, начинающих с чисток оставшихся на постах чужих людей.

Стало понятно: указ о статусе русского языка первым уже не будет. Его не будет вообще. Депутат Леонид Гармаш даже подал в днепропетровский суд иск в связи с невыполнением новым президентом своего «языкового обещания».

Впрочем, вряд ли Кучма собирался его выполнять: переиграв Кравчука лишь на несколько процентов, новый президент не мог себе позволить на следующий же день бросить вызов трети избирателей страны. За ним были Восток, Юг и Крым – но не Запад. Любое неосторожное слово могло схлестнуть противостоящие части страны, а властных рычагов для того, чтобы держать ситуацию под контролем, у Кучмы не было: на ключевых силовых постах еще сидели люди прежнего президента, хотя и склонившие головы перед новым.

По тому, как настойчиво на первой президентской пресс-конференции даже на вопросы, заданные по-русски, Кучма отвечал «Треба помиркувать» («Надо подумать»), стало ясно: украинское государство будут «шить» по прежним фасонам, пришивая восточный лоскут к западному. Правда, по каким именно лекалам – понять было трудно: уж слишком лаконично отвечал президент. Может, потому, что его запас украинских слов ограничивался несколькими фразами на суржике.

Парадокс, но сейчас, три года спустя, несмотря на экономический развал, полумертвые реформы и непрекращающуюся политическую грызню, Киеву удалось фундаментально отстроить украинскую государственность. Мононациональные страны в таких случаях энергично, будто сливки для торта, взбивают в обществе национально-патриотическую идею.

На Украине с ее 12 миллионами русских, с татарами, болгарами, гагаузами, армянами, евреями, с восточными украинцами, более близкими русским, чем своим же правобережным соотечественникам, такое бы не прошло. Национальное самосознание сограждан при недавнем «красном директоре» укреплялось по-другому – все увереннее раскручивая образ нового врага, новой опасности. Теперь – исходящей от России. И, надо сказать, московские политики, не привыкшие к тому, что Украина не слушает кремлевские окрики, изрядно Киеву в этом помогали.

Сам Кучма при этом, в отличие от своего предшественника, не шел на показательную конфронтацию с Кремлем. А национальное телевидение и газеты регулярно предлагали доходчивые объяснения. В квартирах холодно? Это Россия специально отключила газ, чтобы нас заморозить. Цены растут? Это Россия завышает тарифы на энергоносители. А на встречах в рамках СНГ украинские официальные лица каждый раз подчеркивали особую позицию Киева практически по любому вопросу.

Тем временем в национальной гвардии (бывшие полки советских внутренних войск) на ключевых постах расставляли выходцев из Западной Украины. Офицерам, принявшим украинскую присягу, на аттестации задавали вопрос: «Готовы ли вы воевать с Россией?» Когда же в 94-м Кремль пустил кровь Чечне, в Верховном совете Украины радовались: «А вот наши мальчики не гибнут под траками собственных танков...»

С завидной настойчивостью началось искоренение еще недавно родного для Кучмы русского языка из деловой сферы, системы образования, средств массовой информации. С государственного телевидения, из газет выдавливали сотрудников, которых можно заподозрить в пророссийских симпатиях. А несколько недель назад и сам Леонид Данилович озаботился: «Почему это после обретения Украиной независимости в стране стало так много русскоязычных газет?»

Интересно, что после отключения на Украине канала ОРТ, одной из немногих программ, удержавшихся в украинском эфире, оказалась программа «Время». И не потому, что киевские чиновники вдруг озаботились

ЗАВИДОВО. 1993-Й. ПРЕМЬЕР ЛЕОНИД КУЧМА ПОКА ДЕРЖИТСЯ НА ВТОРОМ ПЛАНЕ.
УЖЕ НА СЛЕДУЮЩИЙ ГОД ГОВОРИТЬ С МОСКВОЙ ОТ ИМЕНИ УКРАИНЫ БУДЕТ ОН

сохранением хотя бы части некогда единого информационного пространства. Просто на фоне благостных новостей украинского телевидения, в которых рассказывают о мудром президенте и трудолюбивом правительстве, более убедительной антироссийской пропаганды, чем постоянный рассказ о кремлевских разборках и чеченских терактах, не найти.

Без громких заявлений и националистической риторики, Леонид Данилович все сильнее сдвигался вправо – к национал-патриотам. Из его окружения исчез даже прагматичный Табачник, после выборов получивший должность главы президентской администрации. Кульминацией эволюции стала история с принятием новой украинской Конституции. Тогда Кучма просто запер на ночь депутатов в зале заседаний Верховой Рады и не выпускал их, пока они не проголосовали по всем статьям Основного закона.

Недавно стало известно, что готовится новый закон о языках, по которому русский станет одним из языков «национальных меньшинств».

Если бы директором был не он...

При всей схожести менталитета российского и украинского чиновничества политическая ситуация в Киеве и Москве сегодня даже внешне не совпадает. Российский президент пытается пробивать реформы, в России существует свобода прессы. А в оппонентах Ельцину – националисты в обнимку с коммунистами. Украинский президент, напротив, опирается на право-националистический блок, именующий себя реформаторским и демократическим, тогда как газеты и телевидение под строгим контролем властей. А в оппозиции – коммунисты и социалисты, тоже противящиеся союзу с ельцинской Россией и ратующие за свое национал-большевистское государство.

За семь лет после объявления суверенитета, президенты Леонид I и Леонид II добились главного: не только основные партии, но и большинство граждан осознали, что нынешним жителям Украины придется жить по паспортам и законам новой страны. Возврата к единому с Россией государству не будет, интегрироваться Москва может лишь с лукашенковской Белоруссией.

На грядущих в будущем году на Украине выборах соискатели президентского кресла уже могут не опасаться пророссийского ропота на Востоке. Какие возмущения из-за отсутствия российского телевидения, если электричество вечером все равно отключают? Какой русский язык, если пенсий не хватает даже на питание и квартплату? Депутат Верховной Рады Григорий Рычагов рассказывает, что сегодня писем с Востока и из Крыма, возмущенных антироссийской пропагандой, практически нет. Зато сотнями приносят послания из Ивано-Франковска и Тернополя, авторы которых вообще требуют изгнать из страны российскую прессу.

Но, добившись таких успехов в обустройстве украинской государственности, Леонид Кучма тем самым поставил под вопрос и свои шансы на переизбрание. Политическая судьба Кравчука может повториться: пришедший с Востока и ушедший затем в дрейф на Запад, украинский президент в конце концов оказывается «ничейным». Три года назад Кучма чувствовал за собой поддержку фактически единых Востока, Юга и Крыма, теперь же их интересы размыты борьбой за собственное региональное выживание. При этом на Западной Украине «своим» Леонид Данилович тоже не стал – там хватает претендентов, от Вячеслава Черновила до Олега Витовича. Возможно, у «директора незалежной державы» еще была бы надежда на что-то претендовать, если бы он мог похвастать экономическими успехами Украины.

Но увы... Объем промышленного производства в этом году упал на 10 процентов по сравнению даже с очень плохим прошлым годом. Крупных инвестиций нет – приватизированы в основном мелкие и средние предприятия. Курс гривны стабилизировать удалось, но долгов у украинского правительства перед своими бюджетниками не меньше, чем у российского. Просто те зарплаты, которые не выплачивают на Украине существенно меньше, чем те, которые не платят в России. Осуществлена, правда, жилищно-коммунальная реформа, к которой в России лишь приступают – население должно оплачивать из своего кармана от 80 до 100 процентов стоимости коммунальных услуг. Правда, люди не платят – нечем.

За строительство ударными темпами украинской государственности и за издержки реформ пока расплачиваются западными кредитами. Американский президент продолжает называть Леонида Кучму реформатором, а благодарный Киев выпрашивает все новые кредиты, закупает на них за океаном комбайны, маневрирует с НАТО на Черном море и просит (устами своего секретаря Совета безопасности) Соединенные Штаты включиться в борьбу с украинской коррупцией и преступностью.

Вряд ли стоит ожидать существенных сдвигов и в украино-российских отношениях даже после визита Бориса Ельцина. Даже после договора по флоту запротоколированной президентами дружбе предстоят дальнейшие испытания. Москва вряд ли откажется от «таможенной» войны, ограничивающей ввоз в страну дешевого украинского продовольствия, водки и вина. А в Киеве еще накануне визита принялись напоминать, что граница между братскими республиками до сих пор юридически не оформлена...

Что бы президенты ни подписали, состояние российско-украинских отношений сейчас таково, что дружба между ними может быть только декларативной. Это, впрочем, устраивает обе стороны. Ельцину нужно показать, что он в состоянии «уломать» несговорчивый Киев в преддверии расширения НАТО, Кучме же – продемонстрировать, что ему удалось добиться визита, который откладывался несчетное количество раз.

Впрочем, если бы «директором республики» был не Кучма, итоги российско-украинских отношений к исходу второго президентского срока на Украине вряд ли были бы принципиально иными. Самый строптивый член СНГ готов ныне стать самым прилежным учеником в НАТО. Возможно, однако, что этот «козырь» будет разыгрывать уже следующий украинский президент.

Афганские скачки

Ставки на них делают от Пекина до Вашингтона

Евгений Пахомов

БОЛЬШИЕ МАНЕВРЫ

Советские войска в Афганистане проиграли. Но вопрос о победителе надолго остался открытым. В Афганистане одни лидеры сменяют других, число проигравших все множится, а победителя нет и по сей день.

Калейдоскопически меняющаяся мозаика из военных лидеров, то объединяющихся, то предающих друг друга, и городов, переходящих из рук в руки, сложилась в последнюю неделю в картину странных скачек наперегонки вблизи Гиндукуша. Выбывший из гонки либо гибнет, либо бежит из страны. Генерал Дустум, комдив Абдул Малик, Ахмад Шах Масуд... Имена афганских лидеров все сложнее связывать с происходящим, гонка продолжается невзирая на отсутствие любого из них.

Старые игры на новый лад

За ходом кровавого гандикапа тем не менее внимательно следят другие страны, некоторые из которых давно уже сделали свои ставки. Большая игра началась еще в прошлом веке, когда за влияние на Среднем Востоке боролись две великие империи – Российская и Британская. Игра не прекращалась и позже. Распад СССР и конец холодной войны видоизменили линии раздела влияния, что, как выясняется, лишь сделало игру более азартной...

Ближайшим покровителем движения «Талибан» считается Пакистан. Это на его территории муллы и военные инструкторы воспитали армию радикальных студентов-богословов, которые теперь контролируют большую часть Афганистана. Правилам игры их учили эксперты из Исламабада. Правда, как утверждают сами пакистанцы, на деньги США и Саудовской Аравии. Но, как бы то ни было, нестабильный Афганистан был серьезной «головной болью» всех правительств, сменявших друг друга в Пакистане.

Афгано-пакистанская граница – детище той самой большой игры, которую в прошлом веке начали на Среднем Востоке колониальные империи. По сути дела – это линия прекращения огня, на которой тогда остановились рвущиеся со стороны Индии на северо-восток британские войска. Лихие солдаты из Колониального корпуса Ее Величества увязли в населенных воинственными кочевниками песках и ущельях Афганистана, столкнувшись с теми же проблемами, с какими спустя десятилетия не справились советские части. Эта линия «по живому» разрезала племена белуджей и пуштунов, оказавшихся в разных странах.

Вечно воюющий Афганистан был слишком неприятным соседом для Пакистана, видевшего в нем постоянный источник нестабильности и угрозу регионального сепаратизма. Постепенно Исламабад нащупал решение проблемы: если разрозненный, этнически пестрый Афганистан нельзя объединить под властью какого-то одного национального лидера, то его объединит власть идеологии. В свое время этнически пестрый Пакистан обрел государственность, выделившись из Британской Индии на основе концепции единой мусульманской нации. Афганистану тоже требуется сила, которая сможет, наконец, привить этим кочевникам объединительную идеологию, – чем радикальнее, тем эффективнее.

Проблема, правда, в том, что талибы – преимущественно пуштуны – увы, тоже не всегда готовы стать выше национальных пристрастий: в непуштунских районах вооруженные студенты-богословы ведут себя куда жестче, чем в пуштунских. Это иногда оборачивается восстаниями против борцов за чис-

ДОСЬЕ

Хроника «мирного периода»

1991 год – президент Демократической Республики Афганистан Наджибулла борется с отрядами вооруженной оппозиции – моджахедами. В числе его военачальников – генерал Рашид Дустум. Среди противников Наджибуллы – Бурхануддин Раббани, Ахмад Шах Масуд, Гульбеддин Хекматиар, ряд других лидеров.

1992 год – Дустум перестает поддерживать Наджибуллу, его режим рушится. На карте мира появляется Исламское государство Афганистан. Раббани становится президентом.

1993 год – Хекматиар сталкивается в борьбе за власть с Раббани и Масудом. Узбек по национальности, Дустум уходит на север страны, где берет под контроль провинции, населенные в основном узбеками. Вскоре Хекматиар разворачивает боевые действия и против Дустума.

1994 год – Хекматиар заключает союз с Дустумом, и вместе они наступают на Кабул, где обороняются войска Раббани и Масуда. Одновременно Дустум атакует части Масуда в провинции Баглан.

1995 год – на сцене появляются никому до того не известные талибы. Дустум активно помогает талибам и пытается использовать их в борьбе с политическими противниками.

В ходе дальнейшего натиска талибы в сентябре **1996** года захватывают Кабул. И тогда Дустум, Масуд и Раббани объединяются против них.

ОСКОЛКИ АНТИТАЛИБСКОЙ КОАЛИЦИИ: ДВАЖДЫ МЯТЕЖНИК **КОМДИВ МАЛИК** (СЛЕВА ВВЕРХУ); БЕГЛЫЙ **ГЛАВКОМ ДУСТУМ** НА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ В ТУРЦИИ (СЛЕВА ВНИЗУ) И **«ПАНДЖШЕРСКИЙ ЛЕВ» МАСУД**

тую веру, и талибам приходится оставлять вроде бы уже завоеванные позиции. Но в Исламабаде, как видно, рассчитывают, что рано или поздно студенты, апеллируя к авторитету не какого-то местного вождя или военного лидера, а Пророка, наведут порядок в охваченной хаосом стране.

Успех движения «Талибан» может превратить Пакистан в игрока, с которым должны будут считаться все влиятельные участники региональной Большой игры. Он может заставить соседний Китай, в Синцзянь-Уйгурском автономном округе которого живут мусульмане, по-иному, куда с большим уважением, посмотреть на Исламабад. И близлежащая Индия не должна забывать о том, что в ее северном штате Джамму и Кашмир давно действуют сепаратистские мусульманские группировки, в помощи которым Дели постоянно обвиняет Пакистан. И Дели, и Пекин, да и Теран внимательно следят за развитием событий вокруг далекого Гиндукуша.

Газовая атака

Распад СССР увеличил число игроков. Бывшие советские республики, а теперь независимые государства, тоже стали интересоваться ходом событий близ Гиндукуша. В Средней Азии давно идет своя игра, однако ее ход в немалой степени зависит от того, кто придет первым в афганских скачках.

Ставкой в среднеазиатской игре стали газ и нефть. Огромные запасы газа в Туркмении привлекают компании, занимающиеся транспортировкой энергоносителей, со всего мира, в том числе и из США. Здешний газ даже заставил Вашингтон пересмотреть свое отношение к режиму в Ашхабаде. Если два-три года назад Белый дом был склонен относиться к Туркмении как к стране из разряда париев: культ Туркменбаши, отсутствие реальных политических свобод и т.п., то теперь в Вашингтоне предпочитают видеть в пожизненном президенте Ниязове скорее партнера. С туркменским газом связаны несколько масштабных проектов трубопроводов, участие в которых намерен принять и Узбекистан. Согласно данным американского журнала Far Eastern Economic Review, США намерены инвестировать в 60 таджикских и узбекских предприятий, прежде всего нефтегазовой отрасли, три миллиарда долларов еще до конца этого года.

Правда, Средняя Азия — зона традиционного влияния России, которое подкрепляется монополией на транспортировку нефти и газа: все существующие трубопроводные ветки контролирует Москва. Эта монополия весьма раздражает Ашхабад и Ташкент, стремящихся к большей самостоятельности, да и США, которые все активнее проникают в регион.

Еще в 1994 году близ Ашхабада состоялась помпезная церемония «торжественной смычки» двух первых труб газопровода «Туркменистан — Иран — Турция — Европа». Однако Вашингтон — давнишний политический противник Тегерана — довольно резко выступил против «иранского пути» транспортировки газа. И тут появился проект трубопровода через Афганистан на Пакистан.

Однако строить газопроводную ветку в Афганистане, где все постоянно друг с другом воюют, а каждый региональный лидер считает своей собственностью все, что оказывается на подконтрольной ему территории, никто не торопился. Нефтегазовые компании тоже заинтересованы в стабильном Афганистане, и талибы получили еще одного союзника. «Знамя «Талибана» несут крупные трубопроводные компании, которые борются за влияние в этом регионе — ключевом для транспортировки энергоносителей в этой части мира», — отмечает Far Eastern Economic Review.

Пока одни страны СНГ лихорадочно гадают, продолжат ли талибы свое наступление на их территории, и приводят в боеготовность свои части, другие пытаются с ними договориться. Ведь и с радикальными муллами можно найти общий язык, об этом свидетельствует хотя бы то, что давно вышедшие на границу с Туркменией войска «Талибан», достаточно быстро установили с Туркменбаши доверительные отношения: Ашхабад поставил на талибов в афганских скачках.

Кто придет первым?

На талибов поставил и Вашингтон. Причем не только из-за газа. Белый дом давно жаждал реванша в этом регионе. После ухода советских войск Афганистан не стал спокойнее, гражданская война продолжилась, страна превратилась в крупного поставщика террористов для радикальных исламских движений во всем мире, афганские наркотики завалили Европу. А лидеры моджахедов, одним из основных спонсоров которых был Вашингтон, перегрызлись между собой, начав новый тур кровавой скачки по территории своей страны. «Кого вы там поддерживали на наши деньги?!» — возмущались налогоплательщики.

Ставка на талибов должна не только спасти реноме афганской политики США. Как видно, Вашингтон намерен сам сыграть на поле, где когда-то соревновались Россия и Британия. Конец холодной войны подвел черту под представлениями о сферах влияния, оставшимися от эпохи колониальных империй.

Россия, старательно борющаяся за свое влияние в регионе, в афганском противостоянии старалась поддерживать антиталибскую коалицию — Дустума, а с ним и Раббани с Масудом. Вашингтон считает, что все они уже сходят с дистанции, он сделал ставку на нового участника.

По мнению Белого дома, вовсе не стоит терять своих солдат ради завоевания малоплодородных песков вокруг Гиндукуша. Нужно правильно сделать выбор, и за твои интересы будут воевать другие. Пусть даже те, кто не слишком тебя любит, — главное, чтобы уважал. Все дело в том, на какую лошадку поставить. ■

Весенняя кампания

УЗБЕКИСТАН
ТАДЖИКИСТАН
ТУРКМЕНИЯ
Мазари-Шариф
перевал Саланг
Кабул
АФГАНИСТАН
ИРАН
ПАКИСТАН
РАЙОНЫ НЕДАВНИХ БОЕВ
ПЕРСПЕКТИВНЫЙ ПРОЕКТ НЕФТЕПРОВОДА
ПРОЕКТ ГАЗОПРОВОДА

АРТИЛЛЕРИСТЫ! ДАЛ МУЛЛА ПРИКАЗ...

ПРАВИЛА ИГРЫ

Афганистан после сдачи Ферзя

Последние событыя в Афганистане завораживают не хуже кинобоевика. Интриги и подкуп, мятежи и контрмятежи, штурмы и отступления...

Но если приглядеться, то за всем этим можно увидеть агонию прежнего Афганистана. Афганистана племенного, лоскутного, разделенного между этническими группами и их вождями. Афганистана, воюющего с самим собой.

Агония началась в конце мая, с мятежа 11-й дивизии армии генерала Абдул Рашида по прозвищу Дустум (Друг), контролировавшего северные провинции страны. Генерал Абдул Малик решил не воевать больше на стороне своего главнокомандующего и фактически открыл фронт. За деньги — убеждены здесь — и обещание (впоследствии невыполненное) сохранить его власть над подконтрольной ему провинцией Фарьяб Абдул Малик впустил талибов в ее центр — город Меймене. А отсюда открывается прямой и практически не защищенный естественными преградами путь на столицу Дустума город Мазари-Шариф. Туда талибы и направились.

Попытки Дустума наладить сопротивление успехом не увенчались: его оборона рухнула. Это на первый взгляд загадка — ведь небольшому экспедиционному корпусу талибов противостояла самая крупная и хорошо вооруженная армия в Афганистане численностью около 50 тысяч человек с несколькими танковыми дивизиями (называют цифру в 400 танков), двумя авиаполками, системами залпового огня. Кроме того, в шести провинциях, остававшихся до последних событий под его контролем, общие мобилизационные возможности доходили, по подсчетам военных, до 140 — 150 тысяч человек. Кстати, уже вооруженных, поскольку этот резерв строился из местных полувоенных формирований.

Но именно принцип формирования и сделал армию северного вождя, выстроенную по советскому образцу, такой уязвимой. Стоит ослабнуть центральному командованию, стоит где-то потерпеть поражение, и воинская часть легко превращается в тот самый «вооруженный народ» («милицию»), о котором в свое время грезили марксисты. То есть в сборище вооруженных соплеменников, земляков, односельчан, подчиняющихся только признанному ими самими лидеру. Не случайно большая часть военного строительства, ведущегося Дустумом с того момента, как он бросил Наджибуллу и превратился в самостоятельного «генерала Севера», свелась к переговорам с собственными же командирами. В армии Дустума было все от регулярной, за исключением главного — силы приказа.

Дустума и сместили эти милиции. Милиция Малика решила договориться с противником, милиции других командиров решили кто обороняться, кто оставаться в стороне, кто разойтись по домам — и для единоначального корпуса талибов не составило труда захватить оборонительные цитадели Дустума.

Но это же впоследствии, в Мазари-Шарифе, обернулось и против талибов. Они не учли автономности полевых командиров. Когда отработавшему свое Малику не только не оставили сданную провинцию, но и предложили разоружить его «дивизию-милицию», он отказался. И отдал приказ о нападении на «партнеров».

Окончательное завоевание талибами севера страны произойдет не сразу — еще продолжают сопротивляться милиции шиитов, исмаилитов... Но завоевание наверняка произойдет — подтянув спаянные суровой дисциплиной газавата войска, вожди талибов размозжат противников поодиночке.

Вряд ли поможет и гипотетическое возвращение Дустума. Если уж он не удержался во главе собственных войск, то теперь, когда структура его армии разрушена почти полностью, когда часть командиров его предала, когда, наконец, тот же Абдул Малик не захочет его возвращения из-за естественного страха возмездия — теперь восстановить оборону практически невозможно.

В принципе Дустум наказал себя сам. Да, он добился того, что в Афганистане его прозвали Ферзем. Если бы он в союзе с президентом Раббани и командующим правительственной армии Ахмад Шахом Масудом сумел вернуть Кабул прошлой осенью — возможно, все сложилось бы по-другому. Но тогда бойцы Масуда штурмовали Кабул практически в одиночку — Дустум помог авиацией да, кажется, дал толику артиллерии. Между тем неподалеку, в городе Пули-Хумри, к северу от Саланга, у него был размещен целый корпус. Но на помощь Масуду он не шел. И, воюя с талибами, тот держал в своем лагере у Джабаль-ус-Сираджа значительные силы и все время оглядывался назад: не ударит ли в тыл союзник... Ведь Дустум вполне мог отдать такой приказ.

Вот тогда-то талибы и выиграли войну стратегически.

Сегодня войско Масуда продолжает битву с ними как последняя оставшаяся регулярно организованная вооруженная сила. Но он ведет уже и переговоры с талибами. Потому что сам прекрасно знает, что долгое время сопротивляться в одиночку не сможет. И, скорее всего, с талибами сразу замирится, если те признают его «автономию». А чтобы позиции на этих переговорах были сильнее, «панджшерский лев», как его называют, высовывает время от времени свою когтистую лапу из ущелья и оставляет кровавые следы на стратегической дороге Кабул — Саланг — Мазари-Шариф, а потом вновь набирает на своем телефоне спутниковой связи номер талибских вождей...

Словом, в обозримой перспективе талибы, скорее всего, станут единственными хозяевами Афганистана — за исключением тех, кто уже сегодня является хозяевами талибов. Еще точнее — тех, кто планирует стать хозяином транзита из Средней Азии через Афганистан в Пакистан. «Труба», транзитный путь, проложенный по лоскутам племенного феодализма, дело заведомо ненадежное. Внешняя сила послушание этих «лоскутов» обеспечить не может — опыт Англии и России доказал это.

И в этом смысле «бешеные муллы» могут сыграть для своей страны историческую роль — роль объединителя.

Александр Барни

Миноритарная система

Европейская демократия может заразиться французской болезнью

Дмитрий Сабов

БЕСПАРТИЙНЫЕ

В ходе только что закончившихся парламентских выборов французское общество опровергло такое число постулатов, считавшихся незыблемыми почти сорок лет, со времени основания Пятой республики Шарлем де Голлем, что при желании из них можно составить несколько конституций или по крайней мере партийных программ. Дело вовсе не в банальной констатации, что предвыборные опросы врут не хуже календарей. Куда важнее другое: мажоритарная (от majorité — большинство) система голосования, которая так долго и надежно гарантировала преимущество на выборах крупным партиям, неожиданно дала сбой. Это стало ясно уже в первом туре, когда больше половины избирателей демонстративно отказались голосовать за записных фаворитов.

Обычно в таких случаях на выручку и приходила мажоритарная система. За неделю между двумя турами правая и левая коалиции, обещая потенциальным союзникам мандаты, посты и портфели, с бору по сосенке собирали в избирательных округах голоса и складывали их в копилку наиболее «проходных» кандидатов — тех, кому в первом раунде удалось преодолеть заветный 12,5-процентный барьер. Дальше начинались чудеса: распыленные по округам голоса девальвировались, а сконцентрированные стремительно росли в цене. В результате у мелких или ультрарадикальных партий, с которыми никто не вступал в альянсы, не оставалось практически никаких шансов.

Например, на проигранных социалистами парламентских выборах 1993 года проходной балл для коалиции двух ведущих правых партий (Объединения в поддержку республики во главе с Жаком Шираком и Союза за французскую демократию) составлял в среднем по стране 20 — 25 тысяч голосов. А для социалистов и коммунистов, которые не сумели договориться о коалиции, — соответственно 120 и 100 тысяч голосов. Но и это еще не все. Около трех миллионов избирательных бюллетеней, собранных на тех же выборах экологами и ультраправым Национальным фронтом Жан-Мари Ле Пена, не провели в парламент ни единого депутата.

Четыре года спустя, в 1997 году, расчет президента Жака Ширака, оставившего конкурентам на подготовку к досрочным выборам всего один месяц, строился именно на вере во всесилие мажоритарной системы. Во-первых, считали в его штабе, социалисты с коммунистами быстро не сговорятся, тогда как правая коалиция уже во всеоружии. Во-вторых, опаснейший конкурент справа — Национальный фронт (см. «Итоги» №17, 1997) — казалось, ни за что не успеет развернуть кампанию и расколоть правый электорат. Дискуссии по программам не предусматривались: не случайно для предвыборной агитации был выбран май, на который даже по французским параметрам приходится рекордное количество праздников.

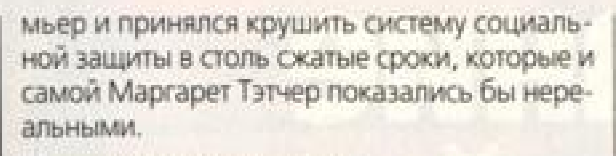
Эту попытку «обыграть» избирателя итальянская «Стампа» еще на старте кампании квалифицировала как «бонапартистскую атаку на парламентаризм».

Вотум неверия

На сей раз, однако, мажоритарные чудеса не спасли президента. И дело даже не в том, что социалистам удалось в рекордные сроки договориться с коммунистами о коалиции, а победа левых во главе с лидером соцпартии Лионелем Жоспеном стала вполне вероятной уже после первого тура. Куда большей неожиданностью оказалось столь быстрое признание поражения правыми: не дожидаясь второго тура, ушел в отставку премьер Жюппе, а вместе с ним, похоже, и курс на проведение форсированной либерализации «бонапартистскими методами». Но настоящей сенсацией на этих выборах явилась победа «партии недовольных» — то есть тех, кто отказался голосовать за традиционных правых и левых. Еще в первом туре они были близки к тому, чтобы стать первой партией Франции.

Сумей «недовольные» объединиться, они, пожалуй, могли бы составить свое «коалиционное правительство». Теперь же президенту и новому премьеру республики предстоит выбирать: либо учитывать волю этого неорганизованного, «миноритарного», большинства, либо пренебречь этим вотумом неверия, который в любой момент может спонтанно оформиться как «фронт неприятия». Кстати, отставной либерал-реформатор Жюппе пал жертвой именно подобной пренебрежительной тактики: полтора года назад, когда Францию буквально парализовали забастовки против его реформ, он заявил, что уйдет, «когда на улицу выйдет два миллиона манифестантов». Ждать пришлось до ближайших выборов.

ЭКС-ПРЕМЬЕР ФРАНЦИИ И МЭР БОРДО АЛЕН ЖЮППЕ НА ПРЕДВЫБОРНОМ МИТИНГЕ В СВОЕМ ГОРОДЕ ВЗЫВАЕТ К БОГУ ЕВРОИНТЕГРАЦИИ

ПРЕЗИДЕНТ ЖАК ШИРАК (СПРАВА) ЖДЕТ, КАК ПОДЕЙСТВУЕТ ЭТА МОЛИТВА НА ИЗБИРАТЕЛЕЙ

На языке конкретной политики ситуация после выборов выглядит так. 31,5 процента избирателей в первом туре вообще не явились голосовать. 15 процентов отдали свои голоса ультраправому Национальному фронту Ле Пена, которому через сито мажоритарной системы не удается пробиться уже полтора десятка лет, ибо вступать с ним в альянс считается дурным тоном. Плюс все те, кто из чувства противоречия рассыпал свои голоса по четырем тысячам кандидатов от мелких партий и движений, заведомо не имевших шансов на победу (всего зарегистрировались шесть с половиной тысяч).

Вывод напрашивается: мажоритарная демократия обеспечивала спокойную жизнь крупным партиям до тех пор, пока общество не стало, как говорят социологи, «атомизироваться». Во французском случае социальной центрифугой стала дискуссия о переходе на евровалюту, ради чего, собственно, экс-премьер и принялся крушить систему социальной защиты в столь сжатые сроки, которые и самой Маргарет Тэтчер показались бы нереальными.

Неолиберальные университеты

Как ехидно заметил парижский корреспондент «Уолл-стрит джорнэл», самым занятным во французской кампании было то, что и правая и левая коалиции изо всех сил старались избежать дискуссии о темпах евроинтеграции, ради ускорения которых президент Ширак и затеял досрочные выборы.

Готовы или не готовы французы (а следом за ними — немцы, бельгийцы и прочие обитатели Европейского союза) пойти на социальные жертвы ради перехода на единую европейскую валюту к 1 января 1999 года? Этот центральный вопрос прошедшей кампании был столь же очевиден, как и ответ на него: нет, не готовы. Почему об этом предпочитали вслух не говорить, понятно тоже.

Большинство во Франции пока вообще не понимает, чем франк хуже евро. Зато все прекрасно осведомлены, что для введения новой валюты необходимо сократить дефицит госбюджета до 3 процентов от ВНП, а значит — поступиться своими рабочими местами (для значительной части госслужащих), пенсиями, системой медицинского страхования, наконец, правом влиять на экономическую политику своего правительства, которая в последнее время все чаще согласовывается с Брюсселем. В стране, где безработица под 15 процентов, а избиратель умеет постоять за свои интересы, защищать такую политику правящая коалиция не могла — оставалось только проводить ее в жизнь. В свою очередь, социалисты даже в самые азартные моменты предвыборной гонки не решались ее открыто критиковать. В штабе Лионеля Жоспена всегда отдавали себе отчет в том, что в случае победы во втором туре им самим придется вести дальнейшие переговоры о валютном союзе с брюссельскими технократами.

В результате активнее всех по европейской теме высказывались ультраправые. В промежутке между двумя турами Жан-Мари Ле Пен оглушил заявлением: Национальный фронт готов призвать свой электорат голосовать в пользу тех более «проходных» кандидатов, которые поклянутся, что будут бороться с евроинтеграцией. Причем «индульгенции» предлагались кандидатам от любых, в том числе и левых партий. Ни для кого не секрет, в чем смысл этой тактики: ослабить классические правые партии, разрушить их и, в перспективе, к очередным выборам остаться с социалистами один на один. К этой цели Ле Пен, самый старый враг Пятой республики, стремится уже больше тридцати лет, но, как единогласно признают французские политологи, еще никогда не был к ней так близок. Конечно, он еще не пробился через все препоны мажоритарной системы, но впервые заставил считаться с собой в каждом четвертом избирательном округе — в 134 из 577. Накануне второго тура выборов в Национальное собрание его партия громко заявила о своих претензиях на то, чтобы стать во главе движения всех отверженных мажоритарной системой.

Французский май 1997-го взбудоражил Европу, пожалуй, не меньше, чем май 1968-го. Бунт среднего класса против «евровалютчиков» вылился в протест «ничейного» электората, который тут же попыталась оседлать крайне правая партия. В столицах стран — членов ЕС и Брюсселе опасаются, что новая французская болезнь может оказаться заразной. Не секрет, что практически во всех странах, претендующих на введение евровалюты, есть свое «миноритарное большинство». И оно способно дернуть за стоп-кран в тот самый момент, когда политики разгоняют евросостав к высотам еврокапитализма. ■

МАРТ 97-ГО: НЕГАТИВНОЕ ОТНОШЕНИЕ ФРАНЦУЗОВ К РЕФОРМЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ, ЗАТЕЯННОЙ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ ЖЮППЕ, ОТЧЕТЛИВО ПРОСМАТРИВАЛОСЬ ЕЩЕ ЗА ТРИ МЕСЯЦА ДО ВЫБОРОВ

ВОКРУГ РОССИИ

Испытание свободой

На восьмом году объединения Германия по-прежнему разделена стеной непонимания. И нежелания понять

Дмитрий Погоржельский

ФАНТОМНЫЕ БОЛИ

С МАРТИНОМ МЫ ЗНАКОМЫ ДАВНО. В ГДР ОН работал инженером на заводе, выпускавшем станки, на которые был большой спрос. После объединения Германии предприятие возглавил менеджер из западной части страны. Начались сокращения, а потом завод и вовсе закрыли. Мартин и еще три сотни человек оказались не у дел. После долгих поисков работы он нанялся на фирму, которая оказывала услуги по уборке квартир.

«Когда получал задание, все время молил Бога, чтобы не попасть к кому-нибудь из знакомых», — объяснил он мне после многолетнего отсутствия. «Но почему же ты не звонил?» — искренне удивился я. «Я вообще ни с кем не общался. Стыдно было оказаться безработным в сорок лет».

История Мартина типична для миллионов восточных немцев, вмиг оказавшихся в совершенно новых условиях. Они представляли себе Западную Германию мощной державой, где социальные гарантии столь прочны, что пропасть там просто невозможно. Так сказать, улучшенная ГДР, с капиталистическим лицом. На самом деле все оказалось по-другому: иллюзии рухнули, и пережить это непросто.

В год объединения восточным немцам обещали, что через пару лет они будут жить на фоне «цветущих ландшафтов». Семь лет спустя об этих обещаниях не вспоминают. Панорама центра Берлина, превратившегося в гигантскую стройплощадку, уже никого не обманывает. Рост промышленного производства на востоке составит в нынешнем году в лучшем случае 2 процента. При таких темпах потребуется минимум 30 лет, чтобы подтянуть восточные земли до уровня западных.

Как и предсказывали экономисты, строительный бум начала 1990-х захлебнулся. В строительство должны инвестироваться деньги, заработанные в производстве, но на востоке об этом пока можно только мечтать. Строительство развернулось главным образом за счет бюджетных средств и на деньги частных инвесторов с запада. Вкладывали в основном в жилье да в возведение офисов, надеясь на быстрый экономический подъем восточных земель. Ожидания не оправдались. Новенькие помещения пустуют.

Возникают парадоксальные ситуации. Например, в Хемнице (бывший Карл-Маркс-Штадт) на каждого жителя в среднем приходится по 33 квадратных метра жилья. Но во многих квартирах и домах поселился ветер. Тем, для кого они предназначались, денег на их оплату не хватает.

Во времена ГДР мало кто имел собственный дом или квартиру. После объединения многим захотелось купить собственное жилье, люди влезали в долги, брали кредиты. Вскоре оказалось, что многим это не под силу; для иных непосильным бременем стала даже плата за съемное жилье.

В договоре об объединении страны есть положение, которое сводится к краткой формуле — «возвращение вместо возмещения». Бывшие владельцы домов и земель в Восточной Германии, оказавшиеся в западной ее части, получили возможность вернуть свою недвижимость. Таких нашлось предостаточно, благо немцы с присущей им педантичностью сохранили все кадастровые книги. Под угрозой выселения оказались подчас целые деревни.

Депутат бундестага от социал-демократов Елена Хоффманн рассказывала мне, что сама жила в Хемнице в доме, который был реприватизирован. Старый хозяин тут же продал дом крупной риэлтерской фирме, которая, в свою очередь, выселила всех жильцов — на законных основаниях. Вот уже два с половиной года дом стоит пустым. И подобных примеров множество. Естественно, потерявшие жилье обращаются в суды, которые разбираются с жалобами и по сей день.

Не оправдала себя, однако, не только ставка на инвестиции в строительство. Вопреки ожиданиям приток инвестиций в промышленность вызвал слишком резкое сокращение рабочих мест. На уцелевших после рационализации, санации и перехода на новые методы управления заводах и фабриках занято сегодня раз в 8—15 меньше рабочих, чем во времена ГДР. Сокращений, конечно, ждали, но не столь масштабных.

СТРОИТЕЛЬСТВО «НОВОЙ ГЕРМАНИИ» НА ВОСТОКЕ ЗАТЯНУЛОСЬ: БОГИНЯ ПОБЕДЫ НИКА НА БРАНДЕНБУРГСКИХ ВОРОТАХ В БЕРЛИНЕ (СЛЕВА) ОСТАЕТСЯ НЕВОЗМУТИМОЙ, НО ДЕВУШКА, ВЫНУЖДЕННАЯ ЗАРАБАТЫВАТЬ ПЕНИЕМ НА УЛИЦАХ, ВРЯД ЛИ ЧУВСТВУЕТ СЕБЯ СЧАСТЛИВОЙ

«СОЦАРТ» ПО-НЕМЕЦКИ: ХРИСТИАНСКИЕ ДЕМОКРАТЫ ПУГАЮТ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ МАРКСОМ (ФОТО СПРАВА)

На востоке Германии безработица сегодня в среднем достигает 15 процентов. А если посчитать и тех, кто отправлен на «заслуженный отдых» до достижения пенсионного возраста, кто проходит курсы переквалификации или работает временно в рамках «программ по обеспечению занятости», то получится, что около половины трудоспособного населения восточных земель по сути не имеют гарантированного рабочего места.

Но и те, которые нашли работу или не потеряли своего места, получают зарплату примерно на 20 процентов меньше, чем на западе страны. Экономисты объясняют это тем, что уровень производительности на востоке все еще не тот, чтобы платить одинаково. Но логические доводы не снимают недовольства — ведь хочется всего и сразу.

Поддержание промышленности на востоке, считает Елена Хоффманн, это чисто политическая акция. Сегодня в пересчете на душу населения уровень производительности здесь в два раза ниже, чем на западе страны. Новые федеральные земли превратились в «один из самых отсталых регионов Европейского союза», констатировали недавно эксперты ЕС.

«Ледниковый период»

Было бы, однако, упрощением сводить причины недовольства восточного немца лишь к экономическим тяготам. Как уверяют психологи, проблемы глубже: выросшие в условиях государственного патернализма жители ГДР утратили свою идентичность, а чтобы обрести новую, требуется время.

Известного протестантского пастора, борца за права человека во времена ГДР Фридриха Шорлеммера трудно заподозрить в симпатиях к коммунистическому режиму. Но только что вышла его книга «Ледниковый период». Он пишет, что в германском обществе сегодня на кон поставлена человечность, торжествуют недоверие друг к другу, отчужденность и изоляция, а понятие солидарности кануло в прошлое. Многие вчерашние граждане ГДР воспринимают действительность именно так.

Последние опросы общественного мнения показывают, что восточные немцы расходятся с западными в трактовке принципиальных понятий. Например, если «весси» считают, что свобода — это прежде всего независимость и права индивида, то «осси» убеждены, что свободным человека делают гарантированная занятость и право на жилье. Две трети жителей новых федеральных земель готовы поменять свободу прессы и мнений на уверенность в завтрашнем дне.

Вчерашние борцы с тоталитарным режимом чувствуют себя обиженными. Они растворились в партиях, их не видно и не слышно, да и тема прав человека мало кого интересует. Работа комиссии Гаука, разбирающей тонны досье «штази», вызывает сегодня только раздражение .

Многие восточные немцы не могут смириться с тем, что все, чего добилась ГДР, а значит они, своим трудом, моментально было списано в разряд негодного. «А как же социальные достижения? — с недоумением вопрошают вчерашние жители ГДР. — Как же наши школы, вузы, детские сады, поддержка семьи со стороны государства? Неужели все это тоже никуда не годится?»

Их гложет «остальгия» («ост» — по-немецки «восток»). Неслучайно с недавних пор вошли в моду и пользуются растущим спросом продукты, знакомые с детства каждому восточному немцу. Даже западные фирмы стали выпускать свои товары для продажи на востоке со старыми наименованиями, в упаковках, стилизованных под гэдээровские времена.

Но неверно утверждать, что восточные немцы действительно хотят вернуть «добрые старые времена». Таких меньшинство, и в основном это люди пожилого возраста. Они-то и составляют 80 процентов избирателей и членов Партии демократического социализма (ПДС), наследницы хонеккеровской СЕПГ.

Страна-полупроводник

Один высокопоставленный западный чиновник недавно признался мне: «Если б в 1990 году я оказался в летаргическом сне и пробудился только сейчас на западе страны, то и не заметил бы ровным счетом никаких перемен. Для большинства западных немцев восточные до сих пор чужаки, они даже говорят на другом немецком».

Лингвисты не поленились подсчитать — за годы после объединения восточным немцам пришлось перенять около 3 тысяч новых слов, которых не было в лексиконе ГДР и смысл которых был мало понятен «осси».

Западный немец, привыкший к спокойствию и благосостоянию, знает о своих «братьях и сестрах на востоке» очень мало. И не хочет знать больше. Сегодняшнюю Германию сравнивают с полупроводником — влияние восточных земель на западе практически не ощущается, информация о положении вещей по ту сторону вчерашней границы скудна. «И чего они там всем недовольны, все ноют и ноют, мы ведь выложили из своего кармана страшно сказать какие суммы — по три тысячи марок ежегодно каждый и продолжаем платить «налог солидарности», чтобы им там жилось лучше?» — не могут взять в толк «весси».

Что может сломать эту новую стену? Эксперты полагают, что экономический бум всех проблем не снимет: в объединенной Германии должно вырасти новое поколение, не отягощенное воспоминаниями, донимающими их родителей. Сегодняшняя же молодежь Восточной Германии чувствует себя обманутой вдвойне. Сначала отцы воспитывали их «в духе марксизма-ленинизма», а затем наобещали райские кущи после объединения. Где они, эти кущи? Где «цветущие ландшафты»?

Недовольство и разочарование, приправленные модой на вечные прусские ценности — порядок, законность, силу воли и духа, серьезно тревожат социологов. Не следует думать, конечно, что страна стоит на пороге нового фашизма. Для него нет массовой базы, демократия в объединенной Германии достаточно устойчива. Однако мелкие группировки неонацистского и праворадикального толка достаточно громко заявляют о себе на востоке — эта уродливая форма протеста зародилась еще в хонеккеровские времена.

Чем чаще этот протест выплескивается на улицы, тем очевиднее, что никто не знает, как сделать так, чтобы быстрее и менее болезненно «срасталось то, что принадлежит друг другу». К сожалению, эти слова покойного Вилли Брандта, ставшие было крылатыми после объединения, нынче вспоминают все реже. ■

Бонн

Немецкий «плавильный котел»

Что делает человека немцем — место рождения или место проживания?

Эндрю Нагорски
(Newsweek)

ПЕРЕМЕНЫ

«Мы не страна иммигрантов», — говорит Гельмут Коль. То же самое любят повторять немецкие правительственные чиновники, будто от произнесения этих слов сгинут с глаз долой миллионы «иностранцев», живущих сегодня в Германии.

Колю следовало бы навестить Энвера Бекташа, владельца небольшой сети турецких пекарен и закусочных в Берлине. Сын гастарбайтера — как здесь называют иностранных рабочих , — он приехал в Германию в возрасте шести лет, а сейчас целыми днями трудится в своей главной пекарне в Крейцберге (районе Берлина с преимущественно турецким населением). Жена ему помогает, и он надеется, что их четырехлетний сын, когда наступит время, продолжит его бизнес.

Нет, Германия все-таки — страна иммигрантов. Здесь уже выросло новое поколение детей рабочих из Турции и Южной Европы, хотя относительно немногие смогли стать гражданами страны. После крушения советской империи иммигранты, рассчитывающие улучшить свое экономическое положение, увеличили ее «иностранное» население с 4,5 миллиона в 1988 году до 7,2 миллиона сегодня (что составляет почти 9 процентов всего населения). Сюда не включены еще 2,5 миллиона «этнических немцев», которые приехали из Восточной Европы и Советского Союза после 1981 года; немецкое происхождение обеспечивает им автоматическое гражданство. Даже с учетом недавно принятых мер — усложнен въезд иностранцев в Германию и начали депортироваться некоторые категории беженцев, в частности боснийцы, — демографическая тенденция очевидна: наплыв иммигрантов и высокий уровень рождаемости среди них постепенно превращают Германию в более сложную — и более интересную — страну. И уже появились признаки того, что некоторые части ее политического истеблишмента уже не делают вид, будто ничего не происходит, а стараются адекватно отреагировать на происходящие перемены.

Проблема «иностранного присутствия» для Германии не нова. Нацисты, жаждавшие добиться «этнической чистоты», намеревались решить эту проблему раз и навсегда — что привело к ужасам Холокоста. С тех пор немцы придают большое значение своему отношению к иностранцам. До 1993 года здесь проводилась самая либеральная в мире политика предоставления убежища — и этим воспользовались многие жители Восточной Европы, африканцы, курды. Но при этом в области предоставления гражданства были большие строгости. Как и США, Германия стала страной беженцев — только из Боснии сюда переселилось 325 тысяч человек. Но в отличие от Америки Германия положила в основу политики предоставления гражданства принцип этнического происхождения. Такие «немцы», как, например, Людмила Грачева, чьи предки переселились из Германии в Россию в XVIII веке, имеют право в любое время вернуться на «историческую родину» и потребовать предоставления гражданства. Грачева воспользовалась этим правом в 1992 году. Сейчас она живет в небольшом городке Гифхорн в Нижней Саксонии. «У меня с немцами никогда не было никаких конфликтов, я видела от них только хорошее», — уверяет она.

Тех же, кто не может считаться немцем «по происхождению», конфликтные ситуации подстерегают на каждом шагу. Многие турки уверены, что ни они, ни их рожденные в Германии дети никогда не найдут себе места в германском обществе. Большинство иностранцев должны прожить в стране от семи до пятнадцати лет, прежде чем они могут начинать хлопоты, связанные с получением гражданства. А сама процедура занимает еще несколько лет. Гражданство же вовсе не означает, что они будут приняты обществом немцев. «Пусть у меня будет немецкий паспорт, но внешность все равно останется азиатской, — сетует Энвер Бекташ. — И для немецкого полицейского я все равно останусь турком. У евреев ведь тоже были немецкие паспорта, и кого это спасло?»

ПРОБЛЕМА «ИНОСТРАННОГО ПРИСУТСТВИЯ» ДЛЯ ГЕРМАНИИ НЕ НОВА. ЕЕ МОЖНО РЕШАТЬ ЛИБО ПОЛЮБОВНО (ФОТО СЛЕВА), ЛИБО МЕТОДАМИ 60-ЛЕТНЕЙ ДАВНОСТИ (СПРАВА)

Большинство европейских стран ограничивают иммиграцию. Франция и Великобритания пытаются сдерживать приток населения из-за рубежа. Но те, кто уже приехал, быстрее становятся гражданами — срок ожидания всего пять лет, — и, кроме того, в этих странах, по крайней мере в теории, принята концепция мультикультурного общества. Немцы же упорно ей сопротивлялись даже в период экономического чуда конца 50-х и 60-х годов, когда Германия охотно приглашала к себе гастарбайтеров. Когда же в середине 70-х впервые начался экономический спад, то в них стали видеть угрозу благополучию немцев: заговорили о том, что иммигранты отбирают у немцев рабочие места, и даже о том, что их присутствие ослабляет дух немецкой нации.

Когда же в начале 90-х в Германию хлынул поток иммигрантов из Восточной Европы и с Балкан, то это уже вызвало агрессивную реакцию местных неонацистов. В столкновениях тогда погибло 30 человек. В середине апреля этого года в Потсдаме состоялся судебный процесс против двух молодых немцев, которые с бейсбольными битами напали на двух итальянских рабочих. Один из итальянцев теперь парализован и практически не может говорить. Однако общественное возмущение избиением иностранцев и решительные действия правоохранительных органов позволили резко сократить число таких инцидентов — с 2639 в 1992 году до 781 в 1996-м.

На фоне столь быстро меняющегося общественного мнения позиция правительства Коля по вопросу об иммиграции выглядит анахронизмом. Большинство немцев — 71 процент, по опросам, проведенным для еженедельника Die Woche, — считают Германию страной иммигрантов и ждут законодательства, которое бы это учитывало. Возможно, что население имеет в виду необходимость ограничить приток иностранцев, но либеральные политики считают, что это открывает возможности для двуединого подхода. «С одной стороны, иммиграцию необходимо контролировать, — поясняет Гидо Вестервелле, генеральный секретарь Свободной демократической партии, входящей в правительственную коалицию Коля. — Но тех людей, что уже давно живут в Германии, необходимо нормально интегрировать в общество».

Свободные демократы считают, что они нашли решение. В середине апреля они выступили с предложением автоматически признавать гражданами всех детей, родившихся в Германии, и утвердить квоты будущей иммиграции. Предусматриваются и квоты для этнических немцев из бывшего СССР; их приток уже и так ограничен новыми правилами, согласно которым они должны пройти несложные языковые тесты. Но консерваторы в правительстве сопротивляются. «Возможность Германии принимать иностранцев согласно какой-либо иммиграционной политике уже исчерпана, — заявил недавно министр внутренних дел Манфред Кантер. — Мы не нуждаемся в иммиграции ни сейчас, ни в ближайшие годы».

Между тем член парламента Петер Альтмайер призвал принять закон о натурализации, который бы стал «компромиссом между германской и американской системами». В отличие от свободных демократов он предлагает предоставлять гражданство детям, рожденным в Германии, лишь в том случае, если один из родителей обладает видом на жительство, — таких случаев большинство, но бывают и другие. Но даже это предложение кажется консерваторам слишком радикальным. «Придется канцлеру лично вмешаться в решение этого вопроса», — признает Альтмайер. Возможно, и личные обстоятельства заставят Коля пересмотреть свою позицию: у его сына Петера, работающего сейчас в Лондонском банке, роман с дочкой турецкого бизнесмена из Стамбула.

Некоторые изменения в законодательстве уже произошли. В 1991 году правительство снизило требования для натурализации несовершеннолетних, а в 1995 году Турция упростила процедуру отказа от турецкого гражданства (в Германии не допускается двойное гражданство). В результате число натурализовавшихся турок подскочило с 2 тысяч в год в 1990-м до 32 тысяч в 1995 году. В основном это молодежь. «Второе поколение уже не собирается возвращаться на родину, так что нам легче отказаться от своих паспортов, чем нашим родителям», — говорит Гёльтен Оскай, студентка-медик из Берлина. «Мы постепенно начинаем чувствовать себя частью этого общества, — считает Мустафа Тургут Чакмакоглу, председатель турецкой общины в Берлине. — Скоро 85 процентов турок станут немецкими гражданами». Пока что натурализовалось меньше 10 процентов.

Но безработица в стране достигает 12 процентов, и маловероятно, чтобы немцы хотели бороться за рабочие места с иммигрантами и приезжими иностранными рабочими; политики всех направлений уже разыгрывают популистскую карту.

А многих немцев еще больше возмущают те иностранцы, которые получают помощь от государства. Немцы не понимают, что беженцы фактически лишены выбора: до недавнего времени им приходилось годами ждать разрешения на работу. И хотя кто-то из приезжих, безусловно, паразитирует на системе социальной помощи, многие в этой ситуации испытывают унижение и психологический дискомфорт. «Они кормят нас объедками с немецкого стола и заставляют шесть лет ждать разрешения на работу», — жалуется Жанна Воркевич, польская журналистка, приехавшая в Германию в 1988 году. «Посадить каждого на «социал» — значит создать барьер, который мешает смотреть на иммигрантов как на людей, которые могут внести вклад в развитие общества», — добавляет Барбара Джон, член берлинской комиссии по делам иностранцев.

Главная беда в том, что в массе своей немцы не склонны видеть в иммиграции процесс, который обогащает их общество. Но встречаются исключения. Например, немецкий социолог Герман Куртен, преподающий сейчас в университете Северной Каролины, убежден в том, что его соотечественники должны поощрять иммиграцию. «Иммиграция поможет повысить рождаемость в стране и даст толчок развитию экономики», — утверждает он. Независимо от того, нравится им это или нет, немцы постепенно начинают понимать, что Германия — страна иммигрантов. Пора и их лидерам сделать то же самое. ■

При участии **Стефана Тейля,** Берлин
(Печатается с сокращениями)

ХРОНИКА

Многоцветное прошлое и настоящее

Пока идут дебаты «Кого считать немцем?», все большее число тех, кто уже давно живет в Германии, стали получать гражданство.

Краткий обзор истории иммиграции в Германию:

1955 — первые иностранные рабочие приезжают из Италии, чтобы восполнить нехватку рабочей силы в Германии
1960 — приезжают первые гастарбайтеры из Турции, впоследствии они станут самым многочисленным национальным меньшинством
1964 — приезжает миллионный гастарбайтер
1973 — Германия перестает импортировать иностранную рабочую силу
1974 — численность иммигрантов достигла четырехмиллионной отметки
1989 — падение «Берлинской стены». Массовый приток мигрантов из Восточной Европы в Западную
1990 — миграция этнических немцев из России, Польши и Румынии достигает пика — 397 тысяч человек
1991 — начинают приезжать беженцы из воюющей Югославии. Германия принимает 325 тысяч боснийцев и 120 тысяч албанцев из Косово
1991 — уменьшается время ожидания для получения гражданства
1992 — рекордное число подавших прошение о политическом убежище — 438 тысяч человек, преимущественно из Восточной Европы
1993 — инцидент в Золингене (24 мая убито пять турок) ознаменовал собой подъем неонацистской агрессивности, направленной против иностранцев
1993 — снижена госпошлина за натурализацию
1996 — начинается депортация боснийских беженцев в Сараеве
1997 — общая численность некоренного населения достигает 7,2 миллиона человек

Пятый фактор производства

Целенаправленно воздействовать на общественное мнение в России умеют пока немногие. Но этих немногих уже начинают ценить по достоинству

Андрей Серов

РЕПУТАЦИЯ

Один из крупнейших инвестиционных проектов в новейшей истории России — проект строительства высокоскоростной железнодорожной магистрали между Москвой и Санкт-Петербургом — замерзает на глазах. Главная причина на первый взгляд — в нехватке бюджетных средств. Но на самом деле скудостью казны нельзя объяснить все. И при ближайшем рассмотрении становится очевидным, что не последнюю роль в «зависании» железнодорожного начинания сыграло общественное мнение. Авторы идеи и руководители проекта как-то сразу положились на свои эксклюзивные связи в правительстве. Поначалу казалось, что для успеха предприятия их вполне достаточно. То, что трассу планируется проложить через сравнительно густо заселенную территорию, никого, видимо, особенно не заботило. Тогда общественное мнение в регионе по поводу магистрального проекта стало формироваться стихийно. Как и следовало ожидать — резко негативное. Люди волновались за окружающую среду, да и просто из-за того, что будет нарушен их покой. Выделение не то что больших, а вообще любых средств на строительство новой железной дороги на этом фоне подвергло бы правительство такому риску, на который оно не готово пойти даже ради самых близких лоббистов.

Даже если не оценивать целесообразность строительства высокоскоростной магистрали, вполне очевидно, что планомерная и масштабная работа с общественным мнением была совершенно необходима и могла решающим образом повлиять на судьбу проекта. Ведь при прочих равных людям не нравятся навязанные извне перемены в привычном укладе жизни. Как показывает пример с РАО «Высокоскоростные магистрали», общественное мнение может стоить очень дорого. Задача по привлечению народных масс на сторону инвестора или политика входит в компетенцию специалистов по связям с общественностью, без которых в России все реже принимаются и реализуются серьезные решения.

Троянский конь

Первые попытки формировать общественное мнение в России начались, лишь только этому самому мнению было разрешено появиться. Ведь до перестройки словосочетание «общественное мнение», как правило, употреблялось применительно к позиции всего прогрессивного человечества по тому или иному актуальному вопросу. Об отношении советских людей к окружающей действительности говорили чаще в терминах «всеобщее возмущение» или «горячее одобрение».

«В 1992 году к помощи специалистов по PR (Public relations, англ. — «связи с общественностью». — **«Итоги»**) решили прибегнуть для подготовки первого официального визита Бориса Ельцина в качестве президента России в Соединенные Штаты, — вспоминает президент Российской ассоциации по связям с общественностью (РАСО) Александр Борисов. — Переговоры с одним из ведущих западных PR-специалистов — Майклом Адамсом из американской компании Burson—Marsteller — вел помощник президента Дмитрий Рюриков».

По сведениям г-на Борисова, американцы предложили обслужить российского лидера бесплатно. Чем президентская команда с удовольствием и воспользовалась. «Burson—Marsteller существенно расширила после этого заказа свою клиентскую базу, широко разрекламировав свой статус консультанта российского президента», — говорит г-н Борисов.

АЛЕКСЕЙ КОНДРАТЬЕВ: PR — САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ КОНСАЛТИНГОВАЯ ПРОФЕССИЯ, А НЕ ПРИКЛАДНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА

На гребне этой волны Burson—Marsteller очень скоро совершила десантирование в Россию. Американская компания занялась информационной поддержкой процесса приватизации. Однако, по мнению г-на Борисова (в другом качестве — декана факультета международной информации МГИМО), незнание иностранцами особенностей российской действительности привело к ошибкам в самой стратегии приватизационной кампании. «Американцы не знали и не могли знать, какие вещи в связи с приватизацией и становлением фондового рынка необходимо объяснять россиянам, где расставить акценты», — считает г-н Борисов. Едва ли не единственной запомнившейся людям находкой Burson-Marsteller стали две подчеркнутые буквы «ЗА» в слове «приватизация». Но этот ход не спасал, и во многом именно по причине несовершенства PR приватизация наряду с либерализацией цен, об информационном обеспечении которой вообще никто не успел подумать, вызвала наибольшее раздражение россиян, считает г-н Борисов.

Помощник Анатолия Чубайса Андрей Трапезников признал в беседе с «Итогами», что власти до сих пор вместо коммунистической системы «промывания мозгов» не удалось создать «эффективную систему разъяснения своих действий». «Идеологических отделов и отделов пропаганды, надеюсь, у нас больше не будет, — сказал он. — Но и системы, которая позволила бы каждому достоверно узнать, ради чего принимаются указы президента и постановления правительства, какие последствия они будут иметь, до сих пор, к сожалению, нет. Власть из-за этого много теряет». По мнению г-на Трапезникова, это «крайне сложная задача с точки зрения и организации, и финансирования, и кадров». Вместе с тем он констатировал рост профессионального интереса со стороны СМИ к вопросам экономической политики. «В настоящее время можно говорить о гораздо более конструктивном подходе СМИ к освещению экономических проблем, — полагает помощник г-на Чубайса. — И само правительство с приходом новой команды стало намного более открытым для прессы». Г-н Трапезников исходит из того, что «журналисты все равно узнают, что обсуждалось на том или ином совещании». Однако, отмечает он, если прессу своевременно не проинформировать по официальным каналам, то сведения к ним поступают зачастую в искаженном виде.

И вне стен Белого дома ситуация в сфере PR постепенно меняется к лучшему. Появились отечественные специалисты и целые PR-агентства. Спрос на их услуги растет. И со стороны политиков, и со стороны крупного бизнеса. Политики уже после парламентских выборов 1993 года поняли, что их успех зависит в основном от эффективной работы по технологиям PR. Что касается крупного бизнеса, и в первую очередь банков, то они в последние года два стали понемногу перемещать свои капиталы из сферы спекулятивной в производственный сектор. А вкладывая деньги в промышленные предприятия, они столкнулись с необходимостью разъяснять свою политику рабочим. Хотя бы ради предотвращения забастовок. Тем более если предприятие крупное (градообразующее), то банкам становится небезразлично, что пишут в местных (равно как и центральных) газетах об их инвестиционной деятельности.

Довольно характерную метаморфозу в этом смысле претерпела информационная политика крупнейшего негосударственного банка — ОНЭКСИМа. Еще пару лет назад ОНЭКСИМ пользовался репутацией максимально закрытого для прессы учреждения и совершенно себя не афишировал. Однако в конце 1995 года он на залоговом аукционе приобрел контрольный пакет акций РАО «Норильский никель». И тут же ОНЭКСИМу понадобилось привлечь внимание прессы, поскольку представителей банка просто не пускали в здание управления предприятия. Соответствующая акция в прессе была проведена, и через несколько месяцев вышло правительственное постановление об увольнении прежнего «красного директора». А наиболее полное осознание силы печатного слова пришло к руководителю ОНЭКСИМбанка Владимиру Потанину на посту первого вице-премьера. И сейчас, уже после возвращения г-на Потанина в банк, ОНЭКСИМ проводит весьма агрессивную PR-политику, а главный PR-специалист банка Михаил Кожокин занимает пост заместителя председателя правления.

Досуг для жены директора

22—23 мая в Москве прошла организованная РАСО Международная конференция «Public relations: глобальный опыт — российская практика». По тому, что стульев в конференц-залах одной из крупнейших столичных гостиниц для участников форума перманентно не хватало, можно было судить, что идеи PR пошли в массы. Публика на этом собрании отечественных и зарубежных PR-специалистов была весьма неоднородная. С одной стороны, присутствовали блестящие профессионалы, толковавшие о значении PR для позиционирования инвестиционной компании на рынке корпоративных ценных бумаг. А рядом сидели явные дилетанты, с трудом постигавшие разницу между репортажным и комментарийным жанрами. Говорят, что во многих компаниях должность руководителя отдела по связям с общественностью достается супругам генеральных директоров.

АЛЕКСАНДР БОРИСОВ: PR-ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ НЕПРЕМЕННО ДОЛЖНЫ БЫТЬ ВСТРОЕНЫ В МЕХАНИЗМ ПРИНЯТИЯ ВАЖНЕЙШИХ РЕШЕНИЙ

Если вернуться к профессионалам, то содиректор центра политического консультирования «Никколо М» Екатерина Егорова, один из наиболее известных PR-экспертов в области политики, заявила на конференции, что для проведения эффективных PR-кампаний в России до сих пор сохраняются специфические препятствия. Одной из характерных черт политических лидеров России, на ее взгляд, является пристрастие к идее собственной харизматичности. «При этом у таких лидеров вырабатывается устойчивое непонимание реальности: они не видят, что никакой всенародной любви и интереса к ним как со стороны насе-

ления, так и со стороны СМИ нет, — заметила г-жа Егорова. — Такие политические деятели вообще отказываются как бы то ни было строить свои PR, воздействовать на СМИ, целенаправленно работая над своим имиджем, продумывая сценарии и информационные поводы». Г-жа Егорова также вменила в вину этим «расейским» политикам стремление задавить нелояльные СМИ и купить остальные.

ТАТЬЯНА НИКУЛЬШИНА: МОЕ КРЕДО — НЕ ПЛАТИТЬ ЖУРНАЛИСТАМ ЗА ПУБЛИКАЦИИ НОВОСТЕЙ

Выступивший в ряду представителей PR-специалистов от бизнеса начальник отдела по связям с общественностью инвестиционной компании «РИНАКО Плюс» Алексей Кондратьев предложил исходить из определения «деньги — это доверие». Стало быть, сумма вкладов в банк или клиентских средств на счетах инвестиционной компании во многом зависит от эффективности PR-служб. В интервью «Итогам» г-н Кондратьев привел пример из жизни крупной британской инвестиционной компании Virgin Direct, которая при продвижении на рынок своих новых финансовых услуг для населения получила на каждый вложенный в PR фунт 1222 фунта привлеченных средств. Тот же фунт, потраченный на прямую рекламу, кстати, возвратился в сорокакратном размере.

В области связей со СМИ г-н Кондратьев главными задачами PR-отдела видит «формирование команды лояльных журналистов, которая может в случае кризисной ситуации первой выслушать версию компании; создание постоянного информационного потока; организацию пресс-конференций, поездок и обучающих семинаров». Он убежден, что PR — самостоятельная консалтинговая профессия, а не прикладная журналистика. И не стал скрывать, что проводит беседы с руководством своей компании на предмет грамотного общения с представителями СМИ. В частности, г-н Кондратьев советует своему начальству не доверять журналистам информацию, которую они не хотели бы видеть напечатанной, даже при выключенном диктофоне. Ведь профессиональные задачи, в том числе и вполне добросовестного журналиста, подталкивают его опубликовать информацию, повышающую спрос на его издание, считает он.

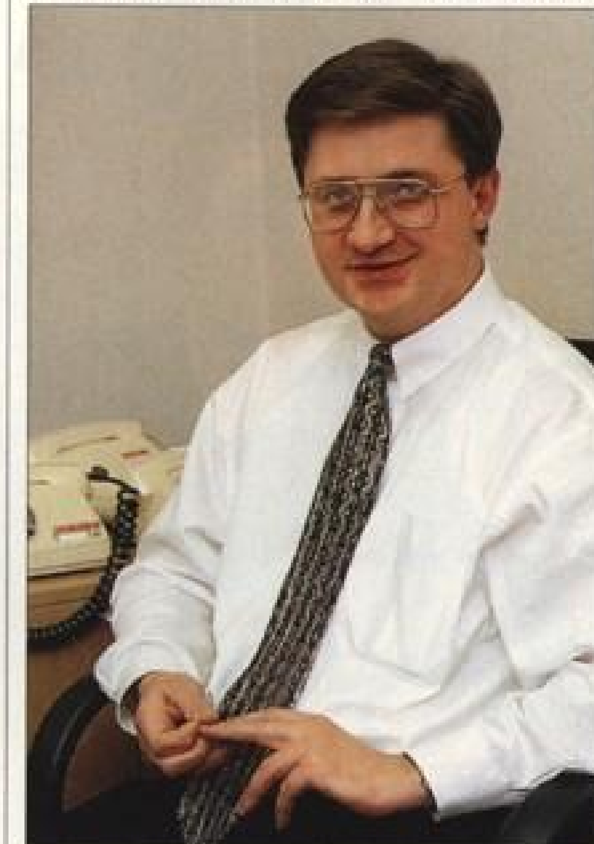
Правда как среднеарифметическое

Иначе и быть не может: PR-специалисты отстаивают интересы той компании, в которой работают. Из чего родилось довольно широко распространенное мнение, что многочисленные пресс-службы мешают гласности, дозируя информацию. И это действительно так. Но дело не в злонамеренности PR-сотрудников, а в объективно существующей закономерности, согласно которой интересы источника информации (корпорации, государственного органа, политической партии) не всегда совпадают с задачей абсолютно полного информирования общественности. В отсутствие профессионально проводимой PR-политики неизбежны отклонения от оптимальной линии поведения: либо происходят лишние утечки информации, либо появляется ее дефицит. Гласности первый вариант содействует, но бизнесу оба отклонения вредят.

Даже при наличии службы PR проблемы, конечно, остаются. Во-первых, остаются конкуренты, которые вполне могут постараться испортить сопернику репутацию с помощью PR-технологий. Во-вторых, существуют «черные PR», то есть практика размещения в печати и на телевидении оплаченных, заказных статей. Как правило, заказной характер публикаций более или менее тщательно скрывается изданием. Но недавно, например, произошел довольно забавный случай, когда одна из центральных газет напечатала такого рода статью на правах рекламы. В публикации излагалась позиция одной коммерческой структуры, которая сцепилась с другой такой же за право первенства в некоей сделке. Когда представители пострадавшей стороны позвонили в газету с просьбой напечатать опровержение на содержащиеся в публикации неверные, с их точки зрения, факты, руководство издания дало им от ворот поворот. Мол, то была реклама, а за достоверность сведений, содержащихся в рекламных объявлениях, редакция ответственности не несет. Хотя по всем жанровым признакам это была аналитическая статья. Пострадавшие, кстати, так и не нашли в законодательстве оснований для привлечения «обидчика» к ответственности.

Вместе с тем эффективность размещения заказных статей сомнительна. Наиболее искушенные читатели уже научились их узнавать. «Мое кредо — не платить журналистам за публикации новостей, — говорит Татьяна Никульшина, отвечающая за PR в инвестиционном банке «Кредитанштальт». — Не потому, что мне жаль денег. Нет. Но журналисты (конечно, не все) отвыкли добывать информацию. У меня есть «черный список» заевшихся изданий, которые за любое сообщение просят денег. Я с ними не работаю. А некоторые другие СМИ требуют писать готовые статьи на заданную ими тему. У меня сразу возникает вопрос: а что делают в этих изданиях журналисты?»

Если вдруг на жизненном пути встречаются «белые» PR и неиспорченная пресса, то между ними могут возникнуть вполне чистые отношения.

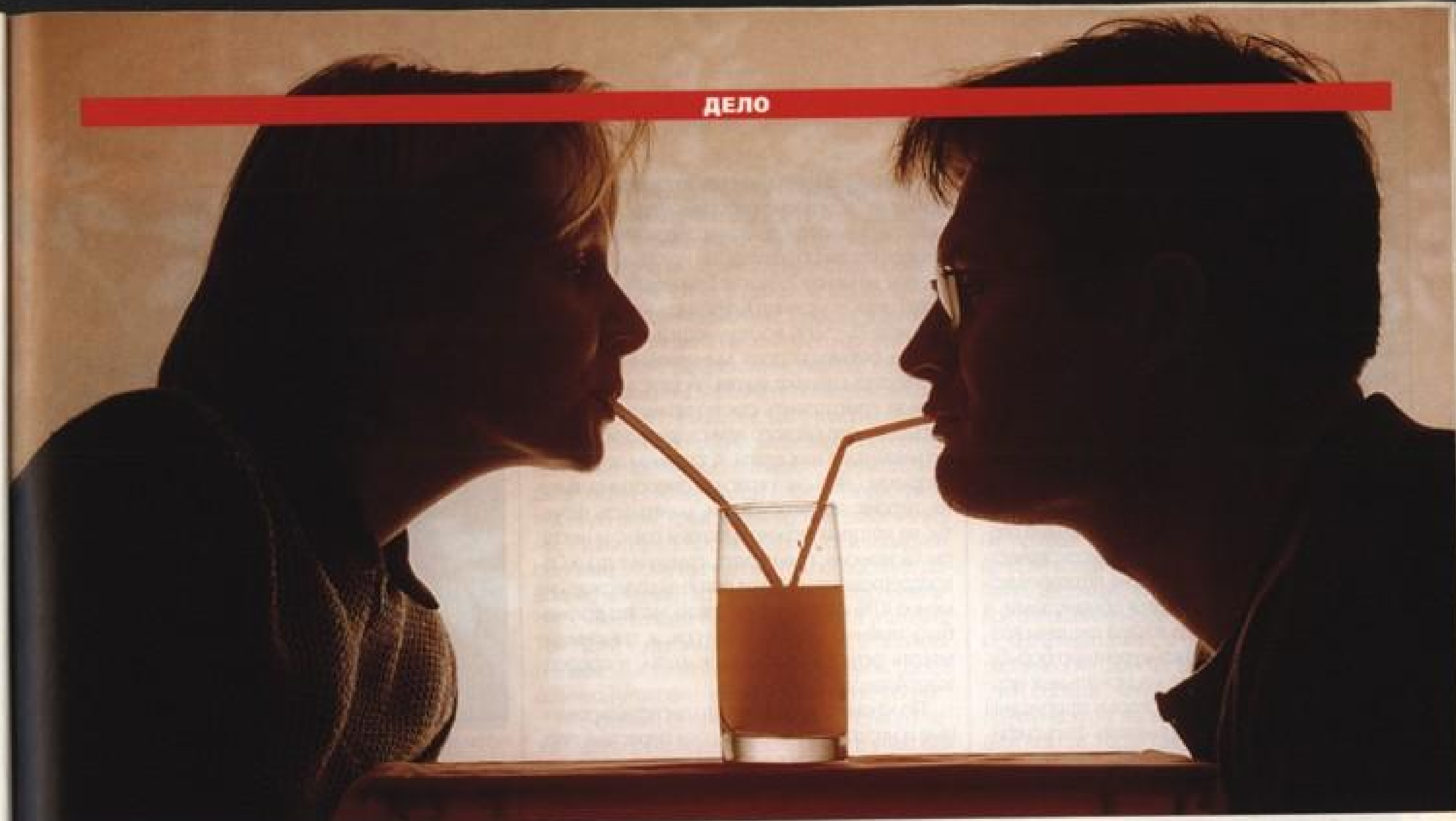

АНДРЕЙ ТРАПЕЗНИКОВ: СЕЙЧАС УЖЕ МОЖНО ГОВОРИТЬ О ГОРАЗДО БОЛЕЕ КОНСТРУКТИВНОМ ПОДХОДЕ СМИ К ОСВЕЩЕНИЮ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

PR-отдел для журналиста в нормальной ситуации служит прежде всего источником корректной информации. Понятно, что в интересах корпорации материалы могут быть подобраны определенным образом. Но ничто не мешает журналисту собирать информацию где угодно. Можно, например, обратиться в PR-отдел конкурирующей организации, чтобы навести справки и там. Если журналисту повезет, в ходе такого обмена неблагоприятной для конкурента информацией обе структуры при его посредничестве могут «обнажиться» почти полностью. В конце концов, упорный автор всегда может провести свое собственное расследование.

В любом случае управление репутацией, как иногда еще называют деятельность по связям с общественностью, будет неизбежно внедряться все глубже в практику российской политики и бизнеса. PR-отделы, на Западе выделившиеся около 10 лет назад из состава управлений по маркетингу, и в России все чаще участвуют в принятии решений. По мнению Александра Борисова, PR-подразделения непременно должны быть встроены в механизм принятия важнейших решений. Иначе они не могут в полной мере отвечать за репутацию компании, считает президент РАСО.

Таким образом, общественное мнение, учтенное при выработке бизнес-стратегии, становится пятым фактором производства вслед за трудом, землей, капиталом и предпринимательской инициативой. ■

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВОДИТЕЛИ МЕЧТАЮТ ДОВЕСТИ ПОТРЕБЛЕНИЕ СОКА В РОССИИ ХОТЯ БЫ ДО УРОВНЯ ФИНЛЯНДИИ

«Живая» вода

Россия выпивает 500 миллионов литров соков и нектаров в год

Ирина Розенберг

ПОТРЕБЛЕНИЕ

Российский рынок фруктовых соков вполне можно считать одним из наиболее динамично развивающихся. Еще четыре-пять лет назад его практически не существовало. А в прошлом году, по оценкам Олега Кузьмина, директора по маркетингу компании Wimm-Bill-Dann, жители России выпили примерно 500 млн. литров соков (включая нектары и сокосодержащие напитки). «Россия уже вошла в десятку стран — основных потребителей соков», — говорит Александр Колеснов, ведущий научный сотрудник Московской государственной академии пищевых производств. Впрочем, относительно крупным рынком Россию можно считать лишь с точки зрения абсолютных объемов продаж. Если же говорить об уровне потребления, то мы пока что отстаем от развитых стран.

Больше всего соков пьют в Германии. По данным маркетинговой службы компании Tetra Pak, потребление соков и нектаров там составляет 46 л на человека в год. Далее следуют США (36 л), Австрия (35 л), Швейцария (30 л). В России же на каждого человека приходится немногим более 3 л соков.

Меньше, чем в России, соки и нектары пьют в Саудовской Аравии, Гонконге (по 3 л на человека), Турции (2 л). Но в этих странах увеличить потребление соков не удается — из-за жаркого климата жители там предпочитают пить другие напитки (ледяной чай, минеральную воду), утоляющие жажду лучше, чем сок. У российского рынка, напротив, очень хорошие перспективы. Во всяком случае, по мнению Олега Кузьмина, потребление соков у нас возможно довести до уровня Финляндии, Канады и Швеции (21—25 л на человека), близких к России по климатическим условиям.

Подкачали стандарты

«В России любят соки и готовы платить за них», — говорит Александр Колеснов. Однако это обстоятельство влечет за собой не только рост внутреннего рынка соков, его привлекательности для импортеров, но и проникновение в нашу страну фальсифицированного товара (имеется в виду продукт, на упаковке которого написано «100% натуральный сок», но на самом деле соком не являющийся). Этому способствует отсутствие в нашей стране совершенных стандартов качества для этой продукции. В России действует принятый еще в 1979 году старый ГОСТ, который не дает четкого определения 100-процентного натурального сока. По словам Александра Колеснова, российский ГОСТ не учитывает показателей качества, используемых для идентификации сока во всем мире. Например, основные параметры определения натуральности у нас — это содержание кислот, растворимых веществ, аромат, цвет. «Условно говоря, если в воде растворить лимонную кислоту, добавить

сахар, ароматизаторы и пищевые красители, получившийся напиток вполне легально можно выдать за сок», — объясняет он.

Российский ГОСТ охватывает не все виды продукции. В нем нет отдельного стандарта на апельсиновый сок, а есть общий стандарт на цитрусовые. Единственный цитрусовый сок, для которого в СССР был разработан отдельный стандарт, был мандариновый (этого хватало, поскольку из них цитрусовых соков в СССР продавался практически только мандариновый).

Отсутствие совершенных стандартов дает возможность торговцам представить как сок практически любые, даже искусственные, напитки, получить на них все необходимые сертификаты и продавать по цене высококачественного сока. В итоге ничего не подозревающие покупатели оказываются обманутыми, а продавцы качественного товара лишены возможности вести честную конкурентную борьбу.

В мире существует ряд национальных нормативных документов, в которых прописаны стандарты, позволяющие выявить фальсификацию. Такие стандарты разработаны в странах — основных производителях и потребителях соков — Германии, Голландии, Дании, Франции. Обобщенный документ существует и для рынка ЕС. Он был разработан в 1993 году «Ассоциацией промышленности ЕС по производству соков и нектаров» и включает в себя требования к качеству на десять видов фруктовых соков и один вид овощного (томатного).

В отличие от российского европейские стандарты содержат группу параметров, позволяющих четко определить качество сока. Эти документы включают в себя подробные комментарии по составу соков и вариациям отдельных компонентов, описание методов анализа соков. Главное требование законодательства большинства стран ЕС к натуральным сокам — стопроцентное содержание натуральных компонентов и полное отсутствие сахара и консервантов (в отдельные соки, например ананасовый, разрешено добавлять сахар или лимонную кислоту, но о таких добавках обязательно должна иметься надпись на упаковке). Натуральным считается сок как отжатый из свежих фруктов, так и приготовленный из концентрированного сока. Поскольку свежеотжатый сок имеет ограниченный срок хранения, большую часть мирового рынка составляют напитки, приготовленные из концентратов. По своему вкусу, питательности и содержанию витаминов они ничем не уступают сокам, выжатым из плодов.

В странах — крупнейших производителях фруктов есть ряд фирм, специализирующихся на производстве и экспорте концентрированных соков. Любой натуральный сок, выжатый из плода, на 80—95% состоит из воды, в которой растворены питательные вещества и микроэлементы. При изготовлении концентрированных соков эту воду удаляют, максимально сохраняя все полезные компоненты. Предприятия, занимающиеся приготовлением и расфасовкой сока, возвращают концентрированному соку естественный процент воды.

Те изделия, в которых воды больше естественного уровня, европейские правила требуют называть нектарами или сокосодержащими напитками. «Согласно европейскому законодательству в нектаре должно содержаться в зависимости от вида фруктов, из которых он приготовлен, не менее 25% и не более 50% натурального сока», — уточнил Александр Колеснов. Остальные 75—50% восполняются за счет воды, сахара, стабилизаторов, минеральных веществ.

Нектары делают из тех плодов, из которых нельзя приготовить сок по причине либо их насыщенного кислого или сладкого вкуса, либо нехватки в них влаги. К таковым относятся, например, черная и красная смородина, вишня, персик, абрикос, банан, манго. Есть фрукты, из которых можно делать и соки, и нектары (апельсин, грейпфрут, груша и т.д.). «Сокосодержащие напитки должны содержать не менее 10% натуральных соков, но это должен быть именно натуральный сок, а, скажем, не мякоть фруктов или их выжимки», — продолжает Александр Колеснов.

По мнению экспертов, фальсифицированные и низкокачественные соки перестанут появляться на наших прилавках только тогда, когда они будут сертифицироваться по нормативным документам, соответствующим международным стандартам. Академия пищевых производств, ВНИИ консервной промышленности, специалисты компании Wimm-Bill-Dann и липецкого СП «Прогресс» подготовили проект нового российского ГОСТа, в основу которого легли международные нормативные документы, в частности, директива ЕС по фруктовым сокам от 21.09.93 и предписание Всемирной организации здравоохранения. Как утверждает Александр Колеснов, новый ГОСТ соответствует еэсовскому. Однако до тех пор, пока его не утвердит Госстандарт, ситуацию на рынке соков вряд ли удастся изменить.

Правда, по словам Александра Колеснова, не так давно ГТК, Госинспекция по качеству, а также сертификационные организации приняли решение оценивать импортную продукцию по европейским стандартам. Однако непонятно, всегда ли они это решение выполняют: во всяком случае фальсифицированного товара в России стало ненамного меньше. Отечественные же производители и вовсе вправе ориентироваться на старый российский ГОСТ, что, правда, делает их изделия неконкурентоспособными.

Марок много, а сока — не очень

«Конкурентная борьба на рынке соков довольно высока, но это не означает, что в России нельзя «раскрутить» совершенно новую торговую марку. Ведь по-настоящему известных соков высокого качества у нас не так много», — считает Олег Кузьмин.

В России сегодня представлено порядка 200 марок соков, из них примерно 50—80 присутствуют на рынке постоянно. При этом на слуху у потребителей не более десятка марок.

Если несколько лет назад потребность в соках у нас практически полностью удовлетворялась за счет импорта, то теперь на долю соков российского производства приходится уже порядка 40% рынка. Самый крупный в России производитель, компания Wimm-Bill-Dann, предлагает уже 14 видов соков и нектаров под маркой J-7. По оценкам экспертов, J-7 доминирует не только среди отечественной, но и среди всей представленной у нас продукции. На ее долю приходится примерно 15—20% российского и 30—40% московского рынка соков.

«Отечественные напитки отличаются по качеству. Выигрывает товар предприятий, ориентирующихся на международные стандарты и использующих качественное сырье», — говорит Александр Колеснов. Высоко ценятся концентрированные соки американской компании Cargill, одного из крупнейших мировых поставщиков сырья для апельсинового сока, имеющего собственные плантации апельсинов в Бразилии. Одним из самых лучших считается российское сырье для яблочного сока.

Центр сертификации и стандартизации продуктов питания Академии пищевых производств периодически проводит экспертизу качества соков. И, как рассказал Александр Колеснов, повышенным качеством отличаются соки J-7, хорошим — соки Останкинского молочного комбината (марка «Сокос», шесть видов) и фирмы «Прогресс» (марка «Привет»), которая свой яблочный сок даже экспортирует. «Товар Очаковского комбината можно оценить как стандартный продукт нормального качества», — продолжает г-н Колеснов. Стандартным продуктом можно считать и недавно появившийся сок Черкизовского комбината (марка «Иван Поддубный») и соки московской фирмы «Бэста».

Поясним разницу между продуктом стандартным, хорошего и повышенного качества. Даже качественные соки отличаются по своему вкусу. В так называемый стандартный сок добавляются стандартные же ароматизаторы, в соки хорошего качества — более дорогие. Имеются в виду натуральные концентрированные ароматизаторы, полученные при изготовлении концентрированного сока в процессе выпаривания влаги из фруктов. Вместе с концентрированным соком производители напитков покупают и концентрированные ароматы. Поэтому они имеют возможность в сок из концентрата, полученного из дешевого сорта какого-нибудь фрукта, добавить ароматизатор от дорогого изысканного сорта. Это могут быть как стандартные эфирные масла (например, из кожи апельсина), так и многокомпонентные ароматизаторы — «живые фрукты» голландской компании IFF.

У НАС ПРОДАЕТСЯ ОКОЛО 200 МАРОК СОКОВ, А НА СЛУХУ У ПОТРЕБИТЕЛЕЙ НЕ БОЛЕЕ ДЕСЯТКА

На качество влияет и рецептура приготовления соков, умение использовать концентраты, полученные из плодов разных сортов. Например, особый вкус сладкому апельсиновому соку придает включение в него волокон апельсина с кислым соком внутри. Все это влияет на цену товара — чем качественнее, тем, естественно, дороже.

Среди фальсифицированной продукции Александр Колеснов назвал апельсиновый и ананасовый соки Тимашевского завода (Краснодарский край), ПКФ «Подсолнух» (Ростов), которое предлагает продукт, вообще не существующий в природе, — натуральный вишневый сок. Сомнительным качеством, по его словам, отличаются и соки Amtel, производимые одноименной компанией.

Среди импорта на российском рынке доминируют венгерские напитки (несколько десятков марок), на долю которых приходится примерно 20% общего внутреннего рынка соков. Венгерские напитки привлекательны своей невысокой ценой (в опте до 85 центов за 1 л). Однако, по мнению Александра Колеснова, большинство из них имеет невысокое качество, а некоторые фальсифицированы.

К высококачественному товару эксперты относят соки Santal (их производит итальянская компания Parmalat), Jaffa Juice и Solo (голландская Menken Drinks), Hortex (Польша), Skipper (итальянская Zuegg), Minute Maid (Coca-Cola), а также английские Del Monte, немецкие Weser Gold и Eckes-Granini, австрийские Rauch.

Наибольшей популярностью у нас пользуются соки Santal, Jaffa Juice, Hortex. Они появились на нашем рынке одними из первых, при этом только Hortex известна еще с советских времен. «Объемы продаж Jaffa Juice (10 видов) в России ненамного ниже, чем продажи J-7», — рассказала Лидия Засельская, менеджер фирмы «Торекс» (официальный дистрибьютер Jaffa Juice).

Соки Santal стоят в два раза дороже, чем другие высококачественные. Правда, в данном случае высокая цена не означает, что этот продукт «особый». По словам экспертов, технология производства Santal и используемое компанией сырье — такие же, как у многих других. Цена на Santal в России завышена. Вероятно, политика компании Parmalat — представлять свои соки как товар класса «люкс». Несмотря на высокую цену, соки Santal прочно завоевали у нас «элитную» позицию и ввозятся в солидных объемах. Этому прежде всего способствует довольно широкий ассортимент и то обстоятельство, что Parmalat предлагает соки в упаковке TBA-SLIM с удобным пластиковым клапаном. Недавно Parmalat начала производить соки в обычной упаковке непосредственно в России.

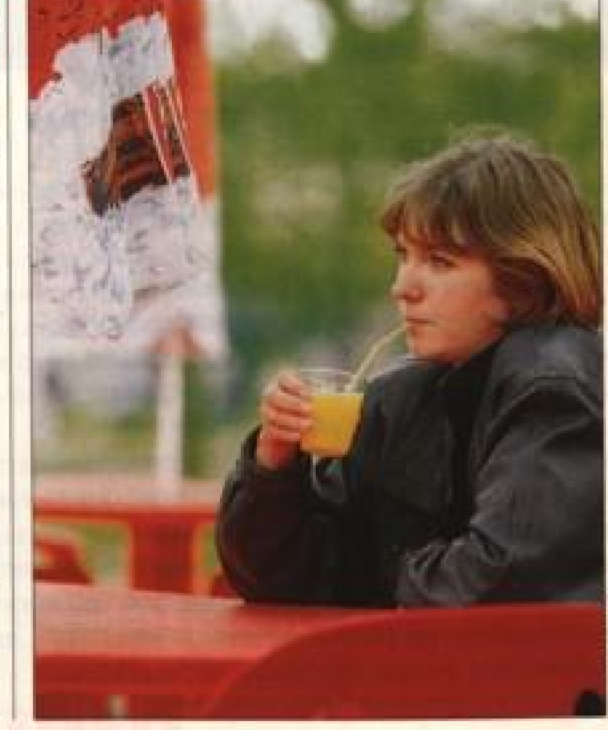
По словам Олега Кузьмина, с июня J-7 тоже будет производить часть соков в упаковке с пластиковым клапаном. Такую упаковку уже

использует и Jaffa Juice. Эти обстоятельства могут пошатнуть позиции Santal. Правда, по мнению Лидии Засельской, соки в новой упаковке не будут пользоваться особым спросом, поскольку стоят дороже, чем в стандартной (например, оптовая цена на апельсиновый сок Jaffa Juice в обычной упаковке — 0,89 долл., а в новой — 0,96 долл.). Олег Кузьмин, со своей стороны, отмечает, что цены на их «новую» продукцию повысятся незначительно и не окажут влияния на спрос.

Привычный вкус сердцу милее

«Летом потребление соков в России сокращается в 1,5—2 раза, — отмечает Лидия Засельская, — наши поставщики этому удивляются». Вероятно, россияне в летний период предпочитают есть свежие фрукты. Наибольшим спросом в России пользуется апельсиновый сок, на долю которого приходится 50—60% внутреннего рынка. В этом россияне не оригинальны, поскольку именно апельсиновый сок составляет 60—70% мирового рынка соков.

Но если в западноевропейских странах на втором месте по популярности яблочный сок, на третьем — мультивитамин (сок из разных фруктов), то в России второе, третье, четвертое места примерно в равной степени принадлежат томатному, яблочному сокам, персиковому и абрикосовому нектарам. Вероятно, яблочный и томатный соки наши граждане пьют по привычке (в советский период именно они преобладали на рынке), а персиковый нектар привлекает своим сладким вкусом и ароматом.

По мнению Лидии Засельской, потребитель не привык к экзотическим вкусам, поэтому вряд ли когда-нибудь полюбит соки манго, папайи. Вероятно, этим объясняется равнодушное отношение наших соотечественников к соку мультивитамин, в состав которого входят тропические фрукты. В целом россияне любят соки больше, чем нектары. Например, у нас практически не пользуется спросом апельсиновый нектар, тогда как жители Европы, напротив, апельсиновый нектар очень любят. ■

Слушайтесь штурмана!

Компьютер годится не только для обработки реляционных баз данных

Егор Быковский

РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Недавно в «Итогах» была опубликована статья моего коллеги про ходовые испытания новых моделей «Вольво». Счастливец! Он сам их и испытывал на каменистых дорогах Калифорнии, среди апельсиновых рощ... Вот-вот, всем бы так. А может, вы любите носиться на своей машине по городу, распугивая бедных старушек и обдавая потоками грязи ни в чем не повинных прохожих? Если вы и вправду настолько неугомонный водитель, да еще и романтик, то испытайте свое мастерство в ралли. Никто, разумеется, не предлагает слетать для этого на другой конец света или стать членом сборной гонщиков. Достаточно купить симулятор автомобильных гонок Rally Championship, созданный фирмой Europpress. Локализация и издание русской версии этого бестселлера, вышедшего в России под названием «Чемпионат Ралли», выполнено компанией «Дока».

«Итоги» намеренно не обращаются к обзорам самых-самых свежих новинок на игровом рынке. Игра должна временем подтвердить свою притягательность. Что и случилось. А игровыми качествами и уровнем графических решений может сравниться, пожалуй, только с гоночным симулятором Screamer2.

Сначала, как водится, я приобрел пиратскую версию игры — попробовать. Кстати, рекомендую всем читающим статью владельцам магазинов, торгующих лицензионными программами, предлагать покупателям за небольшую цену демо-версии игр, иначе пиратский рынок не исчезнет никогда. Купив, через пару дней понял: это надолго. Пришлось раскошелиться на лицензионную версию. Устанавливая ее на редакционный компьютер, краем глаза уловил недоверие на лице одного из коллег. Прочитав в руководстве фразу про «самый реалистичный симулятор ралли из всех когда-либо созданных», он громко и раздельно произнес «ха! ха! ха!» и удалился. И был не прав, ибо менеджер по маркетингу, приложивший руку к созданию руководства, не сильно погрешил против истины.

Я всегда предпочитал гонкам и стрелялкам стратегические игры, но в этот раз смог встать из-за компьютера лишь через четыре часа беспрерывной езды. «Чемпионат Ралли» — это действительно нечто особенное. Графика, симуляция движения, эффекты, звуковое и музыкальное сопровождение сделаны и написаны так качественно, что с неплохими наушниками (или динамиками) можно забыть, что перед тобой не забрызганное дождем ветровое стекло, а всего лишь монитор, что руки лежат не на рулевом колесе, а только лишь на клавиатуре.

«Ралли» предоставляет на выбор четыре режима — езда на время, индивидуальная езда, чемпионат и аркада. Если вас смущает, что за всех ваших многочисленных соперников во время «чемпионата» «крутит баранку» компьютер, можно пригласить друзей (числом до семи) разделить с вами счастье настоящей мужской езды по ступицу в грязи, под проливным дождем, в темноте и с разбитой левой фарой — если, конечно, в вашем офисе есть сеть и нет строгого начальника.

Приятно то, что компьютер не решает за вас, с какими именно параметрами симуляции будет работать ваша игра, среди каковых имеются вид горизонта, размер окна игры, «достоверность» игры и прочее. Вы можете задать все параметры «по высшему» и благополучно «вылететь» или «зависнуть» — и только в этот момент вспомните, что собирались в магазин за Pentium-Pro лишь на следующей неделе, а пока что одолжили у дедушки его видавший виды 486DX2-66. Если серьезно, то для нормальной игры требуется процессор от 486DX4-100 и 4XCD-ROM. И, конечно, звуковая карта, потому что без нее вы не услышите, как стучат камешки по днищу на гравийных участках. Как натужно воет коробка скоростей, когда на скорости 140 км/ч вдруг переключается на «нейтралку». Как ваш штурман взволнованно кричит: «Сейчас сложный направо, после него — прыжок!». Ибо если не слышать всего этого (а особенно последнего), то прыжок вы рискуете совершить колесами вверх, со всеми вытекающими неприятными последствиями (отмечу, впрочем, что сообщения штурмана дублируются символами на экране).

Для очень ленивых или неопытных есть возможность выбора между механической и автоматической коробками передач. Не надо пренебрежительно улыбаться: один мой приятель, превосходный автомобилист и победитель, кстати, многих настоящих ралли, за первые несколько попыток с трудом проехал по нескольку сот метров. Я сам ни разу не выиграл ни одного этапа в режиме «чемпионата» — правда, задал довольно высокий «интеллектуальный уровень» соперников, с одной стороны, и максимально приближенный к реальности уровень «жизнестойкости» моей железной лошадки.

Между этапами можно дать указания виртуальным механикам сменить передаточные числа коробки передач, высоту и мягкость подвески, тип резины, перебрать мотор, отрегулировать чувствительность рулевого управления. Не делайте этого наобум — если на следующий этап предстоит выезжать в 19.00, неплохо бы заменить разбитые фары, ибо с фонариком впереди ваш штурман не побежит.

Вы уже сбегали в ближайший киоск и купили пиратскую копию? Во-первых, напоминаю, что покупать следует лицензионные версии, а во-вторых, если вы уже сели за руль, заглядывая одним глазом в журнал, то дам последний совет: не начинайте гонку с фальстарта! Здесь все по-настоящему! За каждый фальстарт получите штрафную минуту. А за каждый вылет с дороги при неаккуратном вождении компьютер будет неумолимо набавлять штрафные секунды. Судья здесь всегда рядом — вот одно из немногих отличий от настоящего ралли. ■

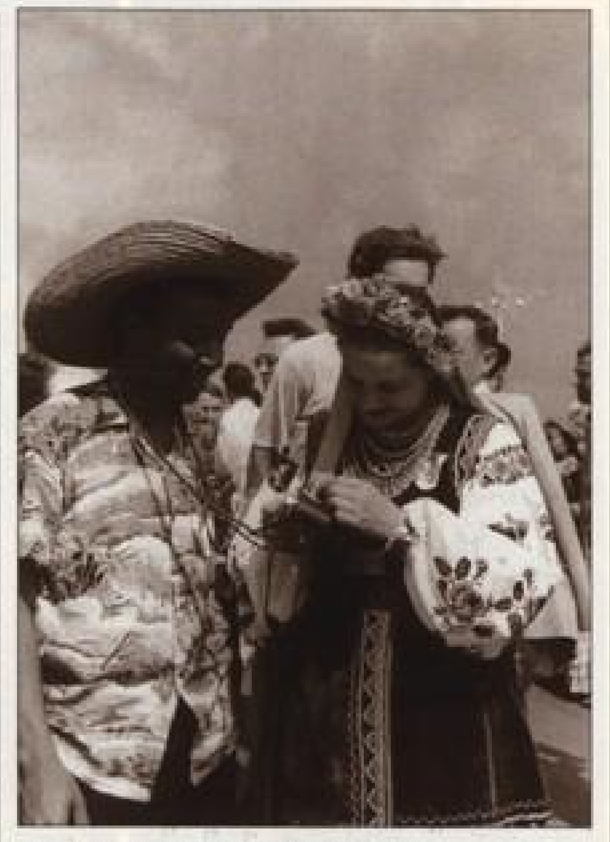
Укол свободы

Человеческая история Московского фестиваля 1957 года еще не написана

«НЕ ЗАБЫТЬ МНЕ ОЧЕЙ ТВОИХ ЯСНЫХ И ПРОСТЫХ ТВОИХ ЛАСКОВЫХ СЛОВ...»

Денис Драгунский

ПОВОРОТ

«КОРИЧНЕВАЯ ПУГОВКА ВАЛЯЛАСЬ НА дороге». Мальчик нагнулся, поднял пуговку, увидел на ней иностранные буквы, отнес пуговку в НКВД, и шпиона тут же поймали. Детские книжки были полны такими историями про бдительных пионеров. Ко всему иностранному относились как к источнику повышенной опасности. 1957 год. Всего двенадцать лет назад закончилась война. Освобожденных из плена солдат немедленно арестовывали. Шпионов боялись? Нет, боялись тех, кто хоть в плену, а все-таки видел, как за границей люди живут.

Еще не все вернулись из лагерей. Еще действует Уголовный кодекс со статьей 58-6 («связи, ведущие к подозрению в шпионаже»). По ней уже лет пять не сажают, но формально любой несанкционированный контакт с иностранцем пока еще приравнен к государственной измене. Еще не выветрилась из памяти «борьба с низкопоклонством». Запрещают западные танцы и музыку, публично срамят «стиляг». И вдруг — свободное общение молодежи и студентов всего мира на улицах Москвы. Фестивальный цветок с пятью разноцветными лепестками и белым голубем в середине был выращен в оранжереях ЦК КПСС — но он перерос своих заботливых садовников.

Для ломки сознания советских людей фестиваль, быть может, был важнее XX съезда партии. В Кремле дрались реформаторы и консерваторы, старые партийные зубры и примкнувший к ним Шепилов пытались скинуть Хрущева, впереди маячил еще более антисталинский XXII съезд и еще более крутой откат, но это было уже неважно. В Москве на пару недель поселилась свобода — урезанная, подконтрольная, но все же поразительная в своей новизне. Фестиваль стал уколом свободы. Эта маленькая инъекция навсегда изменила привычный обмен веществ в советском организме. С тех пор пуговка с иностранными буквами по ободку могла свободно валяться на тротуаре. До настоящей свободы еще далеко — но путь уже обозначен.

До фестиваля все иностранцы были для нас персонажами из «Мистера Твистера». Европейцы и американцы — эксплуататоры и колонизаторы. Чернокожие и желтые — угнетенные народы, которые с надеждой взирают на СССР. «Народные демократы», китайцы и индийцы, — наши братья навек. Есть еще рабочий класс Европы и Америки, который тоже на нас восхищенно взирает.

При первой же встрече оказалось, что иностранцы — это живые люди, не угнетатели и угнетенные, а просто парни и девушки. В крайнем случае демократическая молодежь.

«Солидарность демократической молодежи мира» — это был официальный лозунг фестиваля. Получалось, что наши парни и девушки тоже принадлежат к демократической молодежи мира.

Если бы парни всей земли
вместе однажды собраться смогли —
вот было б весело в компании такой,
и до грядущего подать рукой!

Сейчас эта песня воспринимается как советская праздничная официальщина, но тогда в ней слышалось другое. Грядущее принадлежит всем — и поэтому молодежь должна общаться поверх границ, режимов и идеологий. Рушились бастионы, возведенные в советском сознании. Берлинскую стену еще не построили, но она уже была обречена на слом.

И случилось самое главное. Оказалось, что мы — тоже люди, а не граждане первого в мире социалистического государства, не носители самой передовой идеологии и не работники великой всемирной армии труда. Государство с государством не сходится, а человек с человеком — почему бы и нет?

В эти короткие недели свободы с иностранцем можно было запросто познакомиться, поговорить, погулять, пригласить его в гости, подружиться с ним. Подарить ему часы «Победа» и получить в ответ галстук с гавайскими красотками на фоне пальм — и все это без предварительного согласования в парткоме по месту работы. Просто запомнить хорошего человека или начать переписку с новым другом. Переписываться с иностранцем — пять лет назад об этом нельзя было и подумать.

Иностранца можно было даже полюбить! Были мимолетные романы, были свадьбы, были, наверное, разочарования и драмы. Но навсегда кончилось то время, когда Черчилль лично просил Сталина помиловать девушку, которая полюбила английского моряка.

Наше плотно законопаченное общество стало раскрываться навстречу окружающему миру.

От редакции. Про Московский фестиваль, изменивший жизнь поколения, издано много книг с цветными фотографиями. Но настоящая, человеческая история фестиваля еще не написана. То, что называют «поворотным пунктом в развитии общественного сознания», на деле состоит из личных судеб.

Наш журнал планирует отметить славный юбилей (40-летие) Московского фестиваля. Мы будем благодарны всем, кто захочет нам помочь и откликнется на нашу публикацию: тем, кто помнит фестиваль, и тем, чьи родители были его участниками и сохранили семейные архивы, письма и фотографии.

Сползание в диссидентство

Институт истории РАН выпустил книгу воспоминаний об Александре Некриче «Отрешившийся от страха»

Сергей Иванов

МЕЖВРЕМЕНЬЕ

ВОСПОМИНАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ ОБ АЛЕКсандре Некриче, собранные его друзьями и коллегами, вряд ли поразят молодого читателя. С одной стороны, ничего особо впечатляющего — никого из героев книги не убивают и даже не сажают. Самое драматичное событие — изгнание Некрича из «партии» (под этим словом, поясню для молодых, раньше подразумевалась КПСС), откуда он, по собственному признанию, и сам вышел бы, да храбрости не хватало. Молодой читатель наверняка не оценит множества изумительных примет эпохи, рассеянных по этой книге, — примет, которые старшие поколения уже стали подзабывать, а младшие, слава Богу, никогда не знали: например, что значит фраза «есть мнение»? Или кто такой «подписант»? Или почему впадает в отчаяние одна мемуаристка, когда ей «предложили выступить на активе», и чем так гордится другой, который всего лишь «подходил в коридоре» к герою книги? Но главное, этому гипотетическому молодому читателю так и останется непонятно, из-за чего в 1966 — 1967 годы в советской исторической науке случился весь этот скандал.

Некрич долго был лояльным историком и коммунистом. Подобно многим другим, он боролся с «буржуазными фальсификаторами истории», соглашался на конъюнктурные правки и не чаял подрывать основ. Его сделал борцом необычный период между снятием Хрущева и оккупацией Чехословакии. Тогда смертельный и безразборный страх сталинского времени уже отступил, а новый, прихотливый страх времени брежневского еще не сформировался.

Это было странное время, когда концепция внутреннего врага у власти не созрела и когда люди, подписывавшие письма протеста или размножавшие подпольную литературу, сами пока не осознавали себя внутренними врагами власти. Будущие диссиденты еще не полностью отпочковались от организма либеральной интеллигенции, а она — от «оттепельной» власти. Тогда Солженицын еще спокойно входил к Твардовскому, а тот — в ЦК.

Пока либеральный партком Института истории АН СССР плечом к плечу воевал с реакционной дирекцией, Александр Некрич был просто одним из многих. Мало того, пока он писал свою книгу «1941. 22 июня», он все еще оставался частью общелиберального движения. Да-да, ставшая бестселлером, запрещенная, переведенная на семь языков, а в конечном счете переменившая всю жизнь Некрича и выдавившая его в эмиграцию, эта небольшая книга вряд ли была задумана им как сенсация: написанная по обстоятельствам того времени, без привлечения архивов, она находилась в русле тех откровений о войне (наряду с «открытием» Брестской крепости и многим другим), которыми Хрущев позволял ущучивать Сталина. Но вышла работа уже после Хрущева, в 1965 году, когда поток обличений велено было остановить. Это определило судьбу книги. Некрич отказался каяться в своих «ошибках». Это определило судьбу автора. Целый ряд коллег встал на его защиту. Это определило судьбу Института истории, за «нездоровую атмосферу» подвергнутого расчленению.

Но тут уже пролегла и линия раздела: либеральные коллеги, из которых иные даже пострадали, остались тем не менее по одну сторону, а Некрич — по другую. Он окончательно отрешился от страха.

Впрочем, в истории этого времени много непонятного. В том же самом 1967 году, когда Некрича выгоняли из партии, вышел русский перевод работы английского историка Александра Верта «Россия в войне. 1941 — 1945». Первая глава этой монографии посвящена той же теме — неподготовленности СССР к войне. Да и вся книга Верта наполнена таким количеством «антисоветских» фактов (паника 16 октября, Катынь, Варшавское восстание), что вполне сгодилась бы тому же Некричу для обвинений в «буржуазной фальсификации», выйди она несколькими годами раньше.

Кто разрешил ее печатать? Зачем? Вот бы исследовать. Видимо, в правящем слое еще некоторое время царила рассогласованность и неразбериха.

Скажем, будущий архитектор перестройки Александр Н.Яковлев с трибуны Политехнического музея обвинял Некрича в том, в чем теперь обвиняют его самого — в работе по заданию Запада, а вот президент Академии наук Мстислав Келдыш хоть и славился своей сервильностью, тем не менее не позволил лишить того же Некрича докторской степени.

Застой еще не настоялся.

Зеленый шум

Российский «зеленый» радикализм черпает идеи и кадры из анархизма, а популярность — из произвола властей

Борис Жуков

РАДИКАЛЫ

ПРЯМЫЕ ДЕЙСТВИЯ ШИРОКО ИСПОЛЬЗУЮТСЯ И РЕСПЕКТАБЕЛЬНЫМИ ЭКОЛОГИЧЕСКИМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ. В ПОСЛУЖНОМ СПИСКЕ «ГРИНПИСА РОССИИ» — АКЦИИ НА БАЙКАЛЬСКОМ ЦЕЛЛЮЛОЗНО-БУМАЖНОМ КОМБИНАТЕ (ВВЕРХУ), В ГОРОДЕ ДЗЕРЖИНСКЕ И НА ЛЕСОРАЗРАБОТКАХ В КАРЕЛИИ (СПРАВА)

РАДИКАЛИЗМ — ПОНЯТИЕ УСЛОВНОЕ: В ЛЮбом достаточно широком движении можно найти своих умеренных и своих радикалов. Кроме того, радикализм конечных целей не всегда совпадает с радикализмом методов. Так, некоторые участники российского экологического движения полагают, что остановить глобальный экологический кризис можно только путем резкого — раз в десять — сокращения численности человечества. Однако никаких практических действий в этом направлении они не только не предпринимают, но и не предлагают, считая, что человечество и само успешно справится с этой задачей.

Что же касается радикализма методов, то у наших граждан, далеких от экологических проблем, он обычно ассоциируется со словом «Гринпис». Широкой публике эта организация известна в основном демонстративными, часто костюмированными акциями против ядерных испытаний, китобойного промысла и т. п. На самом деле такие акции составляют сравнительно небольшую и далеко не главную часть работы «Гринписа», занятого в основном пропагандистскими и просветительскими кампаниями, сбором и обнародованием экологической информации и прочими вполне респектабельными делами. Впрочем, и сами акции «Гринписа» чаще всего не выходят за рамки закона. Обычно дело сводится к нарушению ведомственных инструкций: проникнуть без разрешения в запретную зону или блокировать собственными телами какую-нибудь технику... Максимум, что могут позволить себе участники акций, — это административные нарушения вроде несанкционированного пикетирования.

Тех, кто считает подобную тактику недостаточно радикальной, объединяет движение «Хранители радуги». В настоящее время в России неизвестны какие-либо радикально-экологические группы, не входящие в это движение. Правда, в марте прошлого года по компьютерным сетям прошло сообщение некоего «Интернационального зеленого фронта» о том, что он берет на себя ответственность за пожар в офисе одиозного для экологистов РАО «Высокоскоростная магистраль». Однако с тех пор никто о такой организации не слышал, как никто не слышал о ней и до этого сообщения, а сотрудники РАО ВСМ категорически отрицают факт пожара. Так что реально сегодня экологический радикализм в России — это «Хранители радуги» (ХР).

Возникновение движения можно датировать 1989 годом, когда во время акции против открытия завода по уничтожению химоружия в Чапаевске встретились и познакомились его основатели — несколько активистов тогдашних анархистских организаций из разных городов. На следующий год, собравшись в лагерь протеста против Балаковской АЭС, они провозгласили создание движения «Хранители радуги» (название было условным, но так с тех пор и осталось). В новое движение приглашали всех, но приглашения шли по каналам связи анархистов, и идейно-организационные основы «Хранителей» оказались круто замешены на идеологии анархизма. С самого начала было решено не участвовать в борьбе за власть, не создавать централизованной организации и ориентироваться в основном на прямые действия.

«Хранители радуги» не имеют фиксированного членства — участником движения считается всякий, кто этого желает и принял участие хотя бы в одной радикальной акции, вне зависимости от того, была ли она организована ХР или кем-нибудь еще. Считается, что в движении нет и никакой иерархии, хотя допускается, чтобы у проекта или рабочей группы был свой координатор. Общую численность «Хранителей» можно оценить лишь приблизительно, но обычное число адресов рассылки — 200—300, иногда до 500. Входящие в ХР группы существуют в ряде городов России, на Украине, в Белоруссии, отдельные участники живут в Казахстане и Таджикистане.

Внутренняя структура движения не унифицирована и непостоянна. В него входят устойчивые местные группы, временные рабочие группы (для подготовки лагеря протеста, демонстрационной акции и т. п.), постоянные или долговременные проекты («Радикальная защита лесов», «Чистый воздух», антиядерный проект, журнал «Третий путь» и другие) и иные формы объединения. Каждое такое образование может само принимать решения, проводить собственные акции, определять свои отношения с иными организациями. Например, ряд групп и проектов ХР входят на правах коллективных членов в Социально-экологический союз (СоЭС) — наиболее авторитетное экологическое движение на территории бывшего СССР, хотя ХР как целое в него не входит. В ХР нет ни одного штатного сотрудника — вся работа ведется на общественных началах. Приобретение необходимого оборудования и материалов, транспортные расходы и т. п. оплачиваются из личных средств участников и в небольшой степени — из редких и малочисленных грантов и гонораров за выполненные по чьему-либо заказу исследования.

Наиболее заметной формой деятельности ХР можно считать летний лагерь протеста. Такие лагеря проводятся по одному (реже — два параллельных) в год, в теплый сезон, у какого-нибудь промышленного объекта, признанного наибольшей угрозой для экологии. (Количество вредных объектов намного превышает возможности ХР, поэтому каждый год «Хранители» проводят своеобразный конкурс: куда ехать протестовать?) Обычно в лагере живут человек 30—50, но состав сменный: одни приезжают, другие уезжают. За годы существования ХР их лагеря стояли у Балаковской АЭС, Запорожского коксохимического комбината, Ленинградской АЭС, каменного карьера в национальном парке «Самарская Лука», стройплощадок завода рапсового масла в Липецкой области, нефтеналивного терминала под Одессой и газового — на Таманском полуострове, строящейся Ростовской АЭС. В этом году подобное испытание ожидает АЭС в Темелине (Чехия) и вновь Ростовскую АЭС.

Слово «испытание» надо понимать буквально: лагерь «Хранителей» может доставить немало хлопот своим «избранникам». В Запорожье пять человек две недели сидели на высотных трубах коксохимического комбината, а когда это не возымело действия, «Хранители» просто захватили помещение заводоуправления. В Липецке, когда глава областной администрации в очередной раз не прибыл на условленную встречу, одна группа захватила его кабинет, а другая влезла на крышу здания обладминистрации и поменяла трехцветный флаг на черный. Поднятый по тревоге местный отряд по борьбе с терроризмом, вломившись в кабинет, сильно удивился виду безоружных волосатых «террористов». (В результате им инкриминировали всего лишь «нарушение правил ведения пикета». Когда же адвокат ХР потребовал привлечения губернатора в качестве свидетеля и приобщения к делу всех материалов по заводу, дело тут же закрыли «за отсутствием состава преступления».)

Под Жигулевском участники акции проникали в зону взрывных работ и усаживались прямо на шурфы с заложенной взрывчаткой. В Одессе «Хранители» блокировали строительство, залезали на технику, захватили управление терминала. Во время захвата строительной базы Таманского газового терминала одна из групп, захватившая ангар, держалась против охранников стройки больше суток. (Там пятеро экологистов получили-таки по пять суток административного ареста, но и начальник охраны стройки был осужден на год условно — при удалении «захватчиков» с территории базы его подчиненные в методах не стеснялись.)

Однажды (правда, уже не в рамках лагеря протеста) «Хранители» даже пытались блокировать ворота штаба Объединенных воору-

«ХРАНИТЕЛИ РАДУГИ» В ДЕЙСТВИИ: АКЦИЯ ПРОТЕСТА ПРОТИВ СТРОИТЕЛЬСТВА РОСТОВСКОЙ АЭС И БЛОКАДА МОСКОВСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ФИРМЫ «СИМЕНС» (СПРАВА)

женных сил СНГ, протестуя против учений российских войск в таджикском заповеднике «Тигровая Балка». «Мы считаем допустимыми любые средства, кроме насилия над человеческой личностью, — поясняет авторитетный участник ХР, координатор проекта «Радикальная защита лесов» москвич Максим Кучинский. — Мы достаточно скептически относимся к закону, хотя стараемся, чтобы наши действия были юридически неуязвимы. Все тоталитарные режимы успешно проводили свою политику именно через законы. Надо мыслить не в рамках закона, а в рамках морали».

Отдельные группы «Хранителей» идут еще дальше, практикуя так называемый экосаботаж. Например, на участок леса, отведенный под вырубку, приходит (обычно ночью) группа «Хранителей» и забивает в стволы обреченных деревьев длинные гвозди (предварительно вымоченные в керосине, чтобы не занести грибок). При попытке спилить такое дерево бензопила разлетается в клочья, способные серьезно поранить лесорубов. Впрочем, обычно им оставляют таблички-предупреждения: лес зашипован, спилить все равно не удастся, только покалечитесь. Бывали случаи порчи лесорубной техники, однажды дошло до ее подрыва. Правда, подобные акты всегда применялись только к машинам, в которых в тот момент не было людей. (О диверсиях с жертвами, по мнению еще одного авторитетного «Хранителя» — главного редактора журнала «Третий путь» нижегородца Сергея Фомичева, не может быть и речи: «Все природоохранные организации — и в России, и на Западе — не допускают даже мысли об убийстве человека, это абсолютное табу».) Однажды группа «Хранителей» проникла в виварий и выпустила предназначенных для физиологических опытов собак. Правда, ровно половина освобожденных псов вскоре вернулась обратно. Об экологичности этой акции говорить трудно: бродячие собаки — одно из самых страшных бедствий для естественных экосистем.

Впрочем, как говорит сам г-н Кучинский, «мы прежде всего альтернативисты, и наш экологизм — это реакция на враждебные действия существующей системы». Под «системой» понимается все устройство современного мира — все социальные институты (власти, бизнес и даже общественные организации, в том числе и умеренные экологические) и все режимы: западные демократии, тоталитарные диктатуры, нефтяные эмираты, племенные африканские государства... Все они основаны на насилии, иерархии, манипулировании человеком и эксплуатации природы и потому все обречены. «Мы исходим из того, что экологическая катастрофа уже происходит, и Землю от нее ничто не спасет. Но есть регионы, которые еще можно спасти, — продолжает г-н Кучинский. — Уже начинают рушиться геополитические структуры. Уже идут массовые перемещения населения по планете. Буквально на наших глазах, максимум лет через 30 закончится нефть. Будет совсем другая картина мира».

Мой собеседник убежден в том, что правовое государство — это миф, парламент и политические партии — абсурд, а любые выборы — акт добровольного отказа человека от своего священного права все решать самому. Пользуясь тем, что наш разговор происходил в больнице, где активист ХР поправлялся после операции, я обратил его внимание, что люди постоянно передоверяют свое право решать не только политикам, но и врачам, водителям общественного транспорта и много еще кому, хотя все эти получатели наших прав, как и политики, небезгрешны. «Ну, это все-таки специалисты, — возразил после недолгого замешательства г-н Кучинский. — Кроме того, чтобы решать эти вопросы, не нужно иметь на вооружении какую-то социальную утопию».

По словам г-на Кучинского, «Хранители» ведут подготовительную работу по созданию новой модели общества, основывая альтернативные экологические поселения под Ржевом, в Пензенской области и участвуя в таком поселении в Адыгее. В экологическом отношении альтернативными в этих селениях можно считать пока только источники энергии — ветряки, которые еще предстоит поставить. Главное — там будут совсем другие отношения между людьми.

Г-н Фомичев настроен несколько менее эскапистски («у нас просто нет сил сейчас всерьез заниматься альтернативными поселениями») и допускает более тесное сотрудничество с существующим обществом. Однако и он считает существующее положение вещей порочным и уповает на иные социальные формы, к которым должно прийти большинство населения. Чертами будущего общества должны стать добровольное ограничение потребления, отсутствие иерархии и стремление максимизировать не материальные блага, а личную свободу, в том числе свободное время.

На этом пункте стоит остановиться особо. «Зеленых» часто подозревают в тоталитарных тенденциях. Действительно, экологизм — пожалуй, последняя идеология, имеющая основания претендовать на обязательность для всех. Можно смириться с тем, что твой сосед не верует во Христа, равнодушен к футболу или ставит мир выше территориальной целостности державы. Но правила экологической безопасности должны выполнять все. Если всего один житель будет сливать помои в пруд, откуда вся деревня берет воду, чистоплотность его земляков уже не будет иметь никакого значения. В России есть свои (весьма немногочисленные) сторонники «экологического тоталитаризма», но «Хранители радуги» к ним не относятся и в эффективность тоталитарного государства не верят.

Их скорее можно поставить в другой ряд. Во все времена, при любом строе находились люди, для которых были неприемлемы не те или иные проявления мира, а сам он: ессеи, первые христиане, альбигойцы, пуритане, русские старообрядцы... В древности и средневековье порочному миру предписывалось погибнуть непосредственно от божьего гнева, в прошлом веке — от своеволия граждан и войны всех против всех, в наши дни причиной скорого конца света назначен экологический кризис. Сценарий, впрочем, все тот же: неправедный мир рухнет под тяжестью своих грехов, и спасется лишь горсточка верных.

А коли так... В Германии участники недавних массовых протестов против рейса «поезда смерти» (среди которых, кстати сказать, были и некоторые «Хранители») подкладывали костыли на рельсы, делали подкопы под улицы, по которым должны были везти одиозный груз. Наверное, провоз высокоактивных ядерных отходов через густонаселенную страну в самом деле опасен. Но разве возможная авария не умножает эту опасность?

«Ну что вы! — парирует г-н Фомичев. — Все знали, что там действует система безопасности. А значит, результатом таких актов саботажа будет не авария, а задержка в продвижении...»

Вот так. Обвинять «систему» в злонамеренном пренебрежении опасностью — и полагаться на принятые ею меры безопасности. Считать закон и правовые механизмы мифом и обманом народа — и апеллировать к ним при всяком удобном случае. Давить на власть, принуждать ее к принятию определенных решений — и тщательно уклоняться даже от косвенной ответственности за ее действия. Глядя на подобную инфантильную безответственность, как-то трудно поверить, что перед тобой ростки будущего человечества.

Но в России у этой медали есть и другая сторона. Российская власть — беззаконная, шулерская и предельно неуверенная в себе. Не встречая сопротивления, она наглеет, встретив — моментально теряется. В Липецке, где, как мы помним, губернатор систематически не являлся на им же назначенные встречи с экологистами, неизвестные люди в штатском столь же систематически снимали информационный пикет «Хранителей»: не предъявив никаких документов, силой грузили их вместе с плакатами и палаткой в машину, увозили километров за двадцать от города и выкидывали в чистом поле. На лагерь протеста против Ростовской АЭС напали некие люди в камуфляже и с автоматами, назвавшие себя ОМОНом, избили участников, отобрали аппаратуру. Возбужденное по заявлению потерпевших уголовное дело тихо умерло в военной прокуратуре, хотя троих из нападавших удалось опознать среди охранников АЭС. А Жигулевск? Рассказать законопослушному европейцу или американцу, что в национальном парке при полной поддержке властей ведутся постоянные взрывные работы, — не поверят!

Можно писать жалобы властям, бить тревогу в прессе, обращаться в суды, вносить депутатские запросы. Все это будет рассматриваться годами, и все это время в заповедных лесах будут стучать топоры и визжать бензопилы. В свое время питерские «зеленые» путем долгой тяжбы добились признания незаконным выделение дачных участков на территории уникальной Линдуловской рощи — а на следующий день губернатор Ленинградской области просто изменил своим решением границу заказника.

А вот сталкиваясь с «акциями прямого действия» и не сумев сразу подавить их, власть обычно трусит. Взять хотя бы список лагерей протеста ХР. Завод в Чапаевске перепрофилирован в учебный центр. Балаковская АЭС — 4-й блок пущен, но дальнейшее строительство не ведется. Запорожский коксохим — закрыты два наиболее вредных цеха. Липецкая область — отменено решение о строительстве завода. «Самарская Лука» — добыча камня прекращена, на месте карьера пруд. Горьковская атомная теплостанция перепрофилирована в завод шампанских вин. «Тигровая Балка» — подписано соглашение о прекращении военной активности на ее территории (это был первый документ, подписанный всеми участниками таджикского конфликта!). Одесский терминал — Верховная Рада прекратила финансирование. Таманский терминал — формального решения не принято, но строительство не ведется. Ростовская АЭС — глава обладминистрации подписал отказ от

ПОВЕТРИЕ

Желудок как центр социальных битв XXI века

Могла ли предполагать Астрид Линдгрен, когда писала «Малыша и Карлсона», что ее безобидный толстяк с моторчиком станет идеологическим противником для тысяч молодых соотечественников?

Единственная, но непростительная вина Карлсона — его горячая любовь к мясным тефтелькам. «Мясо — это смерть, а те, кто его ест, — соучастники преступления», — считают 25 тысяч молодых шведов-веганов, для которых употребление в пищу мяса, мясных продуктов, рыбы, молока и яиц, короче, всего, что имеет какое-то отношение к животному миру, равноценно каннибализму. Мир для них четко разделен на «своих» и врагов — активных и пассивных убийц беззащитного мычаще-блеющего племени».

Если веганов можно назвать «продвинутыми» вегетарианцами, то в авангарде этого неоформленного молодежного движения находятся воинствующие веганы, не останавливающиеся в своей борьбе за права животных перед насилием. Считается, что их в Швеции двадцать пять — тридцать человек, но от проводимых ими «акций», начиная с поджогов мясокомбинатов и кончая налетами на исследовательские лаборатории, где содержатся подопытные животные, шум большой, убытки

«ЖИВОТНЫЕ ЧУВСТВУЮТ, КАК МЫ. ИМ СТРАШНО И БОЛЬНО, КОГДА ИХ УНИЧТОЖАЮТ».

исчисляются десятками миллионов крон, и все это в глазах общества делает разношерстную вегано-вегетарианскую компанию опасной и непредсказуемой. Общество старших со всеми его научными и охранительными институтами оказалось не готово к встрече с новой реальностью. Призыв веганов «ненасилие начинается с вашей тарелки» понять и принять среднему шведскому гражданину, до сих пор успешно сочетавшему любовь к национальной колбасе фалукорвь с бытовым гуманизмом, слишком трудно. Еще труднее согласиться христианам, для которых приоритет человека над всеми прочими живыми существами освящен Библией. Михаел Ханссон, работающий в шведской церковной газете, жалуется, что молодежь сегодня все чаще просит объяснить позицию христианства по отношению к животным и напрямую спрашивает, был ли Христос вегетарианцем. «Это тот вызов, на который надо искать ответ», — констатирует церковный журналист.

— Когда веганы чрезмерно акцентируют внимание на правах животных, у меня складывается впечатление, что они чувствуют большую солидарность с ними, чем с людьми, — говорит Вероника Абнерссон, возможно, единственный исследователь в Швеции, серьезно занимающийся веганами. Проведя большое количество интервью с веганами, Вероника Абнерссон была поражена примерами их поистине «нечеловеческого» гуманизма: девочка говорила, что для нее съесть бутерброд с ветчиной все равно что съесть своего родственника, а ее сверстник отказывался от меда, так как он «не хочет порабощать пчел».

Однако главные противники веганов сегодня не «слепые пожиратели свиных и коровьих мускулов, одетые в шкуры трупов и носящие на ногах обувь из кожи умерших», а воинствующие веганы, называющие себя Animal Liberation Front (Фронт освобождения животных).

Когда эти экосаботажники под предводительством загадочной дамы, о которой известно, что ей 45 лет и ее зовут Эмили, совершают налет на звероферму, где в пылу борьбы отключают питьевую воду у сотен норок или, освобождая двух подопытных крыс из лаборатории, доводят до разрыва сердца от испуга тамошних кроликов, общество мясоедов укрепляется в своем убеждении, что веганы в лучшем случае ребята «с приветом», а в худшем — просто хулиганы. В многочисленных интервью Эмили утверждает, что все живые организмы — от бактерий до человека и слона — одинаково ценны для матери-природы. Но погрязшие в мясоедстве шведы отказываются признать равной себе чумную бациллу или бледную спирохету.

— У этих ребят мозги совершенно набекрень, когда они сравнивают ситуацию с животными в Швеции с тем, что испытывали евреи в гитлеровской Германии», — говорит о воинствующих веганах офицер полиции Альф Эмануелсен, уже несколько лет специализирующийся на экосаботажниках. Он рассказывает, что на допросах в полиции его «подопечные» отказываются разговаривать о чем бы то ни было, упорно повторяя только свое имя и личный номер, который есть у всех жителей коро-

запуска. Кажется, только Ленинградская АЭС не отреагировала на лагерь протеста.

Так может, только так и можно — гвоздем в бензопилу, собственным задом на динамитную шашку? Я смотрю на тонкую полоску заповедного окского луга, которую трактора местного совхоза только что сузили еще на пару метров, и начинаю понимать, почему в нормальных экологических организациях я никогда не слышал худого слова о «Хранителях радуги», хотя те их в лицо обвиняют в соглашательстве и работе на «систему». Людям, способным остановить ЭТО, можно простить все.

Вот так всегда в России: власть, не желая разговаривать с умеренными, сдавала козыри радикалам. Правда, «зеленые» радикалы еще никого до настоящей беды не довели.

У них еще все впереди. ■

ПРИРОДЕ НЕ ВСЕГДА УДАЕТСЯ ДОЖДАТЬСЯ, ПОКА ПОДЕЙСТВУЮТ ЛЕГАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ЕЕ ЗАЩИТЫ

левства, — воинствующие веганы ассоциируют себя с военнопленными, захваченными противником в бою.

Мирные веганы не любят своих коллег, вставших на тропу войны, даже сильнее, чем оппонентов с мясокомбината «Скан» или из лабораторий исследовательского центра армии FAO.

— Единственный результат их действий только тот, что о всех веганах начинают плохо думать. Мы против насилия над животными, потому что мы вообще против всякого насилия, — говорят Ричард и Густав, молодые веганы, считающие, что единственный путь освобождения животных в просвещении общества и в собственном отказе от мяса и молока. Последнее они мотивируют тем, что ради регулярной дойки коров постоянно насилуют и «человек — единственное живое существо в мире, которое во взрослом возрасте кормится от груди».

Шведский интеллектуальный центр веганизма-вегетарианизма находится в университетском городе Умео на севере страны, где живут и учатся около ста пятидесяти веганов и несчитанные массы сочувствующих вегетарианцев. Там же творит десяток групп, работающих в стиле hardcore — музыкальной составляющей образа жизни веганов.

24-летний житель Умео Элиас Бремс, основавший организацию в защиту прав животных «Альянс» и выпускающий одноименную газету, объясняет, что человеческое общество в своей эволюции постепенно распространяет принципы равноправия все шире: когда-то к животным относили рабов, потом началась борьба за равные права для низших классов, в двадцатом веке вспомнили о женщинах и детях, и вот сейчас наступила очередь животных. «У них похожие на наши физические потребности, они испытывают те же чувства, что и мы: преданность, радость, любопытство, одиночество, печаль», — говорит Элиас.

Веганов часто обвиняют в равнодушии к несчастьям людей. «Как можно бороться против содержания кур в клетках, когда тысячи людей в мире гибнут от войн, голода и болезней!» — восклицают критики.

Но эти обвинения в извращенном гуманизме не достигают цели.

— Конечно, многим людям в сегодняшнем мире плохо, — рассуждает в интервью газете «Дагенс нюхетер» Элиас Бремс, — но борьба за животных важнее, потому что их притеснение общепринято.

Другой идеолог веганов из Умео, певец в hardcore-группе Refused Денис Люксен, говорит, что борьба за права животных для него — часть общей борьбы за справедливое общество: «Я против всякого притеснения. Главное для этого — разгромить капитализм». Критика капитализма — составная часть размытой идеологии веганов, они «левые» по своим симпатиям, и исследователи отмечают, что Умео стал их центром вполне закономерно. Здешний университет слыл самым «красным» в Швеции в шестидесятые годы, и сегодняшние веганы — дети бунтарей-шестидесятников.

Но их протест направлен не только против «общества сытых», но и против собственных родителей, побывавших в свое время кто в хиппи, кто в анархистах. В пику расслабленным нравам шестидесятых веганы не пьют и не колются. По мнению профессора философии Сверкера Серлина, своей непоколебимой уверенностью в собственной правоте они напоминают многочисленные движения за христианское обновление, появившиеся в Швеции на рубеже веков.

География распространения идей веганов в сегодняшней Швеции, по наблюдениям Сверкера Серлина, также удивительным образом совпадает с районами наиболее сильного христианского «пробуждения» сто лет назад. Наконец, как и сектанты тогда, веганы ограничивают контакты с «грешным» обществом, боясь «заразиться» от него. «Почему вы не напишете письмо протеста в парламент? Почему вы не пытаетесь влиять на ситуацию через работу в партии «зеленых» или подобных организациях?» Эти вопросы часто задают веганам журналисты и политики, и каждый раз ответ звучит примерно одинаково: «Потому что эти методы — методы компромисса, который мы отвергаем».

— Наш единственный возможный контакт с притеснителями — это акции гражданского неповиновения и дебаты в средствах массовой информации, — оповещает мир через свою страницу в Интернете Элиас Бремс.

Веганы — дети информационного бума 80-х, и Интернет им заменил организационные структуры народных движений и партий, представляющихся сегодня динозаврами из индустриального прошлого.

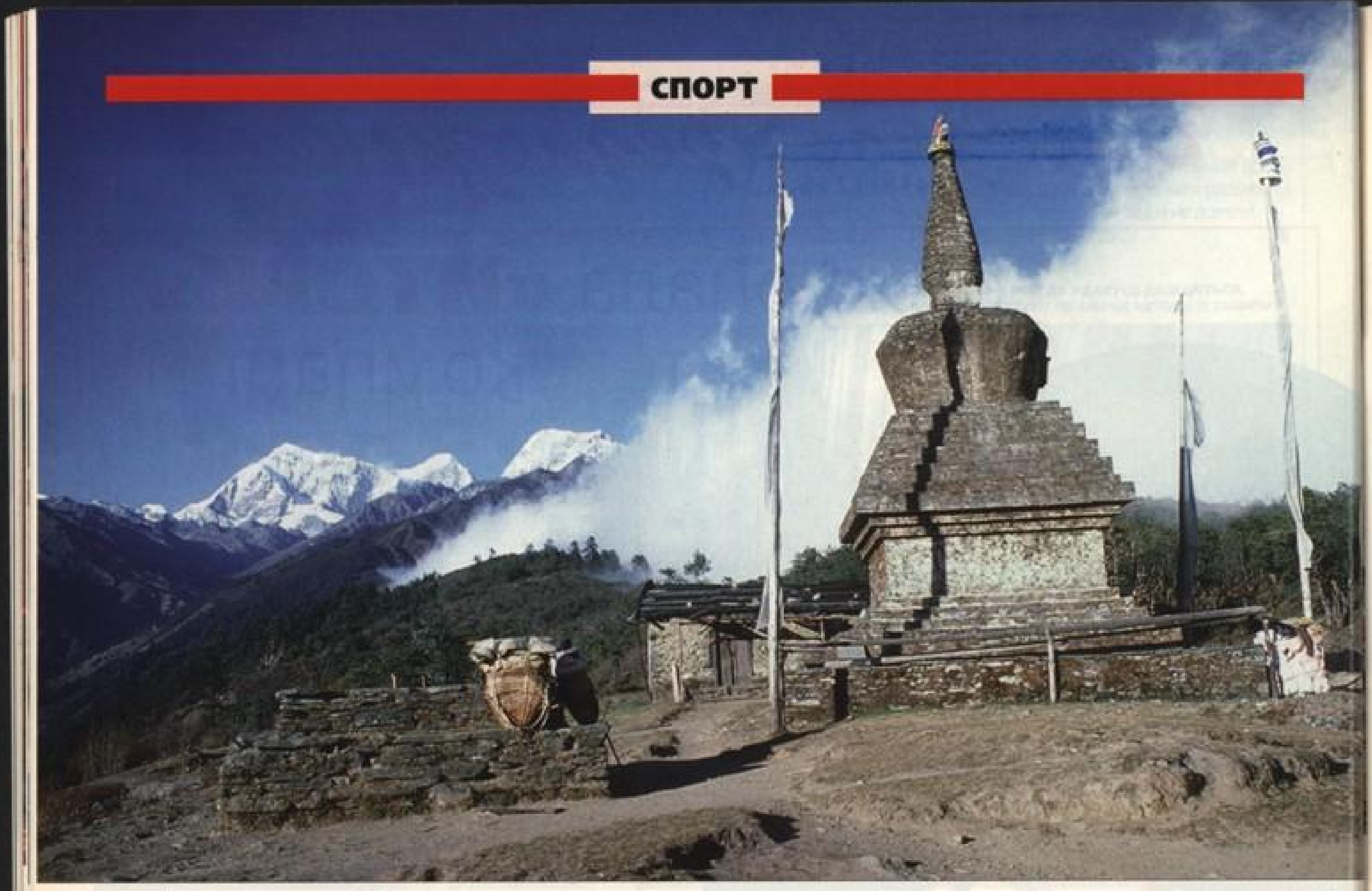
Элиас Бремс объясняет, что их движение больше напоминает коммуникационную сеть, где нет вертикальных иерархических структур и где каждый отвечает за все.

— Это 90-е годы, десятилетие индивидуализма, ты хочешь участвовать в чем-то общем, но делать это по-своему, — говорит певец Денис Люксен.

Отсутствие у веганов какой-либо организации в традиционном смысле ставит государство в тупик. Их нельзя сосчитать, потому что у них нет списков, к ним бессмысленно засылать информаторов, потому что у них нет ни планов работы, ни руководства, принимающего решения. Шведская служба безопасности СЭПО взывает по телевизору к гражданам с просьбой рассказать, кто что знает о веганах, а полицейские обзванивают гимназические кухни с конфиденциальным вопросом: «Как зовут ребятишек, пренебрегающих мясом?» В общем, обычно умелые и профессиональные спецслужбы оказались в ситуации Ксеркса, в отчаянии приказавшего высечь море, в данном случае — море информационное, интернетовское, которое стало одновременно и средой, и одним из способов существования этого «прозрачного» движения.

За риторикой веганов скрывается знание сегодняшнего западного общества, недаром получившего название информационного. Тем не менее трудно ожидать, что миллионы толстокожих мясоедов наконец-то проникнутся идеями равноправия людей и животных и поэтому перейдут на морковку. «Человек всеяден. Достаточно посмотреть на его зубы», — грубо, но справедливо отмечает в своей рекламной брошюре шведский мясной гигант «Скан».

Алексей Смирнов

Боги Эвереста разгневаны

А альпинисты, похоже, сошли с ума. Многие уже погибли; возможны новые жертвы среди тех 300, что приехали штурмовать Джомолунгму в этом году

Род Нордлэнд
(Newsweek)

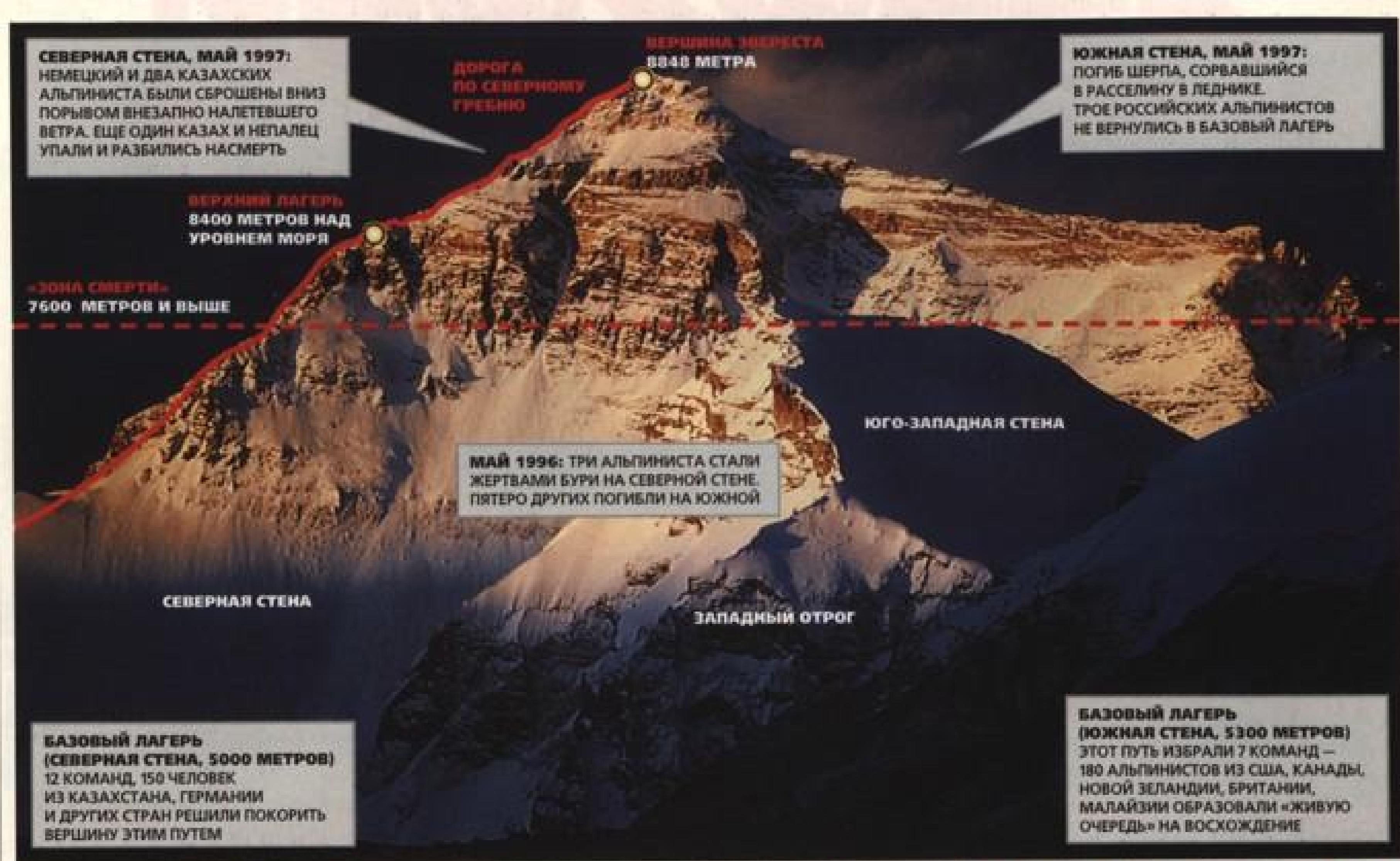
СТРАСТЬ

По мнению шерпов (непальское племя, мужчины которого обычно работают проводниками у альпинистов. — **«Итоги»**), прошлогодний штурм Эвереста с самого начала был обречен, поскольку пара альпинистов прогневала богов, предаваясь в своей палатке плотской любви. Шерпы, вспоминает Джон Кракауэр в своей книге «В разреженном воздухе», сперва посмеивались, а потом сказали: «Быть беде». Вскоре погибли восемь человек, среди которых были и богатые любители острых ощущений, и двое лучших в мире альпинистов. Другие — вроде великосветского нью-йоркского «льва» Сэнди Питтмена — спаслись чудом, отделавшись обморожениями и шоком. Однако в этом году «покорители вершин» вновь собрались в базовом лагере в предгорьях Эвереста, и на этот раз было решено, как говорят шерпы, обойтись без глупостей. Но, похоже, богиня Джомолунгма, которая, если верить тибетским буддистам, живет внутри Эвереста, гнев на милость не сменила. Западные альпинисты заказали повару-шерпе блюдо из свинины, после чего тот пять дней кряду читал молитвы, чтобы очиститься от скверны. Три недели назад поступили сообщения о том, что погибли еще шестеро иностранцев и двое местных — все высококлассные альпинисты. Трое из них, в том числе германский банкир Петерко Ковальчич, которому не было еще и тридцати, преодолев все трудности подъема, взобрались на Северную стену, и в этот миг сильнейший порыв ветра, достигший скорости 230 км/ч., буквально сдул их со стенки. Так трагически произошло открытие эверестского «сезона восхождений», который, еще не завершившись, имеет шансы стать самым неудачным за всю историю альпинизма.

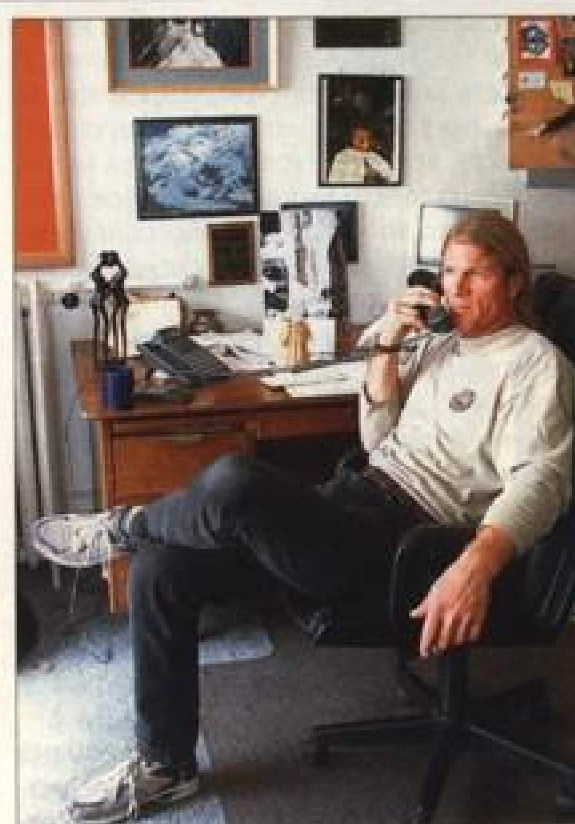
С дурными предзнаменованиями соперничают неблагоприятные прогнозы метеорологов. Подняться на Эверест, подпирающий своим пирамидальным пиком стратосферу Земли, можно лишь в течение нескольких недель в году — весной и осенью. Но из-за погодных условий семь — цифра неслыханная! — экспедиций, состоящих из 80 иностранцев и 100 шерпов, застряли в базовом лагере, ожидая возможности пройти по Южной стене, где в прошлом году и разыгралась трагедия. Еще 12 групп общей численностью 150 человек выбрали маршрут по Северной стене — это опасней, но дешевле. «Наихудший вариант развития событий — это одновременное восхождение ста человек, — сообщил по спутниковому телефону в редакцию «Ньюсуика» американский альпинист Тодд Бэрлсон. — Это слишком опасно». Индонезийская команда, достигшая вершины по Южной стене, видела обледенелый труп одного из тех, кто штурмовал Эверест в прошлом году, — несчастный запутался в страховочных тросах, сорвался и повис на них головой вниз.

Пожалуй, в этом году следовало бы не тревожить духов Джомолунгмы. Тем не менее нынешний наплыв альпинистов мощнее, чем когда бы то ни было. Прошлогодние трагедии объясняют тремя факторами — небывалым количеством альпинистов, скверной погодой и появлением неподготовленных «покорителей», пользовавшихся услугами профессиональных проводников. В этом году людей еще больше, погода такая, что хуже просто не бывает, а проводники, как всегда, нарасхват. Джон Кракауэр совершал турне по городам США, представляя написанную им книгу о прошлогодней трагедии (которую он наблюдал собственными глазами, участвуя в восхождении), и тут услышал последние известия с Эвереста. «Мне стало просто дурно, — говорит он. — Нехорошо так говорить, но ведь всякому понятно, что рано или поздно произойдет такое же несчастье. Если не хуже».

Кракауэр принадлежит к числу тех, кто, по его собственному выражению, считает: «Водить» по Эвересту нельзя». Среди тех, кто пострадал в прошлом году, было немало опытных проводников. За стремление помочь альпинистам-любителям получить «настоящую гору» за те 65 тысяч долларов, которые стоит тур, многие из них заплатили собственными жизнями. Однако дурные новости никого не отпугнули: в фирмах, продающих такие туры, буквально оборвали телефоны. Компания, принадлежавшая ветерану альпинизма Бобу Холлу, была продана, но ее новые владельцы остались в этом бизнесе. (Сам Холл погиб. Незадолго до смерти, находясь в выкопанной им снежной норе много выше «зоны смерти», он успел позвонить в Новую Зеландию своей беременной жене.) «Клиенты осаждают фирмы, предоставляющие проводников. «Ах, — восторгаются они, — а мы и не знали, что вы организуете экскурсии на Эверест! Когда можно будет отправиться? — рассказывает Кракауэр. — Но Эверест особо не разбирается и убивает про-

ДУГ ХАНСЕН (СЛЕВА) И **СКОТТ ФИШЕР** (СПРАВА) НЕ ВЕРНУТСЯ С ЭВЕРЕСТА. С КАЖДЫМ ГОДОМ ВЫСОЧАЙШАЯ ВЕРШИНА МИРА СОБИРАЕТ ВСЕ БОЛЕЕ ОБИЛЬНУЮ ЖАТВУ

СИБОРН УИЗЕРС (СЛЕВА) И МНОГИЕ ДРУГИЕ АЛЬПИНИСТЫ НА ЭТОТ РАЗ ОТДЕЛАЛИСЬ ОБМОРОЖЕНИЕМ. МОЖЕТ БЫТЬ, ОНИ ВЕРНУТСЯ И СНОВА ПОЙДУТ НАВЕРХ — ГОРА ТАК ЛЕГКО НЕ ОТПУСКАЕТ

фессионала с той же легкостью, что и слабака или дилетанта».

А в базовом лагере не существует «дорожной полиции», чтобы отделять сильных от слабых. Правительство Непала, некогда сократившее число экспедиций до четырех на каждый маршрут, ныне говорит «Добро пожаловать!» любому, кто способен выложить 10 тысяч долларов за разрешение. И опасность заключается в том, что, как только погода предоставит хоть малейшую возможность, все сломя голову ринутся вверх, и особенно те, кто засиделся в лагере. «Нас беспокоит то, что, если первыми пойдут более слабые группы, вместо восхождения мы рискуем участвовать в спасательной операции», — говорит Берлсон. «Меня больше всего тревожат малайцы, — вторит ему Кракауэр. Их команда планировала сначала поднять на пик 23 человека. — Их восхождение — чисто политическая акция, на них давит немыслимая ответственность. У себя дома они популярны, как рок-звезды». (Двое малайцев 21 мая взошли на вершину. Премьер-министр Малайзии «гордится этой победой», а министр информации заявил, что очередная задача правительства теперь — осуществить высадку малайцев на Луну. — **«Итоги»**.) При этом большинство команд так и не смогло договориться об очередности восхождения и о том, как избежать гибельного скопления людей, подобного прошлогоднему, случившемуся в коварном ущелье Хиллари Степ, — там и сейчас еще можно увидеть останки погибших в прошлом году (на такой высоте альпинистам не под силу вытащить тела своих товарищей). Пока от своего намерения отказались лишь японцы, и то лишь после того как их плохо подготовленный руководитель не сумел взойти на ледник Хумбу, лежащий на пути к Первому лагерю на Южной стене.

В этом году непрофессионализм уже проявляется во всей красе: одна команда из базового лагеря рекламировала по Интернету некоего метеоролога, способного читать «карты погоды», сделанные со спутника, другая похвалялась, что поможет взойти на вершину 68-летнему «новичку». Пока японцы оставались в лагере, туда на вертолетах доставили представителей фирм, субсидировавших экспедицию, которые пожелали сфотографироваться в самом лагере вместе с «покорителями». В самом лагере были созданы невиданно комфортабельные условия: рейсовые вертолеты сновали взад-вперед, доставляя видеофильмы и пропановые обогреватели. Шерпы, нанятые малайцами, притащили в лагерь на спинах упаковки с кока-колой, а лагерные повара готовили пиццу, японское блюдо суши и прочие яства. Несмотря на сильные ветры на вершине, было достаточно солнечно, и альпинисты прозвали скалистый уступ, на котором разбит их лагерь, «Гипоксия-бич», ибо кислородное голодание загару не помеха.

И все же злой рок тяготеет над базовым лагерем и в этом году. В конце апреля руководитель британской экспедиции 43-летний Малькольм Дафф утром не вышел из своей палатки. «Он умер», — сообщил американец Эд Вистерс на общем собрании. «Не слишком удачная шутка», — бросил кто-то из альпинистов. «А я не шучу», — отвечал Эд. Оказалось, что у Даффа, ночевавшего в спальном мешке, началась рвота, и он захлебнулся. Был ли это сердечный приступ или отек легкого, ставший следствием «горной болезни», но так или иначе его погубил Эверест. «В последние несколько лет он что-то к нам немилостив», — говорит Берлсон.

Отчет Кракауэра о прошлогодней трагедии очень скоро занял одно из первых мест в списке бестселлеров, но вызвал противоречивые суждения среди его коллег-альпинистов. Многие считают, что он слишком строго судит профессиональных проводников, не щадя и тех, кто погиб. «Их родные считают, что я не просто бью лежачего, а дурно отзываюсь об умерших», — говорит Кракауэр. Но больше всего огорчает его то, что его критические высказывания, опубликованные в прошлом году в журнале «Аутсайд» и ставшие всеобщим достоянием благодаря Интернету, действия не возымели и мало кого отвадили от попытки покорить Эверест. «Лично я больше никогда не пойду на Эверест... ни за что, — говорит он. — Хотя книга и имеет успех, но — на Эвересте я пережил эмоциональный и психический шок... Я малость повредился из-за него», — признается Кракауэр. Тем не менее он остался жив. А вот из тех, кто решился в этом году на штурм Джомолунгмы, возможно, уцелеют не все. ■

При участии Патриции Робертс и Арлина Тобиаса Гаджилана

ИЗНАНКА

В конце мая немало альпинистов из разных частей света увенчали себя славой покорителей самого высокого восьмитысячника планеты. В их числе были, например, малайцы, первыми в своей стране поднявшиеся на Эверест, и первая в Австралии женщина, взошедшая на вершину Джомолунгмы. Однако стоит отметить, что только за май на Эвересте погибли 15 человек (из них шестеро российских альпинистов), не считая погибших в непосредственной близости — на пиках Макалу и Лхоцзе. Если правительство Непала будет продолжать снижать цену на «билет», дающий право на восхождение, в следующем году число альпинистов может возрасти до нескольких тысяч. И жертвы будут исчисляться сотнями. А почетный «клуб покорителей Эвереста» можно будет переименовать в «клуб самоубийц». Стоит ли игра свеч?

Незадолго до смерти Никита Сергеевич что-то важное для себя понял про литературу и искусство. Понял, что писатель выражает свое отношение к жизни словами и поступками персонажей. С музыкой и живописью сложнее, там нет слов, там аккорды и мазки. При этом у каждого – индивидуальная манера, и не надо всех подчищать и приглаживать. Понял он также, что если художник изображает вождей в героических позах, то не обязательно осыпать его премиями и званиями. А главное, он понял, что на основании трехстраничного резюме из аппарата Суслова нельзя выносить приговор произведению и его творцу – в данном случае «Доктору Живаго» и его автору. Надо было самому прочитать и разобраться, как разобрался с «Теркиным на том свете», с «Иваном Денисовичем» и «Синей тетрадью».

Хрущев обладал мощным политическим интеллектом. Он оставался на посту при всех репрессиях и чистках, стал ближайшим доверенным лицом Сталина, затем в союзе с Берия он практически изолировал «хозяина» в последние месяцы его жизни, удалив всех его наиболее преданных приближенных, потом ликвидировал главного подельника и далее убрал с дороги остатки прежней своры.

И этот гений политической интриги, рассуждая об искусстве, даже в момент раскаяния и просветления едва дотянулся до уровня либерального учителя 60-х годов. Почему? Говорить, что политика и искусство существуют в разных измерениях, – такая же банальность, как рассуждения самого Никиты Сергеевича.

Хрущев был авангардистом действия. Разоблачение Сталина – громовое, но неполное (иначе еще один шаг – и ревизия коммунизма). Разделение обкомов на промышленные и сельские (еще шаг – и созданы Рабочая партия и Крестьянская партия). Замена министерств на совнархозы (еще шаг, и нет централизованного планирования – прощай, империя!). Целина! Спутник! Гагарин! Водородная бомба! Межконтинентальная баллистическая! (еще шаг – и СССР станет править миром).

Но авангардный проект в принципе не может быть реализован. Его осуществление – диктатура и истребление самих авангардистов.

Хрущев убедился в этом на судьбе своих товарищей. Лучше уж унылая реакция, соцреалистический застой.

Он тайно презирал подсоветскую литературу — ее символом был спившийся Фадеев. О другой литературе он и не подозревал. А искусство, которое он громил в Манеже, было не авангардом, а студийными экспериментами. На встречах в Кремле эти экспериментаторы бодро разоружались перед партией. Разве что с Неизвестным можно было поговорить на равных, да и тот все вспоминал, что Пикассо — коммунист. Ну что тут сделаешь...

А вот что: говорить с ними на одном языке. «Надо смелее предоставлять возможность творческой интеллигенции высказываться, действовать, творить». В случае чего – прочтем, подумаем и, вполне возможно, разрешим.

Денис Драгунский

Наиболее скользкий участок

Никита Хрущев

Не знаю, что в моих воспоминаниях получится из очередного замысла. Хотелось бы сказать об отношении в СССР к интеллигенции. Вряд ли я сумею охватить все те направления жизни, где трудится наша интеллигенция. Но она, в первую очередь идейно воздействуя на общество, осуществляет то дело, над которым бьется Коммунистическая партия. С технической интеллигенцией вопрос обстоит чуть проще. Да и отношения партийных органов с ней проще, поскольку эти люди проявляют свои энергию и интеллект в основном применительно к конкретным предметам, служащим обществу. [...]

Самый острый и наиболее скользкий участок — отношение с той частью творческой интеллигенции, которая обнимает собой журналистов, философов, писателей, художников, скульпторов, музыкантов и всех, им подобных. Они не создают материальных ценностей, без которых организм человека не может существовать, зато они вдохновляют общество на труд во всех иных областях человеческой жизни, вторгаются и в политику, а также обогащают людей образцами литературы, искусства и в прочих гуманитарных сферах. А поскольку в идеологии Коммунистическая партия стремится занимать монопольное положение, то ее заинтересованность в привлечении этой интеллигенции на свою сторону не нуждается в разъяснении. Многое здесь крайне субъективно. [...]

Скажу несколько слов о Пастернаке. Я не берусь судить о его поэтическом творчестве и могу лишь воспользоваться мнением тех поэтов, которые очень высоко ценили созданное Пастернаком, включая его переводы с иностранных языков. Он среди прочего написал роман «Доктор Живаго» и очень хотел, чтобы его напечатали. Как решался вопрос об этом произведении? Докладывал мне о нем Суслов, шефствовавший над нашей агитацией и пропагандой. Без Суслова в таких вопросах не могло обойтись. Он сообщил, что данное произведение плохое, не выдержано в советском духе. В деталях его аргументов не помню, а выдумывать не хочу. Одним словом, недостойная вещь, печатать ее не стоит. Такое решение и приняли. Полагаю, что на той стадии событий, кроме Суслова, никто из ответственных лиц романа не читал. Я сомневаюсь даже, что и Суслов его прочел. Ему тоже, наверное, дали справку с изложением содержания произведения на трех страничках. Конечно, так судить о творчестве, вынося приговор произведению и его творцу, недопустимо! Ну, а где же был ты сам, спросят меня? Отвечу: о чем я сожалею, заканчивая сейчас свой жизненный путь пенсионером в своей ссылке на даче в подмосковном районе Петрово-Дальнее? О том, что в годы, когда я имел возможность влиять на решения — печатать или не печатать, принять или не принять точку зрения докладчика, — не прочитал эту книгу сам. Я не читая поверил и пошел на административные меры, самые вредные в отношении творческих людей.

Естественно, поднялся страшный гвалт и шум за границей, когда рукопись оказалась там и ее опубликовали. Не знаю, насколько это произведение отвечало критериям Нобелевской премии, но Пастернаку ее присудили. Поднялся еще больший шум: советское правительство не разрешает писателю получить премию. Я предложил коллегам: «Давайте сообщим публично, что Пастернак, если желает, может поехать за границу для получения своей премии». Но в силу определенных обстоятельств он ответил через газету, что не ставит вопрос о своей поездке за границу во имя этой цели. Доныне жалею, что в свое время данный роман не был напечатан. Нельзя же полицейскими методами выносить приговоры творческим людям. Что особенного произошло бы, если бы «Доктора Живаго» опубликовали тогда же? Да ничего, я уверен! Мне возразят: «Поздно ты спохватился». Да, поздно, но лучше поздно, чем никогда. Не надо было мне поддерживать в таких вопросах Суслова. Пусть признание автора зависит от читателя. А получилось по-другому: автор трудился, его признали во всем мире, а в СССР административными мерами запрещают...

Впервые в России текст воспоминаний Н.С.Хрущева выходит отдельной книгой в издательстве «Вагриус», любезно предоставившем «Итогам» возможность познакомить своих читателей с одной из наиболее пронзительно-покаянных глав. Сокращения в журнальном варианте обозначаются отточиями в квадратных скобках.

МАНЕЖ, 1962. СТОЛКНУВШИСЬ С НЕПРИВЫЧНЫМ ИСКУССТВОМ, НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ ПРИШЕЛ В ЯРОСТЬ, НА ЧТО И РАССЧИТЫВАЛО ЕГО ОКРУЖЕНИЕ. ЗАРОЖДАВШИЕСЯ У ПРЕМЬЕРА НАМЕРЕНИЯ ОСЛАБИТЬ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПОВОДЬЯ БЫЛИ ОКОНЧАТЕЛЬНО ПОХОРОНЕНЫ

Я горжусь, что в свое время поддержал одно из первых произведений Солженицына. Пришел тогда ко мне на прием Твардовский, принес это сочинение, изложил его содержание и высказал свое мнение: «Я считаю данное произведение чрезвычайно сильным и вижу в авторе будущего большого писателя. Тема, которую он поднял, может вызвать разное к себе отношение. Прочтите сами. А я просил бы не препятствовать нам напечатать повесть в журнале «Новый мир»... Пришло по радио известие, что погибли наши космонавты. Прекращаю диктовку, не в состоянии продолжать...

Возвращаюсь к записи воспоминаний. Биографии Солженицына я не помню. Мне докладывали раньше, что он долгое время сидел в лагерях. В упоминаемой повести он исходил из собственных наблюдений. Прочел я ее. Тяжелое она оставляет впечатление, волнующее, но правдивое. А главное, вызывает отвращение к тому, что творилось при Сталине, потрясают условия существования простых людей. Не случайно наш читатель ухватился за эту повесть. Все искали объяснения тому, как могло получиться, что люди, подобные Ивану Денисовичу, попадали в лагеря в условиях социалистической страны. Автор пробудил спящее сознание многих и многих.

Уже находясь на пенсии, я прочел воспоминания генерала Горбатова, который был репрессирован. Я знал Горбатова по войне. В конце 1941 года он попал на наш фронт под Харьковом. Еще тогда я как член Военного совета побеседовал с ним. Он не рассказывал подробностей о лагерях, а говорил только о тех советских генералах, которые безвинно оставались в тюрьме. Называл их по фамилиям. Тимошенко тоже слушал его с особым интересом, потому что хорошо знал этих людей. За двоих из них мы ходатайствовали тогда, написали Сталину просьбу освободить их и прислать к нам на фронт. А теперь я узнал в деталях, как издевались над честным советским военачальником Горбатовым. Да мало ли было таких?

Что до Солженицына, то он продолжает писать, но печатают его не у нас, а за границей. Тут он находится в «особых условиях». Однако часть нашей интеллигенции сочувствует ему и даже идет при этом на риск. Говорят, он живет на даче Ростроповича, прекрасного музыканта, знаменитого виолончелиста. Решившись на такой шаг, тот поставил себя в невыгодное положение, мягко говоря. Это свидетельствует о человеческом достоинстве и сильном духе Ростроповича. За Солженицыным же нет никакого преступления. Он высказывает свое мнение, пишет о своих переживаниях, о личной оценке тех условий, в которых он коротал свои дни в лагерях. И в целом его мнение абсолютно правильно: Сталин был преступником, а преступников надо судить хотя бы морально. Самый сильный суд — заклеймить их в художественном произведении. Почему же, наоборот, Солженицына сочли преступником? Если он плохо пишет, люди читать его не будут. Если клевещет, можно привлечь его к ответственности, но на юридической основе. Видимо, привлекать-то не за что. А правды боятся. Художественная сторона дела в данном случае ни при чем. Например, сочинение «Матренин двор» Солженицына мне не понравилось, но это ведь дело вкуса. Надо лишь не препятствовать людям самим приобретать мнение.

Вообще же наиболее страдающая категория советского населения — наша интеллигенция. Творческие личности отображают в своих произведениях отношения между людьми, их духовные переживания, их контакты с властями и окружающей средой. Здесь писатель нередко попадает в тяжелую ситуацию. Начинают вмешиваться в его работу, контролировать его, вводить цензуру. Говорят, что у нас нет цензуры. Это чепуха! Болтовня для детей. У нас не только самая настоящая, но, я бы сказал, даже крайне жестокая цензура. Мне вспоминается судьба книги Казакевича «Синяя тетрадь». Интересная книга. По ней потом сделали кинофильм, я его дважды смотрел по телевизору.

Правда, Зиновьев там показан робко. Он тогда вместе с Лениным, после июльских событий 1917 года в Петрограде, скрывался в шалаше. Мне автор книги передал небольшое письмецо и приложил к нему рукопись с просьбой ознакомиться. Эту рукопись не принимали в печать. Я прочел, и мне понравилось. Не заметил в ней ничего такого, что могло бы побудить не принять ее к публикации.

Я отдыхал тогда на Кавказе, неподалеку отдыхал Микоян. Я позвонил ему и сказал: «Анастас Иванович, я пошлю тебе рукопись, прошу тебя, прочти ее, потом встретимся и обменяемся мнениями». — «Каково твое мнение?» — спросил я, когда мы встретились. «Я — отвечает, — считаю, что человек написал хорошую книгу. Не понимаю, почему цензура не разрешает ее печатать». — «Ладно, когда вернемся в Москву, поставим вопрос на обсуждение в Президиуме ЦК», — сказал я.

Разослали книгу всем членам Президиума, и вопрос о ней был включен в повестку очередного заседания. «Кто имеет какие-нибудь соображения? Почему эту книгу не следует печатать?» — спросил я. «Ну, товарищ Хрущев, — Суслов вытянул шею, смотрит недоуменно, — как же можно печатать эту книгу? У автора Зиновьев называет Ленина «товарищ Ленин», а Ленин называет Зиновьева «товарищ Зиновьев». Ведь Зиновьев — враг народа». Меня поразили его слова. Разве можно извращать действительность и преподносить исторические факты не такими, какими они были на деле? Даже если мы отбросим то обстоятельство, враг или не враг народа Зиновьев, то сам факт бесспорен: действительно, в шалаше находились вместе Ленин и Зиновьев. Как же они общались между собой? Как обсуждали текущие вопросы или хотя бы разговаривали за чаем в шалаше? Видимо, называли друг друга словом «товарищ». А я даже думаю, что Ленин обращался к Зиновьеву по имени — Григорий, ведь у них были тогда близкие отношения. В первые месяцы после Февральской революции они придерживались по всем вопросам единого мнения.

И я заметил: «Но послушайте, они же были друзьями и жили в одном шалаше. Были связаны многолетней общей борьбой против самодержавия. Как иначе могли они называть друг друга? Что из того, что один из них потом оказался осужденным? Зиновьев был соратником Ленина. Форма обращения, использованная автором, естественна и нормальна. Можно, конечно, как максимум, сделать сноску с упоминанием о дальнейшей судьбе Зиновьева. Но это будет примечание в уступку глупости. Трезвым людям не потребуется никакой сноски». Другие члены Президиума поддержали меня. Решили не препятствовать публикации, и книга пошла в печать. Вызывает ли она сейчас какие-то сомнения? Может быть, есть недовольные критики. Однако это уже совсем другое дело. Критика на то и существует, чтобы высказывать порицание или поощрение и тем способствовать поднятию уровня литературного мастерства. А тут вдруг полицейские меры: держать и не пущать!

Такие функции околоточного выполнял раньше и по-прежнему выполняет сейчас наш главный околоточный Суслов. Конечно, лично он человек честный и преданный коммунистическим идеям. Но его полицейская ограниченность наносит большой вред. Мне могут сказать: «Чего же ты терпел, находясь в руководстве страны вместе с Сусловым?» Верно, ошибался я. Мало ли ошибок человек может допустить в своей жизни. Просто я считал, что если Суслов будет работать в нашем коллективе, то мы на него сумеем повлиять, и он станет приносить пользу. Поэтому я не ставил вопроса о его замене, хотя ко мне многие люди еще тогда обращались с предупреждениями, что Суслов играет отрицательную роль. Интеллигенция к нему относилась плохо. [...]

Теперь — об Эренбурге. Я встречался с ним не раз. Хороший писатель был, талантливый. Таким он и остался в литературе. Но имелось у него какое-то примирение, что ли, со сталинскими методами управления. Возможно, я слишком строг к Эренбургу. Условия жизни были таковы, что без примирения он бы не выжил. Ему не хватало настойчивости в отстаивании собственного понимания событий, своей позиции. Так было не всегда, порой он проявлял твердость. Вспоминается, когда Сталину однажды понадобилось публичное выступление с заявлением о том, что в СССР нет антисемитизма, и он решил привлечь к его составлению, точнее, к его подписанию (авторов для такого документа у него имелось вполне достаточно) Эренбурга и Кагановича. Каганович буквально извертелся весь, когда Сталин разговаривал с ним по этому поводу. Чувствовалось, что ему не хочется делать это. Но он все же сделал то, о чем ему сказал Сталин. Затем кому-то поручили переговорить на этот счет с Эренбургом. Эренбург категорически отказался подписывать такой текст. Это свидетельствует о том, что он обладал характером и решился противостоять воле Сталина, хотя тот с ним лично в данной связи не разговаривал.

ДАЖЕ С СОЗДАТЕЛЕМ «ВАСИЛИЯ ТЕРКИНА» У ХРУЩЕВА СКЛАДЫВАЛИСЬ НЕПРОСТЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ЧТО УЖ ГОВОРИТЬ ОБ ЭРЕНБУРГЕ И ЕВТУШЕНКО

Эренбург пустил в ход слово «оттепель». Он считал, что после смерти Сталина наступила в жизни людей оттепель. Такую характеристику того времени я встретил не совсем положительно. Безусловно, возникли послабления. Если выражаться полицейским языком, то мы ослабили контроль, свободнее стали высказываться люди. Но в нас боролись два чувства. С одной стороны, такие послабления отражали наше новое внутреннее состояние, мы к этому стремились. С другой стороны, среди нас имелись лица, которые вовсю не хотели оттепели и упрекали: если бы Сталин был жив, он бы ничего такого не позволил. Весьма отчетливо звучали голоса против оттепели. А Эренбург в своих произведениях очень метко умел подмечать тенденции дня, давать характеристику бегущего времени. Считаю, что пущенное им слово отражало действительность, хотя мы тогда и критиковали понятие «оттепель».

Решаясь на приход оттепели и идя на нее сознательно, руководство СССР, в том числе и я, одновременно побаивалось ее: как бы из-за нее не наступило половодье, которое захлестнет нас и с которым нам будет трудно справиться. Подобное развитие событий возможно во всяком политическом деле. Поэтому мы вроде бы и сдерживали оттепель. Мы боялись лишиться прежних возможностей управления страной, сдерживая рост настроений, неугодных с точки зрения руководства. Не то пошел бы такой вал, который бы все снес на своем пути. Опасались, что руководство не сумеет справиться со своими функциями и направлять процесс изменений по такому руслу, чтобы оно оставалось советским. Нам хотелось высвободить творческие силы людей, но так, чтобы новые творения содействовали укреплению социализма. Вроде того, что, как говорят в народе, и хочется, и колется, и мама не велит. Так оно и было.

Как-то мы беседовали в ЦК партии с творческой интеллигенцией. Эренбурга тоже пригласили. Не помню, присутствовал ли Симонов, но помню, что там были Твардовский, Евтушенко, Эрнст Неизвестный. Шел, в частности, разговор о скульптурах Неизвестного. [...]

Я теперь сожалею о многом, что было сказано мной на том совещании. Критикуя Неизвестного, я даже допустил грубость, сказав, что он взял себе такую фамилию неспроста. Его фамилия вызывала у меня какое-то раздражение. Во всяком случае, с моей стороны проявилась грубость, и если бы я встретил его сейчас, то попросил бы прощения. Тем более что я занимал тогда высокий пост и обязан был сдерживаться, ведь подобная форма ведения разговора — это не беседа, а разнос. Евтушенко выступал очень горячо, поддерживая Неизвестного. Абстракционизм — не новое направление в культуре, он давно существует, и столь же давно часть интеллигенции борется против этого течения. Он был особенно известен за границей, хотя и у нас в свое время процветали абстракционисты и другие своеобразные течения вроде футуристов. Молодой футурист Маяковский ходил в желтой кофте.

Я был и остался противником таких течений и в литературе, и в живописи, и в скульптуре. Но это еще ни о чем не говорит. Нельзя же административно-полицейскими мерами бороться против того, что возникает в среде творческой интеллигенции: ни в живописи, ни в скульптуре, ни в музыке, ни в чем! Евтушенко тогда приводил соответствующие примеры того и называл конкретные фамилии: что, вот, на Кубе абстракционисты и реалисты выступали вместе с народом в защиту революционных завоеваний. Да, это верно! И все же, несмотря на разумность доводов Евтушенко, Неизвестного очень сильно критиковали. Он потом передавал мне через работников Агитпропа (не то ЦК ВЛКСМ), что переходит на позиции реализма. Я, конечно, был доволен. Ведь Неизвестный — талантливый человек. Сейчас печать сообщает, что он создал ряд хороших произведений. Я только рад этому. Насколько помогла ему наша критика? Может быть, послужила толчком? Но, возможно, он и сам перешел в своем творчестве на реалистические позиции.

Раскаиваясь сейчас насчет формы своей критики Неизвестного, я, по существу, остаюсь противником абстракционистов. Просто не понимаю их, потому и против. Мне больше по душе реалистическое направление. Помню, когда я находился в Англии, то на даче за городом беседовал с Антони Иденом. Он спросил меня между прочим: «Господин Хрущев, как вы относитесь к абстракционизму и другим модным течениям в современном искусстве?» Я ответил: «Не понимаю их, господин Иден. Твердо стою на позициях реалистического творчества». — «И я тоже не понимаю, — сказал он, — и тоже нахожусь на позициях реализма». Потом улыбнулся и добавил: «А как же любимый коммунистами Пикассо? Он ведь не реалист». Я ему: «Да, Пикассо — крупный художник, автор знаменитого «Голубя мира», который служит символом борьбы за мир». Мне незачем было выступать ни в роли критика, ни в роли защитника Пикассо. Это фигура, которая своим творчеством сама себя защищает и пробивает путь своим произведениям, к какому бы направлению его произведения ни принадлежали.

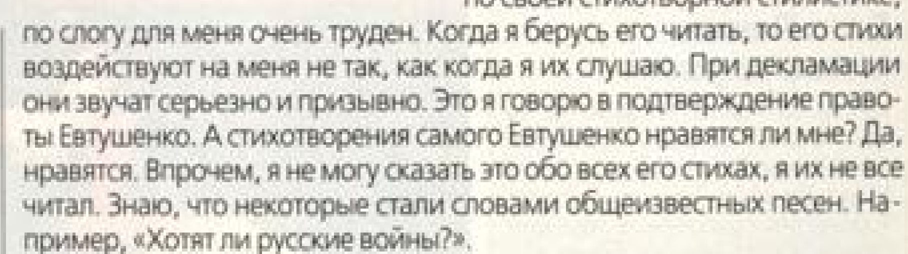
Я с огромным уважением относился и отношусь к Шостаковичу. Сейчас не помню, в чем конкретно выражалась ждановская критика его произведений. Но не могу сказать, что Шостакович вообще был в загоне во времена Сталина. Он написал много прекрасных сочинений, в том числе и во время войны, когда он сочинил свой шедевр — симфонию об обороне Ленинграда. Он заслуженно занял видную позицию среди композиторов и является одним из ведущих мастеров музыки. В свое время руководство СССР не понимало Шостаковича, когда он поддержал джазовую музыку. Говоря откровенно, он был прав. Нельзя ни с какой музыкой, включая джазовую, бороться административными путями. Пусть к ней выразит свое отношение сам народ.

В той же связи некогда сильно критиковали Утесова. Еще в мои молодые годы, когда утесовские песенки буквально все напевали себе под нос, Утесова в пух и прах разносила газета «Правда». У меня был друг — одессит Лев Римский, давно умерший, коммунист кристальной чистоты. Он, постоянно напевавший «Бублики, горячи бублики», рассказывал мне, что его друзья, которые работали в типографии «Правды» и набирали критические статьи в адрес Утесова, сами распевали в это же время его знаменитые песни. Вот что значит народная оценка! Мне не под силу разбирать разносторонне творчество Утесова, в том числе его прежние «блатные» напевы. Наоборот, я очень доволен, что опять появились в продаже утесовские пластинки, я их часто слушаю.

Но бывают и другие. Такие джазовые выступления, что я выключаю радио: передают музыку, которая действует на нервы. Не музыка, а какая-то какофония. Не понимаю я ни таких композиторов, ни людей, которым нравится их музыка. Но это я — о себе. А ведь есть люди, которые, слушая их, аплодируют и прыгают от радости. Следовательно, им нравится? Поэтому административные меры применять к творчеству ни в коей мере нельзя. Должен высказаться слушатель, читатель, зритель. К тому же я человек уже старый, воспитанный на иных формах музыкального искусства. Мне нравятся народное пение, народные танцы, народная музыка. Конечно, и классическая. Но все же не джазовая. Я здесь вроде бы приношу покаяние, но и его приношу не абсолютно: по форме признаю допущенные в мое время ошибки, когда я имел возможность административно поддерживать или запрещать какие-то творческие направления. Внутренне же я и сейчас против некоторых из них. Просто подчеркиваю, что так бороться с тем, что не нравится, нельзя.

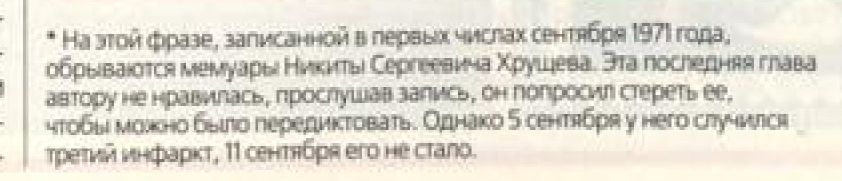
Одно время девушки ходили в коротких юбках. Потом вновь появились длинные платья. Меняется мода и в музыкальном искусстве, и во всем остальном. Надо терпимее относиться к таким переменам. А не влияют ли они как-то ослабляюще на коммунистическую идеологию? По-моему, вовсе нет! Здесь Евтушенко прав. Мы, вот, критиковали в свое время Маяковского, а Маяковский оставил стране произведения, которые доныне служат Коммунистической партии оружием в борьбе за лучшее будущее. Например, никто из других поэтов не написал более выразительно о Ленине, чем он. Хотя Маяковский по своей стихотворной стилистике, по слогу для меня очень труден. Когда я берусь его читать, то его стихи воздействуют на меня не так, как когда я их слушаю. При декламации они звучат серьезно и призывно. Это я говорю в подтверждение правоты Евтушенко. А стихотворения самого Евтушенко нравятся ли мне? Да, нравятся. Впрочем, я не могу сказать это обо всех его стихах, я их не все читал. Знаю, что некоторые стали словами общеизвестных песен. Например, «Хотят ли русские войны?».

МАРИЭТТА ШАГИНЯН, ПОЖАЛУЙ, КАК НИКТО ДРУГОЙ ИЗ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ, ИСКРЕННЕ ВЕРИЛА В СОЦИАЛИЗМ. ВЛАСТЬ ЭТО ЦЕНИЛА

Некоторые лица критически высказывались против слов этой песни: будто в своем стихотворении Евтушенко вообще отрицает всякую войну и морально разоружает солдат. Они не правы. Его слова выражают суть борьбы против милитаризма и в то же время предупреждают, что если война будет нам навязана, то Россия сможет достойно ответить. Считаю, что Евтушенко очень способный поэт, хотя и характер у него буйный. И опять же буйство есть понятие, зависящее от точки зрения.

Просто такой человек не всегда укладывается в рамки, отведенные цензорами, то есть теми, кто хотел бы все и всех подчистить и пригладить. Но если бы все писали одинаково, пользовались одними и теми же аргументами, исходили из единого понимания вещей, то не возникло бы никакого творчества. В конце концов все свелось бы к жвачке, только один жевал бы с одного конца, а другой — с другого. Такие произведения вызывали бы рвоту у читателей, зрителей и слушателей. Обязательно надо смелее предоставлять возможность творческой интеллигенции высказываться, действовать, творить. Творить!* ■

* На этой фразе, записанной в первых числах сентября 1971 года, обрываются мемуары Никиты Сергеевича Хрущева. Эта последняя глава автору не нравилась, прослушав запись, он попросил стереть ее, чтобы можно было передиктовать. Однако 5 сентября у него случился третий инфаркт, 11 сентября его не стало.

ПРОГРЕСС

Виртуальное Величество

Королева Великобритании впервые появилась «вживую» на своей страничке в Интернете. Ее Величество открывала большой завод по производству микропроцессоров и поэтому была обута в специальные тапочки. В то время пока августейшая мать пребывала в виртуальном состоянии, ее дети занимались делами земными. Наследник Чарльз отложил 80 000 долларов, чтобы пышно отметить 50-летие своей любовницы Камиллы Паркер Боул, принц Эндрю был замечен с некоей молодой особой Генриеттой Пис. А леди Диана, бывшая жена Чарльза, побывала с благотворительной миссией в Пакистане вместе с родственниками своего знакомого, кардиолога Хасната Хана. Все заговорили о новых романах, а их герои дружно все опровергали. ■

БЛЕФ

Янтарная Мадонна

«Искусство акций» живет и побеждает. Очередную «акцию» провела звезда советского кино Александра Яковлева («Экипаж», «Человек с бульвара Капуцинов» и пр.). Она объявила, что намерена продюсировать фильм «Кенигсберг», который «будет полон страстей и человеческих чувств». По заверениям г-жи Яковлевой, главные мужские роли согласились сыграть Том Круз, Олег Меньшиков и Евгений Сидихин. На главную женскую роль приглашена Мадонна. Г-жа Яковлева верит, что фильм обязательно получит «Оскара» и (или) «Золотую пальмовую ветвь» в Канне.Четыре года назад, будучи одним из городских начальников Калининграда, Александра Яковлева решила затеять там кинофестиваль «Янтарная пантера» (это она сама, Яковлева, и есть). Актриса — она же продюсер, она же городской чин — громко пообещала, что ее фестиваль всего через год переплюнет Канн. С «Янтарной пантерой» что-то не заладилось. На первом же фестивале члены жюри с изумлением обнаружили, что никто из организаторов не знает даже расписания просмотров. Вроде бы прошла еще одна «Пантера», но именно «вроде бы». Так что Круз с Мадонной, конечно, снимутся. Зато: кто «акционирует», тот и функционирует. Зато: все говорят.

ШОППИНГ

Любовь — кольцо

Барбра Стрейзанд, певица и кинодива, «сама себе режиссер» («Двустворчатое зеркало»), знаменита и скандалами на съемочной площадке, и именами своих многочисленных возлюбленных. Еще она известна стойкой неприязнью к брачным узам и, соответственно, к первой части поговорки «После свадьбы хоть ложкой ешь». Нынешний спутник Стрейзанд, актер Джеймс Бролин, уже почти год познающий на собственном опыте справедливость известного постулата «Постель — не повод для женитьбы», пять раз предлагал Барбре руку и сердце, всякий раз безуспешно. До тех пор, пока не нашел в магазине красивого обручального кольца, которое Стрейзанд немедленно водрузила на палец. В Голливуде считают, что свадьба не за горами. ■

ГАСТРОЛЬ

Проживающий в Бельгии виолончелист Миша Майский, один из самых известных воспитанников Мстислава Ростроповича, принял участие в концертах фестиваля «Шостакович и мировая музыкальная культура» в Москве

ГЕРОЙ

Багз Банни вновь первый

Кролик Багз Банни доказал, что он один из самых проворных мультгероев — быстрее Тома и Джерри, Микки Мауса, Дональда Дака и др. Он сумел «обольстить» работников почтовой службы США, которые впервые в Америке выпустили марку с изображением персонажа мультипликационной индустрии. Презентация этого события происходила в студии «Уорнер Бразерз» — создателе кролика.

ШУТКА

Тортом по юбиляру

В калифорнийской студии телекомпании NBC произошла небольшая потасовка. Во время трансляции передачи «Вечернее шоу с Джеем Лено» актер и режиссер Мэл Гибсон запустил тортом в популярного в США телеведущего. Последний был этому несказанно рад — таким образом Джей Лено отмечал пятилетие своей передачи. Широко известное и популярное в Америке шоу, кстати, послужило прообразом «Доброго вечера» с Игорем Угольниковым, вот уже несколько месяцев идущего — пока, к сожалению, без особого успеха, — на канале РТР.

РЕКОРДЫ

Спилбергу банкротство не грозит

В конце мая произошло то, в чем никто и не сомневался, — новый фильм Стивена Спилберга «Затерянный мир: Парк юрского периода» уже в первый прокатный уик-энд не только оправдал затраты на его создание, но и побил все кассовые рекорды, заработав 92,7 млн. долларов. Зрители в восторге от динозавров, которые стали еще больше, чем в «Парке», быстрее, злее, а самое главное, голоднее...

В начале июня в Москве ожидают пиратской копии «Затерянного мира». Разумеется, в красивой упаковке, с хай-файным звуком и прочими прелестями псевдолицензионного кино. С одной лишь разницей — на видео, да еще в тряпочной копии, спилберговские чудовища потеряют весь свой шарм. ■

По информации «Итогов», REUTER, Интерфакс, ИТАР-ТАСС, AFP
Фото REUTER, AP, AFP, Турне, М. Гнисюка

Белый, «белая» и другие

Премий должно быть много, чтобы и они, каждая на свой лад, зазвучали в непростой партитуре под названием «Современная российская словесность»

Лев Рубинштейн

ЛАВРЫ

Стартовал очередной букеровский марафон, основные этапы которого «Итоги» уже второй год комментируют шаг за шагом. Премия интересна не только и не столько своими результатами, сколько способностью создать вокруг себя атмосферу интриги. «Букер» хорош независимо от того, хороши или плохи его лауреаты. Он, что называется, звучит.

Но премий должно быть много, чтобы и они, каждая на свой лад, зазвучали в непростой партитуре под названием «Современная российская словесность». Они и есть. Пушкинская премия фонда Альфреда Тёпфера. Премии литературных журналов. Эксцентричный, скажем так, «Антибукер». Есть — специально для проверенных «прорабов Духа» — полный и окончательный «Триумф», примечательный главным образом высокой степенью предсказуемости. Буквально на минутку вспомним о том, что все еще никуда не подевалась и премия Государственная — в девичестве Сталинская, — которую раньше выдавали за «в яркой образной форме выдающийся вклад в», а после — более или менее тем же самым «вкладчикам», но теперь уже за то, что они «все эти годы, несмотря ни на что».

Но появляются премии и другие...

Недавно «Итоги» поместили небольшую заметку о вручении литературных премий за лучший перевод, учрежденных журналом «Иностранная литература» и посольством Франции. Награды, напомним, присуждаются уже второй год. А вот в Санкт-Петербурге решено возродить литературную премию имени Андрея Белого — первую в России регулярную негосударственную. Она была учреждена в 1978 году редколлегией питерского самиздатского журнала «Часы». С 1978 по 1994 год — время существования премии — в числе ее лауреатов оказались Геннадий Айги, Иван Жданов, Виктор Кривулин, Елена Шварц, Андрей Битов, Борис Дышленко, Саша Соколов, Евгений Харитонов, Борис Гройс, Михаил Эпштейн и другие.

Аполлон, изливающий жертвенное вино (или «белую»?)

Свидетельствую, что премия Андрея Белого в мире «второй» культуры действительно считалась и почетной, и престижной. Я до сих пор не забыл ни тайных надежд, ни еще более тайных уколов ревности. Хорошо помню и ее внушительный размер: один рубль и бутылка водки, торжественное распитие которой составляло существенную часть церемонии вручения. Созвучное названию премии народное имя водки — «белая» — как бы сообщало этому «почетному призу», помимо прямого, практического, еще и символическое значение. Каково будет материальное выражение нового «Андрея Белого», вопрос, может быть, и праздный, хотя и интригующий. С «белой» все более или менее понятно, а вот почем теперь будет «рубль», неясно. Но интересно.

Сейчас, слава Богу, действительно появилось много новых премий, но ни одна из них, как сказано в тексте, распространенном Комитетом премии имени Белого, куда вошли редколлегия журнала «Часы», Балтийский гуманитарный фонд, музей Анны Ахматовой, издательство «Азбука», журнал «Новое литературное обозрение», «не ставит задачи учитывать роль духовно-эстетического эксперимента в реальном литературном процессе и стимулировать эту линию нашей культуры». А возобновленная премия как раз эти-то задачи и ставит.

В качестве одного из номинаторов удостоился приглашения и я. Номинаторам предложено выдвинуть на соискание премии «произведения, написанные на русском языке, независимо от места жительства и гражданства автора и времени написания». Второе же условие — выдвигать произведения неопубликованные или опубликованные тиражом до 300 экземпляров — у меня по крайней мере вызывает определенные затруднения, ибо у тех авторов, сочинения которых я хотел бы «прономинировать», к несчастью, опубликовано практически все. Как быть в таком случае? Менять условие или менять критерии? Проблема, между прочим.

Из прочих премиальных инициатив мне показалась интересной еще одна. Молодой поэт и один из московских «литературтрегеров» Дмитрий Кузьмин предлагает учредить «Премию салонов». Литературные салоны, по крайней мере московские, действительно набирают силу как места концентрации литературной жизни. Книги книгами, а журналы журналами, но словесность «здесь и теперь» во многом питается энергией живых, непосредственных общений, а устные формы бытования текстов хотя бы в силу их исторического первородства слабó вытеснить даже Гутенбергу с Интернетом вместе взятым. Литература в значительной степени и рождается, и обращается в той среде, которую недоброжелатели презрительно называют «тусовкой», а доброжелатели — ласково — тоже «тусовкой». Да и сама фигура «литературтрегера» все отчетливей заявляет о себе как о мастере особого литературного жанра, каковым является поэтический вечер или, скажем, литературный фестиваль. Культурная стратегия каждого из них и есть его поэтика.

В проекте положения о «Премии салонов» вполне резонно говорится о том, что «перспективой развития института литературных премий в России... является их специализация». И правда: такие номинационные формулировки, как «за лучший роман» или «за лучшую книгу стихов», выглядят странно, отражая достаточно архаическое представление о современной литературе как о пространстве с единым центром. Да нету никакого такого центра! Культура полицентрична, и лишь ясно понимая это, можно претендовать хоть на сколько-нибудь адекватное ее восприятие. ■

Женщина-дирижер: рыжая, что ли?

Шан Эдвардс: «Решиться променять валторну на дирижерскую палочку было нелегко»

Кира Верникова,
Анна Петрова

ДОРОГОЙ ГОСТЬ

Преждевременно утверждать, что прекрасные леди теснят мужчин на подиуме, и вряд ли слово «дирижер» приобретет в русском языке форму женского рода, но явление за пультом амазонки с дирижерской палочкой уже не вызывает ярмарочного любопытства. В классах симфонического дирижирования всегда найдутся девушки. Учатся многие, но карьеру делают единицы.

Одна из них — англичанка Шан Эдвардс. Победа на конкурсе дирижеров в Лидсе (1984) открыла ей дорогу к профессиональной карьере: как приглашенный дирижер, Шан выступает с Филармоническим оркестром Роттердама, Национальным симфоническим оркестром в Вашингтоне, Парижским оркестром, симфоническим оркестром Берлина и многими другими. За три года в статусе музыкального руководителя Английской национальной оперы поставила среди прочего «Махагони» Курта Вайля, «Жизнь с идиотом» Шнитке, «Хованщину» Мусоргского. Русский репертуар легко счесть данью школе, ведь Эдвардс — любимая ученица патриарха петербургского дирижерского факультета Ильи Александровича Мусина. Она замыкает вереницу знаменитостей, вышедших из его класса, — от Арнольда Каца до Юрия Темирканова и Валерия Гергиева.

Говорят, оркестранты могут оценить дирижера еще до того, как он взмахнет палочкой. В случае с Шан критерии путаются: на сцене появляется экстравагантная личность с рыжими вихрами и мальчишескими повадками. На репетиции она может спрыгнуть с подиума, чтобы послушать оркестр из зала, и так же непринужденно вскарабкаться обратно. Глядя на такого «шефа», оркестранты улыбаются с почти родительской нежностью.

Неакадемическому поведению Шан предшествовало необычное образование : Шан избежала обязательных роялей и хора. Вначале была валторна.

ДОСЬЕ

Шан Эдвардс
Родилась в Англии
1980—1982 — училась в консерватории Манчестера по классу валторны
1983—1987 — училась в Ленинградской консерватории по классу оперно-симфонического дирижирования (руководитель Илья Александрович Мусин)
1984 — лауреат Международного конкурса дирижеров в Лидсе
1988—1990 — работает ассистентом дирижера в театре «Ковент-Гарден» (Лондон)
1991—1994 — музыкальный руководитель Английской национальной оперы
С 1994 — приглашенный дирижер Английской национальной оперы

— Когда меня впервые взяли на симфонический концерт, самым сильным впечатлением оказался звук валторны. Я поняла, что это мой инструмент. В своей карьере валторнистки я дошла до консерватории в Манчестере. Но в конце концов стало скучно, надоело часами выдувать ноты. Хотелось заниматься музыкой. Мы с друзьями устроили в Оксфорде концерт, который стал моим дирижерским дебютом. Но решиться променять валторну на дирижерскую палочку было нелегко: считается, что оркестром должен руководить представительный, солидный мужчина в летах. Перед глазами, однако, был пример Саймона Рэттла (один из самых известных английских дирижеров. — **«Итоги»**): в 21 год он выиграл конкурс и возглавил Симфонический оркестр Бирмингема, доказав, что отсутствие опыта можно восполнить энергией и энтузиазмом. Когда я встаю за пульт — например, перед «Хованщиной» — и осознаю, что впереди четыре часа дирижирования, мне становится страшно. Но потом начинается музыка, и она дает энергию. Мне кажется, что мы летаем.

— Вы положили начало «английскому классу» профессора Мусина в консерватории. Что привело вас в Ленинград?

— Совет Неэми Ярви, у которого я начинала учиться дирижированию. Приехала, совсем не зная русского языка. Забавно, но поначалу в консерватории все жаждали говорить со мной по-английски. Не знаю, насколько усовершенствовался английский моих собеседников, но я по-русски заговорила к концу первого года обучения.

Излишне обсуждать значение школы Мусина — проучившись в консерватории всего год, я смогла победить на конкурсе в Лидсе. Учеба в России оказалась очень существенной и для моего репертуара. В Англии романтические и даже классические произведения не в ходу у молодых дирижеров: принято заниматься или старинной музыкой, или совсем новой. Но мой музыкальный мир — это произведения классиков, на них я учусь и сейчас.

— А как обстоит дело с совсем новой музыкой, доверяют ли вам композиторы премьеры своих произведений?

— Был у меня замечательный опыт: в 1988 году на фестивале в Мюнхене я ставила оперу «Грек» англичанина Марка Энтони Тернеджа. Его самого пригласили на репетиции, а режиссером был его либреттист. Удобно, конечно, когда создателей можно спросить, что они, собственно, имели в виду, а не сидеть одной и размышлять — долго и безуспешно — о намерениях композитора.

— Каково приходится женщине за пультом?

— Лучше не сравнивать себя с мужчинами и вообще с другими дирижерами — работа каждого индивидуальна. Конечно, контакт с оркестром зависит от характера, от умения ладить с людьми.

Думаю, иногда при встрече с новым коллективом мне помогает, что я женщина, — это ведь интригует. Но женщине труднее, поскольку мужчину-дирижера оркестр естественно воспринимает как авторитет. Женщина не может повысить голос — это будет казаться женской истерикой, а копировать мужские повадки просто смешно. Надо все время думать, как себя держать, и оттого женщине все-таки сложнее. Да еще концертная одежда... Раньше я надевала платье, но платье требует каблуков, а они неустойчивы. Дирижирование — физическая работа, и на сцене должно быть удобно и свободно. Мужчинам и в этом отношении легче — у них есть фрак. Эквивалента же для женщин модельеры еще не создали.

А вообще положение женщины в оркестре и за дирижерским пультом — это сейчас уже не та проблема, которую стоит с жаром обсуждать. Вы знаете, что в Венский филармонический оркестр с его традициями «элитарного мужского клуба» не принимают дам, но дирижером в одном из оперных театров Вены работает женщина.

— Оркестр — это государство в государстве. Какая форма правления вам ближе — абсолютная монархия, конституционная или, может быть, диктатура?

— Смотря где. В Америке жаждут «сильной руки», солидных и авторитетных маэстро, которые взмахнут палочкой — и все получится.

В Англии более распространена демократическая позиция: «Давайте сделаем все вместе».

В России отношения с Академическим симфоническим оркестром, с которым я всегда выступаю во время петербургских гастролей, складываются как дружеские. Здесь ко мне относятся пристрастно — тепло и заинтересованно, наблюдают, как я «расту». Мне остается только поблагодарить оркестрантов за прекрасное сотрудничество: удивительно, что при том положении, в котором находятся музыканты, они вообще приезжают на работу.

— Музыкальный директор, монарх, даже деспот — так порой называют дирижеров. Как согласуется семейная жизнь с навыками единоличной власти?

— Приходится идти на уступки. К примеру, мой сын Фин в свои пять лет уже оперный фан. Однажды мы с ним отправились на «Орфея в аду» Оффенбаха. Я хотела уйти после первого действия, он же меня не пустил: мы сидели и громким шепотом препирались прямо под музыку. В результате он заставил меня досидеть до конца.

Думаю, любое сочетание карьеры и семьи — компромисс. Мой муж (музыковед Йен Кемп. — **«Итоги»**) много времени проводит дома, но и я — очень домашний человек, люблю хозяйничать. И если бы мне сказали в самом начале карьеры, что музыкант должен так часто и надолго уезжать, возможно, я выбрала бы что-нибудь другое.

Сейчас я работаю только как приглашенный дирижер — значит, могу от чего-то отказываться во имя баланса семьи и профессии. Но иногда отказываться так трудно! ■

EXEGI MONUMENTUM

Памятник Петру следовало бы заменить на другой, всем известный

Лев Смирнов

ТРЕТИЙ РИМ

С эстакады Крымского моста вся Москва перед глазами. Когда выходишь из неразберихи и сутолоки ее архитектурных урочищ на широкое речное раздолье, градостроительная судьба Москвы, как ниоткуда больше, вся видна. Даже неимоверные архитектурные идеологемы — зримое выражение вечных претензий на вселенскую исключительность — утрачивают здесь свою агрессивность: реликтовые остовы высотных зданий, архитектурная ортодоксия храма Христа Спасителя, первопрестольная многокупольность Боровицкого холма, сумрачный массив дома-могильника «на набережной», прямоугольное бесформие (как и самой «эпохи застоя») параллелепипеда ЦДХ и прямо над головой — кривая победного графика второй пятилетки — Крымский мост. Все в этой панораме уживается, и всему места хватает. Хорошо на московском просторе.

От редакции

Результаты опросов москвичей, проведенных по решению специальной комиссии при правительстве Москвы (вместо предполагавшегося референдума), свидетельствуют: несмотря на то, что памятник Петру Первому жителям города не нравится, сносить его они не хотят. Тем не менее нам показался интересным иронический проект искусствоведа Льва Смирнова

Даже ошеломляющий в городе архитектурный бум отсюда почти незаметен. Наконец понимаешь: это не обновление, а восполнение — очередная «новая Москва» вносит в город недостающее ему архитектурное прошлое; понятна неизбежность восстановления храма Христа Спасителя.

Ну а теперь о главном: именно отсюда со всей очевидностью прозреваешь конечный замысел молниеносного возведения монумента Петру-флотоводцу на стрелке «кремлевского» острова — там, где видимая пустота была менее всего случайна, как нигде обманчива, где она монолитнее любой архитектуры.

Как безошибочно выбрано время — юбилей, который Москва готовится отметить так, словно не 850, а по меньшей мере 8500 лет прошло со дня ее основания! Как удачно выбрана тема, с каким чутьем на кощунство — возвести в самой сердцевине Москвы восьмидесятиметровый монумент тому, кто ликвидировал Московское царство, кто в одночасье отнял у Москвы статус столицы — весь смысл ее существования! Как искусно симулирован тяжелый рецидив худфондовского монументализма! Ну разве все это могло не вызвать законного негодования прогрессивной общественности?

И разве не этого добивался художник!

Пора воздать должное творческой дерзости Церетели, его масштабу художника-провокатора. Его проект войдет в историю, он

станет в ряд с эпохальными пространствотворящими идеями.

Память, говори

230 лет назад, в 1767 году, зодчий Василий Баженов приступил к осуществлению одного из самых ошеломляющих московских проектов. На священном Боровицком холме, попирая седые стены, поглотив соборы — архитектурные атрибуты «Третьего Рима» — должен был вознестись невиданный «акрополь дворянской республики», как метко сказал Карамзин. Это был дерзкий вызов столицы дворянских усадеб и оплота дворянской свободы номенклатурному Петербургу, архитектурное начало идейно-культурного противостояния Москвы. Уже разобраны были стены и башни Кремля вдоль набережной Москвы-реки, уже были вырыты траншеи для фундаментов... Лучшие умы России — Карамзин, Сумароков, Державин — были в смятении, крики восторга тонули в рыданиях, оды не получались. Начались знамения: вопреки тщательным расчетам и предосторожностям основания кремлевских храмов стали оседать, стены рушиться. В городе началась чума... По-видимому, только победоносная война с Турцией и покорение Крыма склонили чашу весов в пользу имперского Петербурга. Претензии Москвы были погашены, строительство прекращено, кремлевские стены с грехом пополам восстановлены.

Это была, несомненно, самая удачная творческая акция зодчего: в последующие полвека идея дворянской республики осуществилась в гораздо большем, чем Кремлевский дворец, масштабе — в классицистских портиках помещичьих домов по всей России.

180 лет назад, в 1817 году, никому не известный студент Императорской академии художеств Александр Витберг выиграл высочайше объявленный конкурс на проект храма-мемориала в ознаменование победы России над Наполеоном. Москва только начала возрождаться от беспримерного градостроительного акта самосожжения 1812 года, поля и леса еще обступали ее пепелище. Грандиозный храм должен был подняться на виду у всего города — на Воробьевых горах. Радикальность проекта Витберга заключалась в том, что он посягнул на само небо Москвы: силуэт храма изменял очертания природного горизонта города. И хотя фундамент храма был уже заложен, время нового неба Москвы

наступило только спустя полтора столетия: пространственная парадигма Витберга воплотилась в горизонтах социализма сталинского зодчества — в силуэте МГУ на Ленинских горах. Витберг был осужден и сослан. Гораздо более скромный храм Христа Спасителя был построен другим архитектором и на другом месте.

Жертвоприношение

Теперь уже можно с уверенностью констатировать: подобно великим прошлым прецедентам, проект Церетели удался. Он уже блестяще осуществил первый его этап: монумент-провокация возведен. На очереди реализация второго, как и в предыдущих случаях, самого мучительного и душераздирающего. Впрочем, нет, Баженову и Витбергу, наверное, легче было видеть, как засыпают фундаменты их великих начинаний, чем нынешней власти приступить к демонтажу монумента Петру. Художник с безжалостным сердцем жреца-очистителя, к сожалению, не учел, что теперешняя общественность была бы глубоко травмирована варварским зрелищем ликвидации произведения искусства. Есть еще время исправить оплошность художника и опротестовать решение специальной комиссии при правительстве Москвы, своей неуместной гуманностью чуть было не погубившей замысел. Конечно, недопустимо проводить ликвидацию (у меня это слово тоже вызывает содрогание) как будничное дело. Следует придать ей сомасштабное замыслу мистериальное звучание, представить, например, как ритуальный акт возмездия Петру-святотатцу.

Монумент-жертвоприношение, «разорвав пространства холстину», своим исчезновением откроет последний, самый захватывающий акт мистерии пространствотворения. Готовы ли мы к нему?

Надо смотреть правде в глаза: это место никогда уже не вернется в свое изначальное состояние, как не станет «кремлевский» остров снова Болотом. Это значит, что альтернативой демонтированному монументу уже не может быть прежняя пустота, ею должен стать другой монумент. Не какой-то случайный, победивший на спешно организованном конкурсе (будем откровенны: время монументального искусства прошло, и уповать на конкурсы наивно), — нет, тот единственный образ, для которого это место уже готово, которого оно давно ждет. Этот образ внесет сюда подлинный, живой, волнующий дух истории.

Такой проект есть. И ты его знаешь. Его знают все.

Другой монумент

60 лет назад, в 1937 году, на Всемирной выставке в Париже две великие тоталитарные державы — нацистская Германия и социалистический СССР — сошлись в своем первом, пока еще идеологическом, противостоянии. На головокружительной высоте сходных по очертаниям павильонов традиционному стервятнику Священной римской империи германского народа архитектор Борис Иофан и скульптор Вера Мухина противопоставили человекообразную композицию «Рабочий и колхозница». Как и в разразившейся позднее войне, победили советские люди.

Почти сразу «Рабочий и колхозница» стали больше, чем скульптурой. Они вошли в повседневную жизнь советского человека: скульптура стала эмблемой нашего кино в эпоху, когда не ходивших в кино попросту не существовало.

И вот пришла пора извлечь монумент с задворок бывшего ВДНХ, ввести в соразмерное ему актуальное пространство, вновь пробудить в нем энергетику всемирно-исторического звучания. Таким местом и должна стать стрелка «кремлевского» острова.

О символической многослойности и семантическом богатстве этого произведения коротко сказать невозможно. И все-таки что же такое «Рабочий и колхозница»?

1937

Прежде всего, конечно, сам год, в котором был создан монумент, — это Тридцать седьмой в самом всеобъемлющем и адекватном воплощении. Год, который человечество уже никогда не забудет, в цифрах которого «закаббализирована» эпоха построения социализма в отдельно взятой стране — все ее невиданные свершения, поворотные вехи, всемирно-исторические переломы. Перечислим лишь наиважнейшие.

Как известно, 1937-й — год окончательного оформления новых общественных отношений. Все население страны поделилось на «кадры» и «массы». Кадры решали все, а массы с небывалым энтузиазмом штурмовали намеченные рубежи. «Рабочий и колхозница» — это образ руководимых кадрами масс, новой социалистической общности тружеников, символизирующих орудия своего труда. Корпуса кондитерской фабрики «Красный Октябрь», возвышающиеся на стрелке «кремлевского» острова, послужат прекрасным фоном для монумента, символизирующего труд.

В 1937-м советский народ принес на алтарь социализма самые большие жертвы — они исчисляются миллионами жизней. Это сразу дало свои плоды — социализм был построен полностью и окончательно. В этом аспекте «Рабочий и колхозница» являют собой страшные знаки года великих жертв и побед. Как известно, и серп, и молот в гораздо более древних, чем эпоха социализма, традициях были знаками смертоносных потусторонних сил. Установка мемориала «Рабочий и колхозница» в непосредственной близости от Красной площади, «дома на набережной», зданий бывших силовых наркоматов раскодировало бы эту зловещую символику серпа и молота.

Интересно, что с отказом страны от социалистического выбора оба эти мотива слились в поистине небывалый образ смерти-труда, бессмысленного и беспощадного, которым извечно одержима шестая часть земли.

В том же 1937-м был введен в строй канал «Москва — Волга». Столица получила не только мягкую питьевую воду. Канал обогатил ее геополитическую геральдику очень важным атрибутом глобальности. Отныне Москва именует себя «порт пяти морей и трех океанов», что компенсировало наконец более чем двухсотлетнее отсутствие титула «Москва — Третий Рим», утраченного ею с переносом столицы России в Петербург. К сожалению, сегодня это геральдическое значение канала «Москва — Волга» прочно забыто. Надо отдать должное интуиции Церетели-художника: он безошибочно уловил необходимость выхода на морскую тему именно здесь и именно сейчас, но, увы, не нашел адекватного решения. Петр действительно дал России выход к морю, но какой ценой? Он передвинул столицу к морским берегам, чем, конечно, только унизил ее статус. А вот канал «Москва — Волга», напротив, придвинул моря к Москве, что значительно возвысило ее во вселенской урбо-иерархии. Есть сведения, что в том же 1937 году Наркомат внутренних дел выходил на Совнарком с предложением установить монумент «Рабочий и колхозница» в зоне канала. Уже тогда была осознана нерасторжимая связь этих выдающихся свершений эпохи социализма. Установка монумента на стрелке «кремлевского» острова подвела бы наконец канал «Москва — Волга» к самым стенам Кремля, воскресила бы атрибут морского могущества столицы.

Елисейские поля монументальной пропаганды

Монумент на стрелке «кремлевского» острова помог бы решить проблему мемориального наследия и относительно недавнего прошлого. Еще в период «перестройки», во время активного развала Союза художников СССР, на территории ЦДХ стали стихийно скапливаться произведения монументального искусства, оставшиеся от проходивших в его стенах выставок, — на их вывоз и хранение у Худфонда средств уже не было. Каждое лето им пытались придать экспозиционный вид и даже стали называть «садом скульптуры». После августовского путча в другой угол территории ЦДХ начали свозить снятые с площадей и улиц памятники вождям. Так к саду добавилось кладбище монументальной пропаганды. Сегодня и то, и другое — скорее свалка. А ведь идея сада-кладбища советского монументального искусства очень перспективна. Водружение на стрелке «кремлевского» острова композиции «Рабочий и колхозница» стало бы пластическим апофеозом такого музея под открытым небом!

Уже слышу возмущенные голоса — да ведь это просто подарок нашей оппозиции! Совершенно верно. Но разве не объявил президент 1997-й «годом согласия и примирения»? А ведь «Рабочий и колхозница» — это едва ли не единственный образ, который одинаково дорог обеим частям расколотого общества: и людям, живущим социалистическим прошлым, — как живое воплощение их программ и идеалов, и остальным — кому социализм дорог как память, а монумент — как памятник.

Фото Игоря Гаврилова

Торжество предсказуемости

Задача ТЭФИ, как и любой другой престижной премии, — постепенно охватить весь круг бесспорно признанных светил

Аглая Миловзорова

ПРИЗНАНИЕ

Не будучи членом шведской королевской академии и не участвуя в таинстве присуждения Нобелевских премий, я не могу с точностью сказать, как выглядел ирландский поэт Шимус Хини, когда его триумф откладывался в четвертый, а может, и в шестой раз. Зато я видела на экране лицо одной замечательной телеведущей в первые дни после того, как премию ТЭФИ присудили другой телеведущей, тоже во всех отношениях замечательной. Холод оскорбленного достоинства сочетался с энергией творческой состязательности — думаю, это было лучшее время для ненагражденной особы.

Год прошел, и справедливость была восстановлена. Точнее, подошла очередь. И не надо по этому поводу язвить. Задача любой престижной премии — постепенно охватить весь круг расчисленных светил, а не ловить за хвост беззаконные кометы. Впрочем, разбавить столичное однообразие тоже необходимо. На сей раз это была скорбная нота: специальный приз посмертно получили погибший в Таджикистане Виктор Никулин и его отец Михаил. Меж тем лауреат позапрошлогодней премии ТЭФИ Елена Масюк продолжает находиться в чеченском плену. Президент Академии российского телевидения Владимир Познер хочет, чтобы голос протеста против похищений журналистов дошел до всего мира. Но одного желания тут недостаточно. У журналистов есть оружие еще более действенное, чем слово. Это — молчание, информационный бойкот. Но для молчания требуется вдесятеро больше мужества и солидарности. Ладно. Слишком серьезный разговор.

А в остальном — сплошная прекрасная маркиза. ТЭФИ — это наш праздник. Мне нравятся его веселая парадность, музыка, растроганные речи лауреатов и почти бескорыстные аплодисменты зала. Я люблю его, как День шахтера или праздник наших Вооруженных Сил.

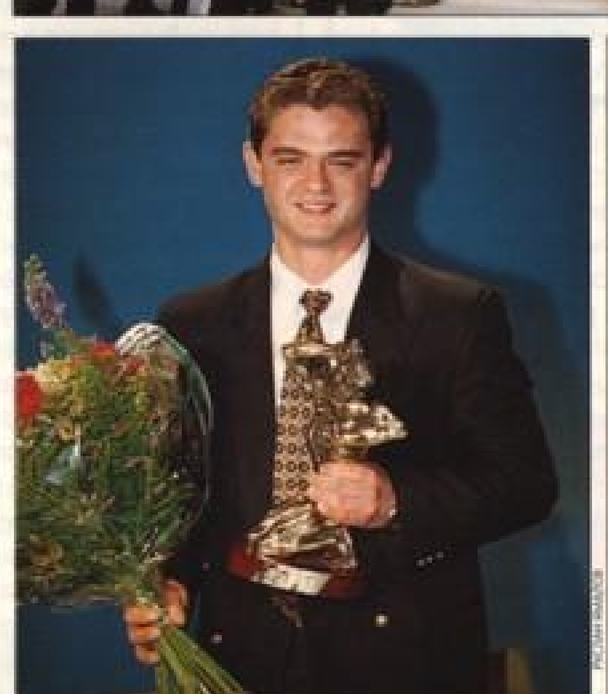
Когда было объявлено, что премии получили такие вечнозеленые долгожители ТВ, как «Спокойной ночи, малыши», «Клуб путешественников» и «Что? Где? Когда?», то первой реакцией было: а разве они уже не лауреаты? Ах да! Ведь ТЭФИ присуждается всего в третий раз. Саму собой разумеющуюся награду получил и Николай Озеров, с президентской поправкой в формулировке — не просто за личный вклад, а за выдающийся личный вклад. С Борисом Николаевичем накладно спорить, да и незачем в данном случае.

Специальный приз дали Рязанову. А как же — Госпремия есть, «Ника» есть, фестивальные награды есть, даже орден «За заслуги перед Отечеством» на днях получен, а ТЭФИ нет. Теперь с некомплектом покончено.

Трудно было усомниться, что лучшей информационной программой станет «Сегодня», а лучшим развлекательным ведущим — блистательный клоун с философским образованием Валдис Пельш. Не вызывают возражения и «Петербургские тайны» — наш ответ их мыльно-психологическим сериалам. Если, конечно, не сравнивать эти тайны с «Сагой о Форсайтах» и «Твин Пиксом». И не надо сравнивать, ибо применение высоких критериев к произведениям массового искусства говорит о профнепригодности критика.

ЛЕСТНИЦА В ОСТАНКИНСКОЕ НЕБО

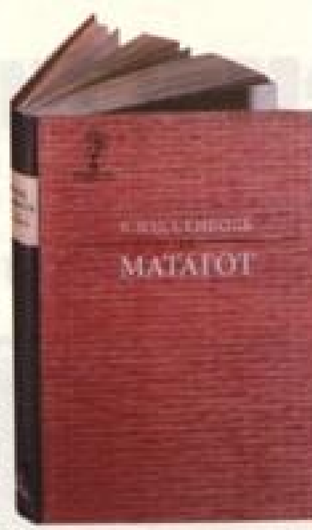

КОРОЛЬ РЕПОРТАЖА-97 — **АЛЕКСАНДР ХАБАРОВ** (НТВ)

С чувством глубокого личного удовлетворения я восприняла присуждение премии Эдварду Радзинскому за лучшую публицистическую программу. В свое время на страницах «Итогов» (№ 14 за 1997 год) мне довелось разъяснять читателям учение Радзинского о том, что громадность преступления превращает его в эстетический объект, а пошлые соображения морали уходят при этом в тень. Отрадно, что столь нестандартные мысли нашли понимание у строгого жюри, состоящего из одних академиков. В конце концов и в Нобелевском комитете премии дают не только нафталинным очередникам — вот в свое время и Беккету перепало. Он, правда, не хотел брать, все ломался и выпендривался, авангардист несчастный.

Приличные люди не ломаются. Получив свое, они расчисляют следующий круг бесспорно признанных светил (коллег, друзей и соавторов), которых надо охватить премией в будущем году, прибавив чуть-чуть регионально-провинциального десерта. И в этом нет ничего плохого. Слишком много неожиданностей сваливается на нас. Хочется спокойной предсказуемости. Особенно если дело касается телевидения: ведь мы, то есть зрители, давно знаем, кто лучше всех. Дело жюри — не сбивать нас с толку.

Помимо Нобелевского комитета, членом которого я не являюсь, я не вхожу и в число российских телеакадемиков. Поэтому это будет не номинация, а прогноз. ТЭФИ-98 должны получить Леонид Парфенов («Наша эра»), Лев Новоженов («Времечко») и еще этот, как его... ну, который «every time you eat...». Все-таки на его деньги живем и премии присуждаем. ■

Клод Сеньоль. Матагот.
М.: Энигма, 1997

В АННОТАЦИИ К ЭТОму сборнику говорится, что Сеньоль, интереснейший писатель нашего века и неутомимый собиратель фольклора, создал собственную магическую вселенную, где переплелись мистика и реальность, будни и магические перевоплощения. А обстоятельное послесловие и вовсе озаглавлено «Чернокнижник Клод Сеньоль». И на первый взгляд творчество Сеньоля полностью укладывается в рамки серии «Мандрагора», посвященной эзотерической и мистической литературе.

Зачем Сеньоль писал свои страшные истории? Чтобы поделиться причудливыми «этнографизмами» своей родины Франции? Чтобы порадовать читателей плодами великолепной фантазии своих соотечественников? Чтобы драгоценные фольклорные находки не перешли в разряд пыльных музейных экспонатов? Безусловно, такие побудительные мотивы в творчестве Клода Сеньоля, знатока и собирателя народного творчества, присутствуют.

Но «Матагот» — не только литературный памятник: ведь художники XX века, активно включая в фактуру собственных произведений фольклорный субстрат, осмысливают его совершенно иначе, чем их предшественники. Книга отмечена незаурядной личностью автора, а его литературный талант легко проникает в глубины первобытного мифологического сознания.

Пафос всех рассказанных Сеньолем историй — борьба дьявольского с божественным, иными словами, борьба добра и зла, что есть обычная тема фольклора.

И книга Сеньоля не была бы интересна и созвучна нашему времени, если бы не авторская физиономия, лукаво подмигивающая читателю, недоумевающая, отпускающая прелестные ремарки «в сторону»: «По злобному лицу кюре было видно, что он никогда не упускал случая прямо или косвенно насолить сатане».

Насмешливому «галльскому гению» душновато в мистических обстоятельствах деревенских преданий, и ужасы и страшилки он нередко изображает в трезвой и тонко-язвительной манере: «Люди удалились, плача и утешая вдову, намахавшуюся головой, когда она провожала взглядом каждую лопату могильщика, словно считала, чтобы не переплатить лишнего». Или: «...отправиться к дикому и молчаливому мешку с мокрыми отрубями, каким был местный столяр».

«Еще ребенком я понял, что каждое произнесенное слово должно вызывать либо дрожь, либо улыбку». Эти слова Сеньоля оказываются замечательно точной характеристикой всего его творчества. Надо сказать, баланс «улыбки» и «дрожи» всегда присутствует если не в сюжетах, то в авторском стиле. Это и есть то заветное окошко, через которое мы можем увидеть загадочное лицо автора. В повести «Матагот» авторская физиономия практически сливается с физиономией рассказчика, который, подобно Вергилию, ведет читателя через трясину мистического безумия и мрачных поверий.

Из всех рассказов и повестей сборника «Матагот» меньше всего похож на реконструированный фольклорный текст. Это самое «авторское» произведение, его хитроумная конструкция близка «Рукописи, найденной в Сарагосе». Повесть напичкана обрывками подлинных — завлекательных и таинственных — легенд, что заставляет заподозрить автора в грандиозной мистификации.

Самое большое удовольствие, какое может получить читатель, — это дешифровка послания, заключенного в хитроумную оболочку. И в тех случаях, когда удается поймать улыбку автора, приближающуюся по отчетливости к улыбке Чеширского Кота, книгу рекомендуют друзьям и детям. Если воспользоваться формулой героя повести Сэлинджера «Над пропастью во ржи» Холдена Колфилда, то мне хотелось бы поговорить с Клодом Сеньолем по телефону. ■

Ирина Головинская

Иван Жданов. Фоторобот запретного мира.
Спб.: Пушкинский фонд, 1997

ПОЭЗИЯ ИВАНА ЖДАНОВА давно нашла своих ценителей и свою «культурную нишу». В случае Жданова этот полунаучный термин легко получает какие-то зримые формы и воображается реальной нишей, или гротом, или пещерой добровольного отшельника, концентрирующего восприятие ради выхода за границы обыденного сознания и обыденной речи. Закону предельной концентрации подчинен и состав сборника «Фоторобот запретного мира», выпущенного петербургским издательством «Пушкинский фонд» в начале этого года.

Книга совсем небольшая: 52 страницы. В нее вошли стихи, тщательно избранные из того, что было написано Ждановым за много лет, — не меньше десяти. Такая сдержанность книге на пользу. Вышедшая в поэтической серии «Автограф», она действительно воспринимается как автограф Жданова — единый многостраничный росчерк его пера, иероглиф его поэтики. Соответственно, сама эта поэтика становится обозримее, понятнее.

Стихи Жданова не в последнюю очередь обязаны своей известностью тем дискуссиям о новой поэтической школе — метаметафоризме или метареализме, которые заполнили литературную периодику в середине 80-х. Но как раз эти стихи оказывали слабую помощь в разъяснении сущности метаметафоры и ее особой актуальности. Слишком очевидным было их литературное происхождение: серебряный век и поэтическая метафизика 70-х. Слишком безусловным и не вполне объяснимым казалось доверие автора высокому слогу и чужой мифологии — языку апробированной, нормативной культуры.

Такие недоумения новая книга Жданова по большей части снимает. Есть какие-то редкие и специальные обстоятельства, при которых пророческая нота не фальшива и не оставляет мрачного, опустошающего впечатления. Обстоятельства голоса, времени, темы — все вместе. Такое совпадение происходит временами в стихах Жданова. Речь уходит в глубину, отделяется от словарных значений, дающих здесь представление лишь о том, как далек утонувший смысл от играющей условными бликами поверхности. Начинается ровное глухое повествование об одиноком скитании души. Кропотливо, упорно, равномерно вытягивает поэт полоски строк, ряды заветных слов. Как будто не в словах дело, а в самом этом разворачивании, упорстве, напряженном преследовании тени глубоководного смысла.

То ли буквы непонятны, то ли нестерпим для глаза их размах:
остается красный ветер в поле имя розы на его губах.

Смещенным, но опознаваемым значением наполняются опорные слова рассказа: «сердце», «тропа», «песок», «куст». Чем чаще они повторяются, тем становятся убедительнее. И едва ли не больше, чем сама речь, поэтической формой становятся образ говорящего и необычность его занятий: заклинание воздуха; проповедь кусту; описание нездешней пыли.

Черепа из полыни, как стон простора,
выгоняют тропу, оглушают прелью.
И тропа просевает щебень до сора
и становится пылью, влекомой целью.
И качается зной в монолитной дреме
самоцветами ада в зареве этом,
и чем выше тропа, тем пыль невесомей
и срывается в воздух гнилушным светом.

Первый сборник стихов Жданова, вышедший еще в 1982 году, назывался «Портрет». Это слово могло бы стать вторым, дополняющим, названием его новой книги — стать одним из тех «проступающих» значений, которые делают поэзию Жданова подлинной и оригинальной. ■

Михаил Айзенберг

ПРЕМИИ

Фонд Альфреда Тёпфера назвал своих избранников

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОГО МАЯ В КОНФЕРЕНЦ-зале столичного Дома журналистов состоялось вручение Пушкинской премии Фонда Альфреда Тёпфера «за выдающийся вклад в русскую литературу» и целевых стипендий этого же фонда для поездки молодых русских писателей в Германию с целью знакомства со страной, ее писателями, издателями, редакторами и переводчиками. Как уже сообщали «Итоги», лауреатом этого года стал сибирский писатель Виктор Астафьев.

Поэт, культуролог и издатель Александр Лаврин, а также поэтесса Алина Витухновская, более известная широкой публике как лицо, подвергшееся репрессиям за репортажи об отечественной наркомафии, стали стипендиатами Фонда Тёпфера и теперь имеют возможность расширить свой «страноведческий кругозор».

На чествовании, которое открыл президент Русского ПЕН-центра Андрей Битов, присутствовала, как говорится, «вся литературная Москва», включая прибывшего из Америки писателя Василия Аксенова. Министр культуры РФ Евгений Сидоров, председатель жюри профессор славистики Вольф Шмидт (Гамбург), писатель Фазиль Искандер говорили о роли Астафьева в современном литературном процессе, о его живом слове. Один из лучших переводчиков русской литературы на немецкий, г-жа Роземари Титце, в содержательном и взволнованном докладе о творчестве Астафьева посетовала, что такое понятное россиянам словосочетание «народный писатель» практически непереводимо на западные языки. Писатель Евгений Попов сказал, что советская власть, как богатая вдова, неоднократно пыталась заполучить Астафьева, но он, как честный человек, на ней так и не женился. Сам лауреат, прибывший на церемонию вместе с сыном — реставратором икон и невесткой — преподавательницей английского, выглядел усталым, но вел себя свободно, заметив, что чем дольше он живет, тем меньше понимает, что это такое — литература. ■

С. В.

МУЗЫКА

Концерт ансамбля «Три-О»

«СВЯЗЬ-ЭКСПОКОМ-97»
Москва — Петербург

Известный джазовый ансамбль «Три-О» удивляет своими необычными созвучиями даже самых искушенных знатоков современной музыки. Но этого артистам показалось мало. На выставке «СВЯЗЬ-ЭКСПОКОМ-97» одновременно играли участники, находившиеся в разных городах: Аркадий Шилклопер (валторна, флюгерц-горн, альпийский рог) и Владимир Волков (контрабас) — в Москве, а Андрей Кондаков (фортепиано) и Александр Машин (ударные) — в Петербурге. Компания «Комстар» (организатор концерта) осуществила аудио- и видеосвязь с помощью новейших технологий, и публика видела «недостающих» участников на огромных экранах. Слушатели шутили, что девиз выставки «СВЯЗЬ-ЭКСПОКОМ-97» «Связуя тонкие нити» — не что иное, как выражение сути творческих устремлений музыкантов. Однако выяснилось: он указывает и на технологический принцип передачи звука и изображения.

Ярослав Седов

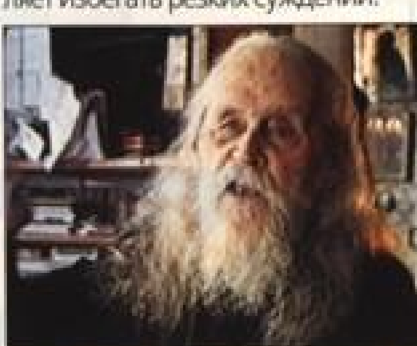
КИНО

«Не будем проклинать изгнание»

Режиссеры Михаил Демуров, Виктор Эпштейн
Студия «МАВР», 1997

Съемочная группа киностудии «МАВР» отправилась в Париж, чтобы найти свидетелей русской эмиграции первой волны.

НИКИТА КРИВОШЕИН (СЛЕВА) **— ВНУК ДВУХ ПРОКЛЯТЫХ ДЕДОВ И ПРОТОИЕРЕЙ БОРИС СТАРК** (СПРАВА), **ВНУК ПОСЛЕДНЕГО КОМАНДУЮЩЕГО БАЛТИЙСКИМ ФЛОТОМ (ПОКИНУЛ РОССИЮ МЛАДЕНЦЕМ)**

Как признаются авторы Михаил Демуров, Вячеслав Костиков и Виктор Эпштейн: «Мы опоздали». Людей, встретивших изгнание в сознательном возрасте, не осталось, даже уезжавшие младенцами по большей части отошли в лучший мир. Первоначальная задача оказалась невыполнимой.

В результате первые два фильма пятисерийного сериала «Не будем проклинать изгнание» — «Свидетели» и «Изгнание», недавно представленные публике, имеют неожиданный вид: о мытарствах эмигрантов повествуют дети и внуки. Младенческие воспоминания дополняются рассказами взрослых. Дочь Антона Деникина вообще «помнит» только то, о чем «папа писал в «Очерках русской смуты». Непосредственных свидетельств нет. Есть традиция.

Поначалу даже трудно понять, что объединяет столь несхожих людей. Одни сохранили еще тургеневский русский язык, другие, как внучка Феликса Юсупова, радостно сообщают, что «дедушка обожал animals». Одним видится белое движение в «белых ризах», а борьба его с большевиками понимается как противоборство «воинства ангельского и сатанинского». Другие отдают себе отчет, что по части кровопийства все — красные, белые, зеленые — одним миром мазаны.

Вместе с тем героев объединяет нечто более существенное, нежели политические симпатии. Все персонажи — очень старые русские, каких и в России уже нечасто встретишь. В эмиграции они законсервировались. Это те русские, для которых православие — образ жизни (даже «способ выживания»), а не орудие патриотической демагогии. Но при этом они и европейцы — не только по включенности в парижский быт, но и по той толерантности, которая заставляет избегать резких суждений.

Невозможно дать представление о традиции за 52 минуты экранного времени. Отсюда вольный монтаж необязательных эпизодов, разворачивающихся в стиле внешне бессвязного «большого русского разговора». Фильм развивается как бы «слово за слово». Вспомнились танцы до упаду — появится танцующая Анна Павлова; похвастается Никита Кривошеин, что он единственный в мире человек, оба деда которого персонально прокляты вождем мировой революции, — явится хроника с вождем: сначала живым, потом в виде низвергаемого бронзового истукана.

Хаос свободных собеседований, перемежающихся видами Парижа и кадрами кинохроники начала века, странным образом выливается в осмысленное и душеполезное зрелище. Однако через полчаса накатывает тоска. Не скука, заметьте, не печаль, не грусть. Самая настоящая тоска — сожаление неведомо о чем, утраченном безвозвратно, чего и достичь нельзя и без чего жить противно.

Вдруг становится понятно, что Россия — Евразия. Не по географии — по людскому составу. «Европейцы» в своем большинстве уходили в эмиграцию: кто «с оружием в руках», кто на «философских пароходах». Оставшихся отправляли на «перековку», с которой возвращались едва ли не реже, чем из эмиграции. Удельный вес «азийцев» неуклонно повышался. Те русские европейцы «первой волны» однажды Россию продули. Слушаешь и пытаешься понять — почему? ■

Н. П.

ВЫСТАВКИ

Водка

«Митьки», Авдей Тер-Оганян, Владимир Архипов
Галерея Марата Гельмана

ПОСЛЕ УГОЩЕНИЯ, ПРЕДЛОЖЕННОГО АВДЕЕМ ТЕР-ОГАНЯНОМ (ВВЕРХУ), **ПОСЕТИТЕЛИ ПОПАДАЮТ В «МИТВЫТРЕЗВИТЕЛЬ»**

Хотя пьющий художник — явление нередкое, мало кто решается сделать свое пристрастие к спиртному предметом искусства. Не случайно главной заповедью всемирного сообщества алкоголиков является анонимность. Да и сам предмет трудно назвать эстетичным, особенно если речь идет не о жеманном винопитии на французский лад, а о сорокаградусной русской пьянке. В то же время тема «водки» в широком смысле слова не теряет актуальности, и удивительно, что галерея Гельмана, известная своей приверженностью к «горячим» социальным проблемам, только сейчас решилась показать «алкогольное» искусство Москвы и Петербурга последних десяти лет.

Выставка позволяет проследить весь «технологический процесс» пьянства, его фазы и соответствующие состояния: от «натюрмортного» любования формой бутылок и дегустации их содержимого до похмелья и осознания содеянного. Московская часть состоит из произведений, впервые показанных в Галерее в Трехпрудном в 1991—1992 годах. Для художников Трехпрудного во главе с Авдеем Тер-Оганяном, ставивших себе целью создание «популярного» (в смысле понятного и развлекательного) искусства, алкоголь оказался незаменимым средством для наглядной демонстрации сугубо эстетических проблем. «Море водки» проверяло способность зрителя к метафорическому мышлению, «Форма и содержание» придавали схоластическим спорам вкус и аромат, а «Воплощение» заставляло поверить в чудо искусства. Последнее произведение — два обычных водопроводных крана, из которых текли вино и водка, — было воспринято посетителями вернисажа функционально, в результате чего некоторым из них удалось повторить шедевр Тер-Оганяна — акцию «В сторону объекта». В отличие от Тер-Оганяна, вполне осознанно превратившегося с помощью алкоголя из творца в неодушевленное произведение, из «субъекта» — в «объект» в расчете на то, что его недвижное тело будет лежать на полу галереи как доказательство жанровой условности, бесчувственные тела случайных жертв искусства требовали другого обращения. И тут настал момент оценить по достоинству прозорливость и тонкое знание предмета «митьками», устроившими в соседнем зале свой «Митвытрезвитель».

Как сказано в прилагаемых медицинских справках — историях одной и той же болезни, большая часть «митьков» последние годы «поддерживает трезвый образ жизни», что дает им право на мягкую назидательность, выраженную в идее вытрезвителя. Вытрезвитель всегда ассоциируется с насилием, без которого невозможно обуздать алкогольную стихию. Но «митьки» попытались создать образ вытрезвителя «с человеческим лицом», этакой тельняшечной идиллии, наполненной атмосферой душевности и почти домашнего комфорта. Пьянство для «митьков» — не повод для формальных экспериментов и абстрактных построений, а источник экзистенциальных приключений, зафиксированных ими во множестве художественно-документальных произведений с чисто алкогольной дотошностью.

Философия «митьков» необыкновенно гуманистична. По их мнению, пьяницу нельзя воспринимать как «объект». Более того, сама способность к алкогольным возлияниям является своеобразным признаком «человечности», ибо, как гласит надпись на одной из картинок: «После трех бутылок вина невозможно быть плохим человеком».

Помимо эстетических и морально-этических аспектов пьянства, выставка затрагивает этнографические и историко-политические проблемы, связанные с традицией самогоноварения. Разговоры о возможном введении государственной монополии на водку ставят коллекцию самогонных аппаратов Владимира Архипова в авангард «алкогольного искусства». Эти невзрачные приспособления, созданные художниками из народа, обнаруживают глубинную взаимосвязь между творческой и алкогольной жаждой, над которой не властны никакие запреты. ■

Милена Орлова

ТЕАТР

Московский театр «О'кей»

Кобо Абэ «Женщина в песках»
Режиссер Алексей Говорухо

МУЖЧИНА (ВАЛЕНТИН ОВСЮК) И ЖЕНЩИНА (МАРГАРИТА ТЕРЕХОВА)

Антреприза Ольги Шведовой возродилась после двухлетнего перерыва. Впрочем, ее новый проект ни серьезным, ни амбициозным, ни даже скандальным не назовешь. Ставка делалась на актрис: в программке указано, что Женщину должны были играть по очереди Наталия Белохвостикова и Светлана Тома. Вместо них мы увидели Маргариту Терехову (что, казалось бы, интереснее). Но спектакль получился архаичный, в духе бедных студийных радостей 70-х годов. Действие идет «в сукнах» (вместо декораций висят песочного цвета тряпочки), некий пластический полутанец изображает работу, остальное — вяло-психологично. Сложная, жесткая история о свободе и выборе превратилась в сладковатый и невнятный сюжет «про любовь». И даже то, что любимую народом актрису пару раз стыдливо пытаются раздеть, успеха спектаклю вряд ли прибавит. ■

Дина Годер

ЧАСТНОСТИ

Внимание!

Предлагаем условия для размещения рекламы в нашей новой рубрике "ЧАСТНОСТИ"

Рекламные расценки

Модуль	Полноцветная	Черно-белая
1/6(58x118)	$999	$820
1/12(58x57)	$530	$425
1/24(58x27)	$275	$230

Оплата производится в рублях по курсу ЦБ РФ на день осуществления платежа.
НДС не облагается.

Срок подачи материалов— две недели до выхода номера из печати.

За более подробной информацией
просьба обращаться
к менеджеру
рубрики"ЧАСТНОСТИ"
Ирине Лютиковой
по тел.: 753 4145/46
или по факсу: 753 4148

Осетрин...

SCRABBLE

Кажется, совсем не плохой вариант, осталось только найти «открытую» букву «А», к которой можно было бы пристроиться. Ход, может быть, и не принес бы максимального количества очков, но наверняка доставил бы моральное удовлетворение любому игроку в Scrabble. Увы, единственная буква «А» на доске не оставляет никаких шансов на «осетрину». Но нет худа без добра, из «осетрин» готовят не только рыбное. И в этой позиции можно сделать красивый ход, к тому же дающий 140 очков. Согласитесь, совсем не плохо с такими «дешевыми» исходными буквами. Вот если бы всю игру удавалось поддерживать такой коэффициент полезного действия!

Задача №18

Попробуйте использовать все имеющиеся у вас буквы.

О1 С2 Е1 Т2

Р2 И1 Н1

- ОЧКИ ЗА СЛОВО, ПРОХОДЯЩЕЕ ЧЕРЕЗ ЭТУ КЛЕТКУ, УТРАИВАЮТСЯ
- ОЧКИ ЗА СЛОВО, ПРОХОДЯЩЕЕ ЧЕРЕЗ ЭТУ КЛЕТКУ, УДВАИВАЮТСЯ
- ЦЕНА БУКВЫ, ПОПАВШЕЙ НА ЭТУ КЛЕТКУ, УТРАИВАЕТСЯ
- ЦЕНА БУКВЫ, ПОПАВШЕЙ НА ЭТУ КЛЕТКУ, УДВАИВАЕТСЯ

Решение задачи №18

e11↓ ОКУЛИСТ (13 + 7 за слово из 7 букв *4 проходит через две синие клетки = 80 очков).
i7↑ ПИСТОН (12+6 за слово из 6 букв = 18 очков).
j4→ РЕЗОНАНС (14+8 за слово из 8 букв = 22 очка).
Премия за использование всех букв 20 очков.
Итого: 140 очков.

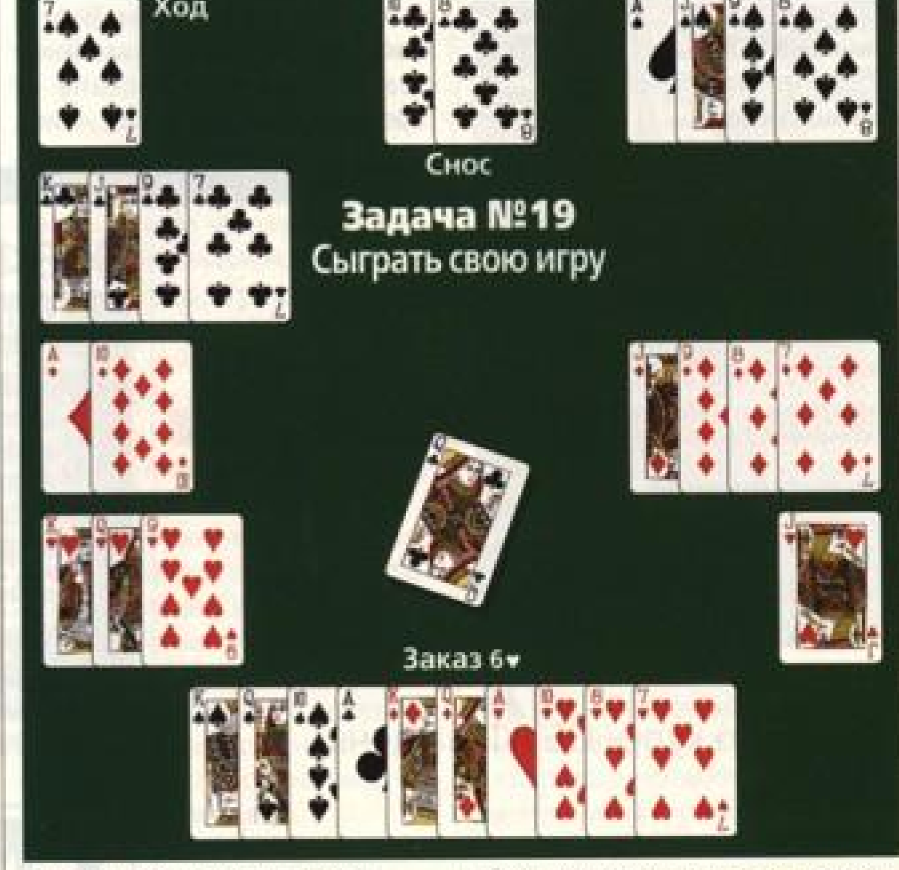
Чем курочка сыта бывает

ПРЕФЕРАНС

Каждая компания преферансистов придерживается собственного кодекса и считает его единственно правильным, а все остальные варианты — извращением. Мы уже говорили о том, что большинство расхождений не носят принципиального характера, но есть одно «правило», которое никак нельзя принять. Речь идет о штрафе за недозаказ (этот прием иногда называют подводом), т.е. умышленное занижение игры с целью посадить вистующих.

Но даже если играющего можно заподозрить в подводе, нет никаких оснований для применения санкций. Опытного игрока расстроило бы гораздо больше, если б играющий заказал «много» и, благодаря раскладу, сыграл свою игру. Инициатор подобных разбирательств, как правило, не силен в устном счете. Посчитав получше, он убедился бы, что закажи играющий девять, а не шесть, то выиграл бы больше, нежели взяв те же взятки на простой (44 «сочинских» виста против 22). А сам вистующий проиграл всего лишь 2 лишних виста (24, а не 22). Стоит ли устраивать скандал из-за двух вистов?

К тому же обвинениям в недозаказе чрезвычайно трудно дать бесспорное, «юридическое», обоснование, поскольку практически всегда можно построить гипотетический расклад, оправдывающий «осторожность» играющего (другое дело, стоило ли принимать возможность такого расклада во внимание).

Заказывая мало, игрок в первую очередь наказывает самого себя, и чаще всего недозаказ — следствие просчета. Но иногда подводом пользуются и опытные игроки, не делающие примитивных ошибок. Дело в том, что преферанс отнюдь не исчерпывается состязанием в технике розыгрыша. Это еще и психологическое противостояние игроков, и в этом плане использование подобных приемов оказывается весьма действенным. Конечно, с мастером такой фокус не пройдет, но начинающего пара подсадов на вистах может вывести из равновесия, он изменит тактику игры, уступая даже самые надежные висты, а это, безусловно, скажется и на результате пули.

Если вы столкнулись с подобным приемом, смело вистуйте, ориентируясь на собственные карты. Если партнер вас не поддержит и скажет «пас», вы можете уйти за полвиста. К тому же если ваш партнер пасовал из каких-то иных соображений, то он всегда может взять ответственность на себя и продолжить игру, так что риск выпустить играющего минимален. Конечно, немыслимо сыграть целую партию и ни разу не сесть без взятки на висте, но для достижения благополучного исхода пули необходимо использовать все возможности посадить играющего. Если у вас есть висты, не стесняйтесь об этом заявить. Это — важная информация для вашего партнера по висту, и потому не следует опасаться упреков в жадности. Ну и даже если игра закончилась своей, тоже неплохо, недаром у преферансистов популярна поговорка «Курочка по зернышку клюет...».

Страница Дмитрия Генина

Решение задачи №19

1) ♠Д, Т, 7; 2) ♥7 (единственный ход), ♠9, 8; 3) ♦7, Д, Т; 4) ♠К, ♦8, ♥Т; 5) ♠К, 7, Т; 6) ♦9, К, 10; 7) ♥10, ♠10, ♠Д, ♦8; 8) ♠9, ♦8, ♠8; 9) ♥Д, ♠8, ♠9; 10) ♠10, ♠К, ♥8 — 6 взяток.
Если бы вистующие сделали первый ход ♠8, его следовало бы пропустить и доставить пикой «козырной вист».

Коллекция Весна Лето 1997

CANALI

T&C Studio '97

КАЛИГУЛА

мужская одежда

Ленинский проспект, 52

Тел. (095) 137 1381

понедельник-суббота: 10.00 - 21.00

воскресенье: 11.00 - 20.00